

ISSN 2500–3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 11 2018 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

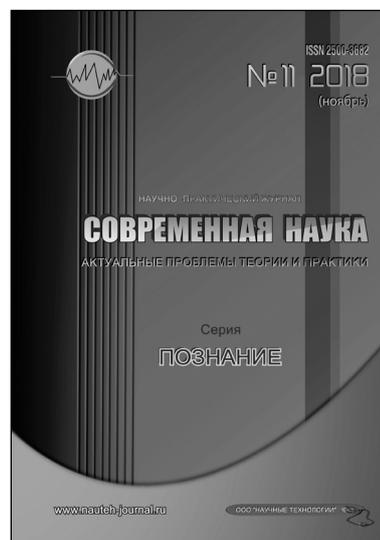
Подписано в печать 12.11.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 11 ноябрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Вислова Аминат Даняловна — доктор псих. наук, в.н.с. Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиухова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Арташкина Т. А., Ван Ифэй — Принципы китайской традиционной культуры в структуре китайской корпоративной культуры
Artashkina T., Wang Yifei — Principles of Chinese Traditional Culture in the Structure of Chinese Corporate Culture 5

Волков В. А. — Культура и политика
Volkov V. — Culture and Politics 12

Демченко Г. А. — Колокольная паспортизация как вид историко-статистического описания в структурах РПЦ
Demchenko G. — Bell certification as a kind of historical and statistical description in the structures of the ROC 15

Му Кэ — Национальность русского искусства до II Мировой войны
Mu Ke — The nationality of Russian art before World War II 19

Пышнова С. Л. — Основные мифологемы эпоса майя-киче «Пополь-Вух»
Pyshnova S. — Major myths of epic quiche maya "Popol Vuh" 22

Психология

Асташова Е. И. — Исторические предпосылки психологических условий формирования готовности обучающихся к применению огнестрельного оружия
Astashova E. — Historical background of the psychological conditions for the formation of students' readiness for the use of firearms 26

Бескова Т. В. — Особенности отношения православных россиян к представителям других религий и его мотивы
Beskova T. — Features of the relation of the orthodox Russians to the representatives of other religions and its motives 30

Елисеева Н. Д., Луцкан И. П., Хохолова С. Е. — Социально-психологическая помощь подросткам с девиантным поведением
Eliseeva N., Lutskan I., Khokholova S. — Social and psychological assistance to adolescents with deviant behavior 36

Кутейников А. Н. — Историко-психологические факторы формирования немецкого национального характера
Kuteynikov A. — Historical and psychological factors of German national character formation 42

Медведева В. А., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. — Отношение к жизни и смерти у подростков, перенесших онкогематологические заболевания
Medvedeva V., Kapustina T., Kadyrov R. — Attitude to life and death in adolescents who underwent oncohematological diseases 52

Хайбулина Э. И. — Представления о мире верующих с разными типами религиозной ориентации в свете ассоциативно-пропозициональной модели Б. Гавронски и Г. В. Боденхаузена
Khaibulina E. — The worldview of persons with various religious orientation types in ape-model's context 57

Шемет И. С., Шемет С. С., Парфентьев В. И., Морозова А. А. — Развитие двигательной активности дошкольников в зависимости от типа рождения
Shemet I., Shemet S., Parfentyev V., Morozova A. — The development of the motor activity of preschool children depending on the type of birth 62

Философия

Аюрова А. М. — Клиповое мышление и информационная война в концепциях информационного общества
Ayurova A. — Klipovoy thinking and information warfare in the concepts of information society 69

Жукова О. И., Жуков В. Д. — Воздействие информации на сознание человека в современной социокультурной реальности <i>Zhucova O., Zhucov V.</i> — The impact of information on human consciousness in contemporary socio-cultural reality.....76	Опёнков М. Ю., Тетенков Н. Б. — Онтологические идеи теоретической физики <i>Openkov M., Tetenkov N.</i> — Ontological ideas of theoretical physics88
Му Кэ — Современная философия в теории и практике чистого искусства <i>Mu Ke</i> — Modern philosophy in the theory and practice of pure art.....80	Прохорова Г. А. — К вопросу о взаимосвязи моральной и юридической ответственности государственной власти и должностных лиц <i>Prokhorova G.</i> — To the question of the relationship of the moral and legal responsibility of public authorities and officials.95
Николов Н. О. — Элементы онтологии личности: «демон Сократа», «демон Лапласа», «демон Максвелла», «демон Гегеля» и их инварианты, как признаки формирования одно-, двухмерных моделей личностного бытия (элементы регресса личности) <i>Nikolov N.</i> — Personality ontology elements: "demon of Socrates", "demon of Laplace", "demon of Maxwell", "demon of Hegel" and their invariants, as evidence of formation of one-, two-dimensional models of personal being (elements of personality regression).....83	Семенов Д. В. — Конкуренция и конфликт как реализация принципа состязательности <i>Semenov D.</i> — Rivalry and conflict as the realization of the principle of competitiveness.....98
	Информация Наши авторы. Our Authors 102
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 103

ПРИНЦИПЫ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРЕ КИТАЙСКОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

PRINCIPLES OF CHINESE TRADITIONAL CULTURE IN THE STRUCTURE OF CHINESE CORPORATE CULTURE

**T. Artashkina
Wang Yifei**

Summary. The traditional culture of China has formed a rich and unique Chinese management culture. The article analyzes in detail the provisions of the ancient Chinese philosophy, which are the spiritual foundation of managerial culture. Drawing on the work of contemporary Chinese researchers, the authors explore how the described principles of traditional Chinese culture are applied in contemporary Chinese corporate culture. The authors conclude that the ideological principles and cultural connotations of Chinese traditional culture are the basis of the spiritual component of modern Chinese corporate culture.

Keywords: China, traditional culture, corporate culture, ancient Chinese philosophy, principles of corporate culture.

Арташкина Тамара Андреевна

*Д.ф.н., Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)*

tam.artand@gmail.com

Ван Ифэй

*Аспирант, Дальневосточный федеральный
университет (Владивосток)*

wangyifei@mail.ru

Аннотация. Традиционная культура Китая сформировала богатую и уникальную китайскую управленческую культуру. В статье подробно анализируются положения древней китайской философии, являющиеся духовным фундаментом управленческой культуры. Опираясь на работы современных китайских исследователей, авторы исследуют, как описанные принципы традиционной китайской культуры применяются в современной китайской корпоративной культуре. Авторы делают вывод о том, что идеологические принципы и культурная коннотация китайской традиционной культуры являются базисом духовной составляющей современной китайской корпоративной культуры.

Ключевые слова: Китай, традиционная культура, корпоративная культура, древняя китайская философия, принципы корпоративной культуры.

Традиционная культура Китая сформировала богатую и уникальную китайскую управленческую культуру, а потому имеет важное значение для современной практики управления предприятием. В 1988 г. на первой Международной конференции лауреатов Нобелевской премии «XXI век», состоявшейся в Париже (Франция), 75 лауреатов Нобелевской премии совместно выступили с инициативой: «Если люди захотят выжить в XXI веке, они должны вернуться на 2500 лет назад. Конфуций отправился туда, чтобы обрести мудрость» [1, с. 184]. Руководство современного Китая поступило мудро, рекомендовав сформировать культурную основу современного управления китайским предприятием.

Проанализируем, опираясь на работы современных китайских исследователей, какие принципы традиционной китайской культуры находят свое отражение в китайской корпоративной культуре.

Концепция корпоративной культуры должна быть ориентирована на людей (以人为本)

Идея или концепция, которая фокусируется на существовании людей, должна удовлетворять потребностям самих людей. «Народно-ориентированная» («以人为本»)

идеология всегда доминировала в концепции древнего китайского управления. В книге «Шаншу» (одна из китайских классических книг, входящая в состав конфуцианского «Пятикнижия») сказано: «人无于水监, 当以民监» (дословный перевод: «У людей нет контроля над водой»). Или, вольный перевод: «Не используйте воду как зеркало, но относитесь к людям как к зеркалам. Всегда все проверяйте, проверяйте себя и размышляйте о достижениях и потерях политики» [2].

В период Чуньцю (770–476 гг. до н.э.) Гуань Чжун (китайский мыслитель и политик периода Весны и Осени, признанный основоположник легизма как философско-политического учения) предложил идею «ориентации на людей»: «夫霸王之所始也, 以人为本» (дословный перевод: «Повелители начали править, ориентируясь на людей»). Или, вольный перевод: «Народные массы являются определяющей силой социальных перемен». По его мнению, «путь к делу» (务本之道) как «стремление к фундаментальной истине» означает, что повелитель должен управлять сердцами людей и бороться за людей [3, с. 5]. В конфуцианстве управление «ориентированное на человека» становится более выразительным и имеющим более значимое содержание. Конфуцианство исходит из того, что человек — это дух (дао, мера) всех вещей, центр вселенной. «Ориентированное на людей» мышление также интерпретировалось и ис-

пользовалась философами прошлого, делая его коннотацию богаче.

Некоторые современные ученые считают, что «ориентированное на человека» управление на основе конфуцианства является сутью корпоративной культуры. По мнению китайских исследователей, некоторые бизнес-ассоциации в истории Китая, такие как торговцы Шаньси (из провинции Шаньси), торговцы Хуэйчжоу (из провинции Аньхой), торговцы из провинции Чжэцзян и торговцы из провинции Гуандун, также выступали за «ориентированное на людей» управление [4, с. 219]. Чэнь Гуанбяо, современный китайский предприниматель, был одним из самых важных предпринимателей в финансовых и деловых кругах. Основанные им Шанхайский банк и Китайская туристическая служба имеют уникальное положение в истории современного экономического развития Китая. Развитие банка и туристической службы тесно связано с последовательной реализацией Чэнь Гуанбяо «ориентированной на людей» философии управления. Он считает: «С талантом спад станет процветающим, без таланта процветание станет спадом». Самый богатый человек в Гонконге — Ли Кашинг хорошо осведомлен об «ориентированном на людей» подходе к управлению. Однажды он сказал: «Управляя большой компанией, вы ничего не должны желать для себя. Прежде всего, нужно сделать все, чтобы сотрудники чувствовали себя в безопасности, и пусть они будут работать спокойно. Пусть они нравятся вам в первую очередь» [5, с. 131].

Реализация культурных принципов групповой эффективности

«Принципы групповой эффективности» — это концентрированное на протяжении тысяч лет выражение модели авторитарного правления. В древнем трактате Хан Фейзи отмечалось: «事在四方，要在中央。圣人执要，四方来效», в переводе: «Политические дела были переданы местным чиновникам, но власть была сосредоточена у центрального правительства. Монарх Шэнминга отвечал за власть, и во всем мире стали управлять чиновники со всего мира. Короче говоря, необходимо создать централизованное правило монархии» [6]. В этом отрывке четко разделяются директивные и исполнительные, центральные и местные функции управления.

В одном из первых китайских военных трактатов «Искусство войны Сунь Цзы», автор которого — китайский полководец и философ Сунь Цзы, живший в VI в. до н.э., говорится: «凡治众如治寡，分数是也», вольный перевод: «Принцип управления большими единицами такой же, как и управление одним отрядом. Достаточно

но понять характеристики разных должностей». Или, по-другому: «斗众如斗寡，形名是也», вольный перевод: «Основной принцип командования в сражении большими подразделениями и управления небольшими единицами — один и тот же. Достаточно уловить характеристики размера войск и их соответствующих имен (назначения)» [7].

Различают первичный и вторичный «Принципы групповой эффективности», которые направлены на устранение основных противоречий. В начале своей карьеры Чжан Жуйминь, президент компании Haier (современная китайская компания, производящая бытовую технику), вступил в должность на фабрике холодильников в Циндао. Первые предпринятые им меры заключались в том, чтобы «нигде не подтекало» и «холодильник морозил». Эти меры были направлены на устранение основного противоречия, которое стало результатом хаотичного управления и говорило об очень низком качестве продукции. Без этих мер Haier не смог бы иметь сегодняшних достижений [8, с. 205].

Новая экономическая надежда Китая — крупная частная компания со многими предприятиями, занятыми во многих областях. Типичная трактовка «Принципов групповой эффективности» связана с принципами управления в такой компании. Стратегический комитет компании — совет директоров и команда старшего руководства — взаимно унифицированы и сбалансированы, а основатели компании возглавляют эту пирамиду власти [9, с. 10].

Современными примерами «Принципов групповой эффективности» традиционной китайской культуры, вошедшими в китайскую организационную культуру, являются такие принципы, как «активное сотрудничество, уважение послушания» компании Kelon (китайская компания кондиционеров), «уважение послушания, откровенные советы» корпорации Sinopec Corporation (China Petroleum & Chemical Corporation — китайская энергетическая и химическая корпорация) и т.д. [10, с. 112].

Культурная стратегия «сначала планировать, а затем действовать»

Как принимать правильные решения — это первый вопрос, с которого должен начинать свою работу бизнес-менеджер. В трактате Гуань Цзы (название совокупности древнекитайских философских трактатов, написанных разными авторами, жившими в основном в IV–III вв. до н.э.) сказано: «夫强之国，必先争谋» («Если вы хотите сделать страну сильной, вы должны сначала спланировать свою стратегию») [11]. Конфуций сказал об этом так: «暴虎馮河，死而无悔者，吾不与也。必临事而慎，好谋而成者也». Вольный перевод: «Невооружен-

ный человек не идет на бой с тигром; чтобы пересечь реку, нужно идти к реке. Только безрассудный человек не жалеет о смерти, но я не имею с ним дела. Тот, с кем я предпочитаю иметь дело, бывает осторожен, когда сталкивается с новыми задачами, и который хорошо разбирается в стратегии и может решать любые задачи» [12]. Оба мудреца говорили о необходимости предварительного планирования в качестве первого шага к принятию успешного решения.

Древний китайский полководец Сунь Цзы считал: «知己知彼，百戰不殆；不知彼而知己，一勝一負；不知彼，不知己，每戰必殆». Перевод: «Знаешь силу врага и понимаешь свои силы, битва будет выиграна; когда силы врага не ясны, то и его действия не понятны. Иногда битва бывает успешной, но иногда войска терпят неудачу: надо знать силы врага, чтобы победить!» [13]. Поэтому соперники должны заранее планировать свои действия перед битвой: «先料將之賢愚，敵之強弱，兵之眾寡，地之險易，糧之虛實» (дословный перевод: «Ожидается, что мудрый будет мудрым, враг будет сильным и слабым, солдаты будут лучшими, земля будет легкой, и зерна будет много»). Вольный перевод: «Первое правило использования солдат в бою — сначала составить стратегический план. Перед войной необходимо определить, является ли генерал мудрым или скучным, сильные или слабые силы у противника, количество солдат велико или мало, местность театра военных действий крутая или плоская, а запас зерна для пропитания недостаточен или достаточен» [14].

Отношения между прогнозированием и принятием решений могут привести к большому успеху или большой неудаче. Китайцы подчеркивают всестороннее применение стратегии и тактики и ставят стратегию на первое место. Только таким образом можно одержать победу: «知己知彼，勝乃不殆；知天知地，勝乃不窮». Вольный перевод: «В войне вы должны точно понять намерения врага, и тогда вы можете победить без риска поражения. Если вдобавок еще вы будете знать изменения погоды и географическое положение, победа не будет носить единичный характер, и вы обязательно одержите окончательную победу» [15].

Так, журналом «Отлично» Formosa Plastics Group была оценена на Тайване как компания с наибольшим операционным доходом. Культурная стратегия основателя этой компании Ван Юнцина «сначала план, а затем принимать решение» сыграла очень важную роль в становлении и развитии компании. После нефтяного кризиса в 1970-х гг. Ван Юнцин овладел инвестиционными возможностями и решительно вышел на рынки в Соединенных Штатах, открыв тем самым зарубежные рынки. После начала политики реформ и открытости в материковой части Китая он сразу же обосновался в китайском горо-

де Сямынь, инвестировал создание почти 10-ти компаний и создал нефтехимическую промышленную систему на материке [8, с. 288].

Честная и заслуживающая доверия культурная этика

Традиционная культура Китая оставила множество «честных и заслуживающих доверия» инструкций для будущих поколений. Например, Конфуций писал: «自古皆有死，民无信不立», дословно: «С древних времен были случаи смерти, и у людей нет веры». Вольный перевод: «Люди не могут без кредита доверия. Если правитель страны не может получить кредит доверия людей, то страна рухнет» [16].

В течение тысяч лет деловой активности в Китае честность и надежность всегда были моральными принципами и культурной этикой, которой придерживались китайские предприниматели. Предприниматели обязаны полагаться на качество своей продукции и не обманывать клиентов, чтобы выиграть в конкурентной борьбе. Например, торговцы (бизнесмены) из провинции Шаньси всегда ставили надежность на первое место.

Гуань Юньчан, который в китайской мифологии является богом войны, богом богатства и покровителем чиновников, утверждал, что «Люди очень ласковы и праведны, а дух борьбы за справедливость является чрезвычайно благородным». Память предков требует проявить уважение к этому принципу и его соблюдать [17, с. 83]. Некоторые китайские ученые отмечают, что конфуцианский бизнесмен (предприниматель) как следствие китайской культуры стал образцом для бизнесменов, и не только в Китае [18, с. 33].

Соединение командного духа с общим желанием

В трактате «Чжоу И» (周易, «Книга Перемен» — наиболее авторитетное и оригинальное произведение китайской канонической и философской литературы, стоящее во главе конфуцианского «Пятикнижия» и «Тринадцатикнижия») есть известная поговорка: «君子上交不諂，下交不瀆», дословно: «Джентльмены не льстят, они не делают этого». Вольный перевод: «Будь ты богатым или нищим, в межличностных отношениях придерживаются джентльменской манеры вежливости и самоуважения» [19]. В трактате Гуань Цзы сказано: «以众人之力起事者，无不成也». Вольный перевод: «Полагаясь на мудрость всех людей, нет никаких разногласий; полагаясь на силу всех людей, чтобы делать что-то, нет неудачи. Необходимо относиться с бесконечной мудростью к силе масс» [20]. В древнем китайском военном трактате «Искусство войны Сунь Цзы» говорится:

«上下同欲者，胜». Перевод: «Убедить общество и примирить человеческие сердца — важный фактор для победы» [21].

Аргументы древних мыслителей, хоть и были различны, но все они говорят об одном и том же: объединяя сердца людей и их умы, можно сдвинуть одну из самых известных гор в Китае — гору Тайшань. Политика реформ и открытости породила новое поколение предпринимателей, которые стремятся использовать в своей деятельности принцип соединения командного духа «с общим желанием». Лю Чуанжи, основатель компании Lenovo Group, выпускающей персональные компьютеры и другую электронику, подводя итог своему успешному опыту, сказал: «Наша команда никогда не занималась сектантством, и все ставят интересы компании на первое место» [22, с. 104]. Чжан Жуйминь, президент компании Haier Group, также сказал с глубоким чувством: «Только объединив всех людей, работающих в компании Haier, можно создать мощную силу» [23, с. 28].

Эти и другие идеологические принципы китайской традиционной культуры нашли свое отражение в современной китайской корпоративной культуре. При этом они определенным образом интерпретировались. Попробуем разобраться в том, как описанные нами принципы традиционной китайской культуры применяются в китайской корпоративной культуре.

Принцип ориентированной на людей корпоративной культуры в деятельности ориентированного на людей предприятия

Один из конфуцианских принципов гласит: «天地之性人为贵», или, в переводе: «Среди Небес и Земли люди самые почетные» [24]. В этом утверждении выделен субъектный статус людей в трех материях «Небеса, Земля и люди». Категория «люди» любой компании включает как ее сотрудников, так и ее клиентов. «Люди» в качестве сотрудников являются планировщиками, организаторами и исполнителями деятельности по производству, эксплуатации и сбыту продукции предприятия и являются основным органом создания прибавочной стоимости. Как клиенты, «люди» являются потребителями продуктов и услуг и являются основным источником прибыли корпораций. Корпоративная культура должна сформировать у сотрудников «ориентированную на людей» ценностную ориентацию и выдвинуть всестороннее развитие людей на первый план.

Например, компания Gree Electric Group, производящая климатическое оборудование, всегда придерживалась духа «лояльности, дружелюбия, трудолюбия и предприимчивости» в качестве основы

своей деятельности и отстаивает «ориентированную на людей» современную корпоративную этическую ценностную ориентацию. Эта ценностная ориентация компании нашла свое отражение на страницах журнала «Fortune», издаваемого компанией на протяжении многих лет. Журнал «Fortune China» выражает наиболее важные идеологические (духовные) основы корпоративной культуры 100 ведущих компаний в Китае [25].

Корпоративная этика и культура должны быть ориентированы на справедливость и прибыль

Ядро конфуцианской деловой этики действительно ориентировано на «талант души бизнеса» («士魂商才»). В изложении американского ученого китайского происхождения Ю Инши, это звучит так: «У бизнесмена должна быть этика, мораль и идеалы людей, пользующихся большим влиянием (мудрецов), а также таланты и прагматизм торговцев» [26, с. 4]. Иными словами, этика в бизнесе используется для стандартизации бизнес-поведения бизнесменов.

При получении прибыли компания должна руководствоваться «умным интересом», заключающимся в обладании права справедливости. Чтобы получить прибыль, предприятия должны стремиться к прибыли разумными, законными и совместимыми средствами. Необходимо всегда помнить конфуцианский принцип «不义而富且贵，于我如浮云». Вольный перевод: «Богатства, которые не отвечают принципам морали, столь же незначительны для меня, как облака в небе». Данная метафора показывает, что деньги и статус могут быть очень незначительными [27]. И, наконец, о том, как распределять прибыль. Необходимо преодолеть эгалитарную (уравнительную) идеологию «Большого банка» («大锅饭» — «большой котел»), но обратить внимание на справедливость распределения, быть ответственным перед страной, ответственным перед обществом и ответственным перед народом [28, с. 131].

Группа предприятий Wanshili стремится поддерживать знаменитый бренд в китайском мире шелка. Эта корпорация сформировала корпоративную культуру, отражающую принципы «все ориентировано на людей, гармония — самое важное качество в любом деле, а общество означает ответственность». По оценке Китайской ассоциации по изучению культуры предприятий, Wanshili Group получила почетное звание «Отличного подразделения National Enterprise Culture Construction 2010 года» («Отличное подразделение Национального предприятия в культурном строительстве»). Это звание имеют всего 10 предприятий в стране [29, с. 2].

Следовать законам макромышления и отстаивать в корпоративной культуре принципы стратегического управления

Древние говорили: «自古不谋万世者，不足谋一时；不谋全局者，不足谋一域». Вольный перевод: «С древних времен если люди не могли проанализировать какой-то вопрос с точки зрения долгосрочных интересов, то они не могли ничего хорошо спланировать. Если правитель не сможет увидеть общую ситуацию для планирования государственных дел, он не сможет мудро управлять» [30]. Заметим, что в данном случае речь идет о стратегическом плане.

С наступлением эпохи информатизации и глобализации конкуренция между предприятиями не является конкуренцией на тактическом уровне, но часто является конкуренцией на стратегическом уровне. Роль стратегической корпоративной культуры стала более заметной. Менеджеры, особенно старшие менеджеры должны учитывать это: «运筹于帷幄之中，决胜于千里之外». Вольный перевод: «Умному человеку не нужно стремиться на поле битвы, просто сделайте хорошую работу на ранней стадии идеального стратегического развертывания, и вы сможете добиться успеха». Например, корпоративную стратегическую культуру и стратегическое управление компании Huawei можно обобщить как стратегию бренда, стратегию диверсификации, стратегию интернационализации и международную стратегию бренда. Корпоративная культура предприятий этой компании и их опыт в формировании корпоративной культуры стали широко известны не только в китайском обществе, но и стали образцом для других компаний [31, с. 36].

Придерживаться концепции изменения и культивирования корпоративной инновационной культуры

Китайская культура всегда приветствовала инновации и революцию: «因时而变» («Время от времени все меняйте»). Иными словами, смелее разрушайте рутину, не бойтесь быть смелыми в новаторстве и предприимчивыми. Потребность в инновациях — это необходимое качество и способность современных предпринимателей. Поэтому предприятия должны энергичнее выступать за инновации, поощрять различные инновации и оказывать большую поддержку талантам, создающим инновации, особенно при создании инновационных предприятий.

Например, когда китайское государство реагирует на многие проблемы в розничной торговле, оно, прежде всего, использует стратегию реагирования на инновации с точки зрения людей, финансов и материалов. Решение

«проблемы людей» означают богатый опыт работы с клиентами. В основном используется (поощряется) применение инновационных продуктов и технологий, позволяющих создать наиболее удобные условия для совершения покупок, что значительно повышает лояльность клиентов (покупателей). Решение проблемы «финансы» означает снижение общей стоимости продукции. Рентабельность производства повышается в основном, благодаря использованию информационных и иных новых технологий. Решение проблемы «материалов» означает повышение эффективности управления. Применение на предприятиях инновационных систем помогает оптимизировать процессы управления, повысить уровень управления и его эффективность, и тем самым повысить конкурентное преимущество предприятий [32, с. 35].

Поддержание концепции гармонии и культивирования гармоничной культуры

Принцип «гармонии» является одной из ценностей традиционной китайской культуры. У Конфуция есть высказывание: «礼之用，和为贵». Вольный перевод: «Роль этики заключается в том, чтобы гармонизировать отношения людей» [33]. Другими словами, Конфуций подчеркивал, что гармония — это закон выживания и развития всего мира.

Конкретная реализация практики управления бизнесом компании показывает, что самая большая ценность компании — это люди: «和气生财» («Гармония и добрые люди могут заработать целое состояние»). Это утверждение выражает важную философию бизнеса, а также практику ведения бизнеса, что было многократно проверено. Это самый базовый методологический принцип для координации предметных и объектных отношений между традиционной китайской культурой и уникальной мудростью выживания китайской нации.

Например, компания Rongshida Group (специализированное предприятие, изготавливающее кухонные шкафы, шкафы и кухонные приборы) представила новую концепцию «гармоничного бизнеса», основанную на практике многолетней и управленческой деятельности компании. Суть этой концепции такова: «Добросовестность, открытая совместимость, гармоничное развитие и создание беспроигрышной ситуации». В современном китайском обществе компания Rongshida, придерживаясь концепции «гармоничного бизнеса», достигла выдающихся достижений и написала значимую главу в истории национального промышленного развития [34].

Итак, традиционная китайская культура, насчитывающая 5000-летнюю историю, содержит богатый опыт управленческой деятельности. Это не только суть де-

22. 叶芄. 中国企业家精神过时了吗? // 信息空间. 2004年第6期. 第104 – 107页. (Е Пэн. Является ли китайское предпринимательство устаревшим? // Информационное пространство. 2004. № 6. С. 104–107.)
23. 张瑞敏. 海尔是海 // 经济管理. 2003年第1期. 第28页. (Чжан Жуймин. «Haier» — это целое море // Управление экономикой. 2003. Вып. 1. С. 28.)
24. 戚克剑. 中国企业文化之根基 [Электронный ресурс] // 中华会计网校网. 2001.12.31. URL: <http://www.chinaacc.com/new/287/294/354/2006/1/zh5182141936111160022478-0.htm> (дата обращения: 23.08.2018). (Ци Кецянь. Основы китайской корпоративной культуры // Сеть бухгалтерского учета Китая. 31.12.2001.)
25. 肖林. 格力: 温情企业文化显独特魅力 [Электронный ресурс] // 图标网. 2010. 07. 09. URL: <http://www.tjcjxyh.com.cn/html/shangbiaoxingxiang/wenhuanahan/11654.html> (дата обращения: 23.08.2018). (Сяо Лин.GREE: уникальное очарование тепла и корпоративной культуры // Знаковая сеть. 09.07.2010.)
26. (美) 余英时. 儒家伦理与商人精神. Ю.桂林: 广西师范大学出版社, 2009年版. 394页. (Ю Инши (США). Конфуцианская этика и деловой дух. Гуйлинь: Издательство университета Гуанси, 2009. 394 с.)
27. 郭齐勇. 忧患意识与乐感文化 [Электронный ресурс] // 中央人民广播电台网. 2018.04.22. URL: http://news.cnr.cn/native/gd/20180422/t20180422_524207694.shtml (дата обращения: 23.08.2018.) (Го Цюнь. Страдания и радость в музыкальной культуре // Центральная народная радиовещательная сеть. 22.04.2018.)
28. 孔南钢. 儒家商务伦理思想与现代企业伦理文化建设 // 伦理学研究. 2011年第4期. 第131 – 135页. (Конг Нанган. Конфуцианская деловая этика и современная корпоративная этическая культура // Этика. 2011. № 4. С. 131–135.)
29. 颜家兵. 中国传统文化视角下万事利集团企业文化研究. 硕士学位论文. 中国计量学院, 2012年6月. 62页. (Ян Цзябинь. Исследование корпоративной культуры Wanshouri Group с точки зрения традиционной китайской культуры: магистерская диссертация. [Китайский институт метрологии], 2012, июнь. 62 с.)
30. 中冷联盟官微, 冷链物流发展二十年, 为何仍长不出巨头? [Электронный ресурс]. 2018年05月15日. URL: <http://www.chinawuliu.com.cn/information/201805/15/331160.shtml> (дата обращения: 23.08.2018). (Логистика компании Zhonglang Union развивается в течение 20 лет. Почему же она до сих пор не стала крупнейшей компанией? 15 мая 2018 г.)
31. 海尔集团公司. 创新-海尔企业文化的核心 // 中外企业文化. 2009年第2期. 第36 – 40页. (Haier Group Corporation: «Иновации основа корпоративной культуры Haier» // Китайская и зарубежная корпоративная культура. 2009. № 2. С. 36–40.)
32. 姚永青. 中国零售行业 «钱景» 远大-惠普零售行业发展策略与解决方案分享 // 信息与电脑. 2011年第9期. 第35 – 37页. (Яо Юнцин. Индустрия розничной торговли Китая «Цянь Цзин» — это большой объем стратегических решений в области розничной торговли КНР // Информация и компьютеры. 2011. № 9. С. 35–37.)
33. 论语·学而第一 [Электронный ресурс] // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%A4%BC%E4%B9%8B%E7%94%A8%E7%BC%8C%E5%92%8C%E4%B8%BA%E8%B4%B5/9410696?fr=aladdin> (дата обращения: 23.08.2018.) (Аналитики Конфуция. Первое предложение // Энциклопедия Baidu.)
34. 中国红. 荣事达的 «和商» 文化 // 中国现代企业报. 2007年12月18日. 第A 04版. (Китайская красная культура. Деловая культура и коммерция «Ронгшиды» // Современные корпоративные новости Китая. 18 декабря 2007. Версия: А 04.)

© Арташкина Тамара Андреевна (tam.artand@gmail.com), Ван Ифэй (wangyifei@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

CULTURE AND POLITICS

V. Volkov

Summary. The article considers the cultural policy as a systematic, structured, normative and formalized activity carried out by the public authorities of the Russian Federation and public institutions aimed at supporting, preserving and developing the cultural sector, all kinds of creative activities of the citizens of Russia and the formation of personality on the basis of the inherent in the Russian society system of values. The author refers to the first in our country textbook «Basics of State Cultural Policy», which published by the St. Petersburg University of Culture. In the review the author shows that the concept of the textbook is based on the political science approach and methods of political science, due to which it focuses on issues such as the State and culture, the State as a subject of cultural policy, public authorities in the field of culture, models of cultural policy, etc. The author concludes that the creation of the textbook is the result of a considerable efforts of the author's team and the discussion of certain topics and problems of the cultural policy has been widely and deeply tested in different articles published in academic magazines of St. Petersburg universities.

Keywords: State cultural policy, Culture, Policy, Text book, Value-oriented model of State cultural policy.

Со времен Марка Порция Катона Старшего (234–148 до н.э.), подарившего нам термин «культура» в своем трактате о земледелии *De Agri Cultura*, значение и смысл этого понятия только расширяются. И уже сегодня мы находимся в громадном пространстве культуры от «возделывания земли» до «возделывания души». При этом обнаруживается разительное несовпадение ряда обыденных представлений и так называемой научной, сущностной интерпретации культуры при сравнении того, что обычному человеку представляется под этим словом с тем, что в культурологических теориях излагается как объективное содержание этого понятия. Человек отличается от животного тем, что он живет посредством приобретенных навыков и умений, а не посредством инстинктов, заложенных ему природой. Между тем, обычный человек воспринимает себя в качестве потребителя артефактов и специфической деятельности круга людей, которых он относит к сфере культуры. Культура существует в интересующем пространстве, в котором только и обретает свой смысл. Возделывание души посредством инструментов культуры, в конечном счете оказывается высшей практикой человеческой культуры.

Одним из субъектов этого интересующего пространства является государство со своим специфиче-

Волков Виталий Александрович
Д.полит.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет
e-mail: vitv@rambler.ru

Аннотация. Рассматривая культурную политику как системную, структурированную, нормативно-оформленную деятельность, осуществляемую органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленную на поддержку, сохранение и развитие отрасли культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей, автор обращается к первому в нашей стране учебному пособию «Основы государственной культурной политики», выпущенному Санкт-Петербургским институтом культуры. Отмечается, что концепция пособия базируется на политологическом подходе и методах политических наук, именно поэтому в работе особое внимание уделяется таким вопросам, как государство и культура, государство как субъект культурной политики, государственные органы управления в сфере культуры, государственные модели культурной политики и др. По оценке автора, создание пособия — результат значительных усилий авторского коллектива, а обсуждение отдельных тем и проблематики учебного пособия прошло широкую и глубокую апробацию в научных статьях, публиковавшихся в научных периодических изданиях вузов Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: государственная культурная политика, культура, политика, учебное пособие, ценностно-ориентированная модель.

ским образом деятельности, называемого политикой. Появление нового учебного пособия «Основы государственной культурной политики Российской Федерации» [6], созданного сообществом несомненно талантливых авторов, представляет собой значительное событие в научном осмыслении отношений государства и общества в пространстве культуры. Раскрытие государственной культурной политики в рамках учебного пособия — многоплановая задача, по определению требующая мультитематичности, явленной и потенциальной объемности.

Первый вопрос, который обычно возникает в рамках заданной темы сводится к тому, а нужна ли какая-то политика в отношении сферы культуры? Ответ на этот вопрос не может быть простым и однозначным. Культурологический дискурс знает множество сочинений с категорическими ответами — да, или нет, на этот вопрос. Такой разброс мнений зачастую зависит от исходной методологии, поскольку традиционно культурологические концепции основываются на философском и историческом подходах, которые не позволяют создать убедительную аргументацию. Концепция нового пособия базируется на политологическом подходе и методах политических наук. Именно по этой причине особое внимание в работе уделяется таким вопросам, как государство и куль-

тура, государство как субъект культурной политики, государственные органы управления в сфере культуры, государственные модели культурной политики и др. Необходимость политологического подхода в пособии возникла не случайно, а обусловлена длительными творческими поисками, отраженными в ряде предшествующих публикаций (см. напр.: [1]).

Развернутая аргументация о необходимости культурной политики основывается на нормативно-ценностном цивилизационном подходе в трактовках культуры и культурной политики, представленном в первой главе пособия. В частности, под термином «культура» понимается исторически сложившаяся совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских).

Ценностно-нормативный подход в работе позволил авторам подчеркнуть существующий разрыв между целе-рациональной и ценностно-рациональной видами общественных практик в последнем периоде российской истории. В результате этого само существование сферы культуры в России подвергается глобальным угрозам. Авторы уделяют этому факту самое серьезное внимание. Ни в одном из существующих учебных пособий по культурологии культура не рассматривается как фактор национальной безопасности как неотъемлемая часть стратегии государственной политики. Фрагментируют современное общество разные социальные разломы: языковые, этнические, религиозные, экономические. И все эти различия отражаются на характере политической жизни. Интегратором национального пространства становится культура.

Современным студентам важно понимать, что защита культурного суверенитета страны и единой историко-культурной самоидентификации граждан и общества обусловлено правом страны и ее народа руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые выработаны в ходе их истории, признаются и принимаются народом. Также точно государство и народ имеют полное право не принимать традиции, нормы и ценности, несоответствующие отечественным традициям и порождаемые массовой культурой общества потребления, а также прямой информационной агрессией внешних политических противников.

Осмысление указанных проблем, безусловно, отражается в реальной практике современного российского государства. Исходя из этого, культурная политика рассматривается авторами как системная, структурированная, нормативно-оформленная деятельность, осуществляемая органами государственной власти Российской

Федерации и общественными институтами, направленная на поддержку, сохранение и развитие отрасли культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей.

Обращает на себя внимание глава, посвященная моделям государственной политики. Рассмотрение роли государства в различных моделях убедительно показывает, насколько небезобидны могут быть политические практики в сфере культуры. Суть и значение миссии государственной политики России и роли российского государства в сфере культуры в современных условиях раскрывается пристально и объемно. Авторы совершенно справедливо трактуют российское государство как продукт и производное от отечественной культуры и утверждают, что защита отечественной культуры — обязанность этого государства. Подчеркивая, что устранение неравенства в доступе к достижениям культуры — одна из важнейших задач государственной политики в области культуры, авторы акцентируют внимание на необходимости обеспечить условия для свободного и достойного развития каждого человека, осуществления перехода от поддержки искусства по критерию его элитности и модности к поддержке принципу талантности и социальной значимости. Только это может обеспечить формирование не потребителя, а творца и создателя. Именно поэтому государству следует поддерживать великих мастеров и создавать условия для появления новых, обеспечивать государственную помощь художнику — как помощь тому, кто в ней нуждается.

Необходимо отметить еще одно существенное отличие, от аналогичных пособий. Существующие учебные пособия по культурологии делают акцент на истории культуры, развитии культурологических теорий и концепций, в то время как представленная концепция учебного пособия направлена на рассмотрение современного состояния культурных процессов в Российской Федерации на различных уровнях регулирования.

Необходимо отметить, что тематика государственной культурной политики очень многообразна, ее многоплановость и тесное переплетение с историческими процессами вызывают подчас острые научные дискуссии и широкий общественный интерес. Авторы учебного пособия учитывали дискуссионность ряда рассматриваемых вопросов, стремясь к научной объективности, исходя из принятой нормативно-правовой базы РФ, решений Министерства культуры России. Вследствие этого, работа соответствует требованиям, предъявляемым федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования (ФГОС ВО 3++) по области образования «Искусство и культура» и предназначена для преподавания дисциплин (моду-

лей), направленных на формирование общепрофессиональной компетенции «Государственная культурная политика Российской Федерации», предусмотренной ФГОС ВО 3++ уровней бакалавриата и специалитета. Не может не радовать и то обстоятельство, что пособие будет способствовать росту мировоззренческой зрелости студентов, избирающих в качестве направления подготовки «социально-культурную деятельность».

Создание нового учебного пособия является результатом большого труда и длительных усилий всего авторского коллектива. Обсуждение отдельных тем и проблематики учебного пособия прошло апробацию в научных статьях, публиковавшихся в научных периодических изданиях Санкт-Петербургского университета

[3], Санкт-Петербургского государственного института культуры [4; 5; 7], Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ [2] и др.

В заключение отметим, что учебное пособие «Основы государственной культурной политики Российской Федерации» написано хорошим литературным языком, увлекательно и вместе с тем серьезно, его авторы придерживаются строгие нормы научного дискурса в рамках жанра учебной литературы, пособие имеет ярко выраженную ценностную ориентацию. Учебное пособие безусловно удалось, и хотелось бы пожелать авторам дальнейших творческих успехов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. Т. 2. № 2. С. 166–178.
2. Востряков Л. Е. Культурная политика: подходы и концепции западных исследователей // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. Т. 2. № 1. С. 42–52.
3. Востряков Л. Е. набросок к социально-политическому портрету региональных управленцев культурой // Политическая экспертиза. Политэксп. 2006. Т. 2. № 4. С. 166–177.
4. Востряков Л. Е., Тургаев А. С. Культурное сотрудничество в Баренцевом регионе и укрепление доверия между партнерами // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2017. № 3. С. 6–11.
5. Мастеница Е. Н. Музей в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2015. № 4. С. 118–122.
6. Основы государственной культурной политики Российской Федерации: учеб. пособие / А. С. Тургаев, Л. Е. Востряков, В. В. Брежнева и др.; под ред. А. С. Тургаева; ред.-сост. Л. Е. Востряков. — Санкт-Петербург: СПбГИК, 2017. — 336 с.
7. Хренов А. Е. Модели культурной политики: смена парадигм // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. 2013. Т. 199. С. 4–11.

© Волков Виталий Александрович (e-mail: vitv@rambler.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

КОЛОКОЛЬНАЯ ПАСПОРТИЗАЦИЯ КАК ВИД ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В СТРУКТУРАХ РПЦ

BELL CERTIFICATION AS A KIND OF HISTORICAL AND STATISTICAL DESCRIPTION IN THE STRUCTURES OF THE ROC

G. Demchenko

Summary. The article is devoted to the certification of bells, Podkolokolny structures and peals. The paper highlights the historical and cultural background of the emergence of certification of the bell heritage and the current state of the issue. A comparative analysis of the most common of the existing accounting systems.

Keywords: certification, bells, bell ringing, bell selections, bell notation, historical and cultural heritage, stock work.

Демченко Георгий Александрович

Аспирант,

Кемеровский государственный институт культуры
kemtzvon@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам паспортизации колоколов, подколокольных сооружений и колокольных звонов. В работе освещаются исторические и культурологические предпосылки возникновения паспортизации колокольного наследия и современное состояние данного вопроса. Производится сравнительный анализ наиболее распространенных из существующих систем учета.

Ключевые слова: паспортизация, колокола, колокольный звон, колокольные подборы, колокольная нотация, историко-культурное наследие, фондовая работа.

Научный паспорт (или инвентарная карточка) является важнейшим документом регистрации и учета музейного предмета, его сохранности.

Предпосылки возникновения учета колоколов и описания колокольных звонов можно проследить с 1830-х гг. Так, в начале 1830-х гг., Архиерей Олонецкой епархии Игнатий (Семенов) решил собрать исторические сведения обо всех подведомственных ему церквях [1, с. 14]. В 1832 г. протоиереем калужского кафедрального собора Семеном Зверевы было составлено описание Могилевской епархии. Однако данное описание не носило систематического характера, отсутствовал еденный план. В 1836 г. в Оренбурге была разослана по всем церквям «Программа главнейших статистических вопросов, относящихся до описания состояния церквей Оренбургской епархии и их духовенства», в которой в разделе «О церквях и священно- и церковнослужителях» в третьем пункте значатся требования к описанию колоколов «Сколько при ней имеется колоколовъ и какого они все весу?» [2, с. 474] т.е. в первых программах по историко-статистическому описанию отмечалось лишь количество колоколов и их вес.

В дальнейшем составление историко-статистического описания церквей приобретала все более очерченную историческую направленность. Так, например, идея о необходимости описания церквей Казанской епархии была высказана в 1868 г. профессором Казанской духовной академии П. В. Знаменским и бакалаврами Е. А. Маловым и Н. И. Ивановским [3, с. 228]. Ученые предложили служителям монастырей и церквей высылать им

для анализа храмозданные грамоты, указы и другие рукописные документы. Однако предложение не имело поддержки. Авторам пришлось ограничиваться самостоятельно полученным данным по отдельным церквям и монастырям Казанской епархии. В 1899 г. данная инициатива нашла поддержку в лице архиепископа Арсения, при котором в «Известиях по Казанской епархии» была напечатана «Программа историко-статистического описания церквей и приходов, соборов и монастырей». В этом же году данная программа была полностью перепечатана в двенадцатом номере «Томских епархиальных ведомостей».

В «Программе историко-статистического описания церквей и приходов, соборов и монастырей» входило уже более детализированное требование к описанию храмов епархий, приходов, о том, кто были священниками в приходах, описание школ при приходах, благотворительных и других церковно-приходских учреждениях, информация о кладбищах. Не смотря на то, что основной целью Программы являлась историко-статистическое описание, тем ни менее сам подход в требованиях к описанию церквей и колоколов стал носить более детализированный подход при описании объектов РПЦ с уклоном в историческую составляющую. Произошла конкретизация при описании церковных колоколов, куда должны уже были входить следующие пункты: количество колоколов, их вес «не имѣють ли особыхъ названій, когда и кѣмъ пріорѣтены?», наличие на колоколах надписей и изображений, «Не сохранились ли чугунные би, употреблявшіеся вмѣсто колоколов?» [4, с. 10].

На сегодняшний день Сборники историко-статистических описаний епархий Русской православной церкви являются незаменимым источником при изучении историко-культурного наследия РПЦ.

Основоположником идеи паспортизации именно колокольного звона принято считать настоятеля Успенского Собора Ростовского Кремля протоиерея Аристарха Израилева, который еще в конце XIX века с помощью акустического прибора и специальных камертонов провел измерение и запись основных тонов колоколов звонницы Успенского собора Ростовского кремля. Данные по ростовским колоколам были изложены в его книге «Ростовские колокола и звоны», изданной в 1884 году.

В постсоветский период одной из первых работ, касающихся паспортизации колоколов, стала работа В.И. Зинченко, А.Ю. Антомошкин, А.Б. Никаноров «Паспортизация колоколов по акустическим характеристикам» (1993 г.) [5, С. 111–123], в которой описывается содержание как акустического паспорта на отдельный колокол, так и на весь звукоряд в целом. Согласно мнению авторов, паспорт должен содержать следующие акустические характеристики: частотный спектр, уровни звукового давления, нотное обозначение по основному тону; а акустический паспорт звонницы — «паспорт на каждый колокол, нотную строку звукоряда, обобщенную характеристику затухания, отношение первых пяти частот колоколов к частотам главного колокола звонницы, частотно-массовая характеристика звукоряда» [5, С. 111–112].

Данная статья была раскритикована музыковедом С.Г. Тосиным. Отмечая, что идея паспортизации колоколов является благой, исследователь упрекает авторов, помимо неправильного употребления музыкальной терминологии, в том, что анализ ростовских колоколов проходит через ориентацию на некий «идеально звучащий колокол», ориентиром которого стала западная колокольная традиция, т.к. авторы в своем исследовании опирались на работу западного происхождения [6, с. 54].

Однако это одни из первых авторов постсоветского времени, которые вновь заговорили о паспортизации русских колоколов. До них данный вопрос никем из отечественных исследователей не поднимался. При этом авторы дали ориентир для последующих исследований акустических характеристик колоколов с использованием современных технологий с построением диаграммы звучания.

К вопросу о комплексной паспортизации колоколов с позиции музеефикации с указанием веса, материала, орнамента, и созданием диаграммы звучания, т.е. с описанием частотных характеристик и затухание зву-

ка колокола подробно подошел В.Г. Шариков в 1999 г. В «Практических рекомендациях по сохранению колоколов, бил и традиций православного звона» (преизд. 2007 г.) [7]. Именно из данной работы были взяты основные положения при составлении «Устава церковного звона» в 2002 г., анализ которого был приведен выше. В дальнейшем данную тему развивает П.В. Шариков в диссертационной работе «Исследование функционально-эстетических параметров бронзовых колоколов и технологии их реставрации» (2009 г.).

П.В. Шариковым была разработана система паспортизации колоколов, включающая: «регистрацию основных размеров колокола, его вес, материал, описание украшений, фотографии, диаграммы звучания (частотные характеристики и затухание звука)» [8, с. 135].

Особое внимание П.В. Шариков указывает на необходимость включения акустических данных в паспорт колокола. Исследователь отмечает наиболее важные акустические диаграммы, которые необходимо включать при составлении паспорта колокола, а именно: «частотная диаграмма в момент удара; частотная диаграмма при установившемся основном тоне; диаграмма затухания звука; трехмерная частотно-временная диаграмма затухания звука» [8, с. 62]. Анализ указанных диаграмм дает возможность провести оценку качественных характеристик литья, целостность колокола, музыкальную организацию звучания отдельного колокола и др. Полученные данные предоставляют возможность проследить звуковые характеристики колокола в динамике, что является особенно важным для наиболее ценных дореволюционных колоколов.

Совместно с А.Б. Хадоричем и А.Н. Горкиной П.В. Шариковым была разработана и апробирована технология спектрально-акустического анализа колокола, которая стала использоваться при паспортизации колоколов.

В 1999 года Московским Колокольным Центром под руководством П.В. Шарикова была проведена паспортизация колоколов звонницы Успенского Собора Ростовского Кремля. «Были уточнены основные размеры, веса и надписи на колоколах, сняты акустические характеристики: частотные спектры в момент удара и при установившемся основном тоне, диаграммы затухания звука по времени» [9]. Был приведен сравнительный анализ акустических данных колоколов, полученных в 1884 г. протоиереем А. Израилевым, и данных 1991 года.

Таким образом, методика диагностики акустических характеристик колоколов, разработанная П.В. Шариковым совместно с другими специалистами Московского Колокольного Центра позволяет проследивать динамику изменения звона колоколов.

Из положительных черт данного паспорта можно отметить, что подобный подход акцентирует внимание на конкретном колоколе, но совсем не учитывает музыкальную составляющую колокольных звонов, настройку колокольного инструмента и архитектурные характеристики самой колокольни.

По данным П.В. Шарикова на период 2008 года сотрудниками Центра было паспортизировано более 3000 колоколов. Регулярное отслеживание звучания исторически ценных колоколов проводится на более 200 объектах в Покровском соборе (Москва), в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и др. [8, с. 62].

В дальнейшем на необходимость производить паспортизацию колокольных звонов, стали указывать и другие исследователи. В материал Международной научно-практической конференции «Православный звон: прошлое, настоящее, будущее» выходит ряд статей, посвященных данной тематике: И.М. Муленко (2013 г.) предоставляет обзорный материал по паспортизации колоколов в некоторых европейских странах; В.А. Васильев, И.Р. Шульц (2014 г.); Г.Т. Богданова, С.П. Кинчева (2015 г.) — вопросы паспортизации болгарских колоколов. В 2015 г. выходит каталог колоколов XIV–XIX вв. «Государственного историко-культурного музея-заповедника “Московский Кремль”» [10, с. 210].

Появился ряд работ, касающийся созданию паспортов звонов, написанных непосредственно церковными звонарями, преподавателями курсов звонарского мастерства. Среди них можно отметить работы свящ.П. Радина (2012 г.), М.В. Фомичёва (2016 г.) и др.

Священник П.В. Радин, руководитель Санкт-Петербургской Епархиальной школы звонарей, предлагает создавать «паспорта звонов» [11, с. 225], включающие в себя запись всех колоколов звонницы, т.е. данный паспорт предполагает нотацию звонов известных колокольных подборов и возможное использование составленной нотной записи на другой звоннице.

М.В. Фомичёв, преподаватель курсов звонарского мастерства при Даниловском Колокольном центре, замечает, что лучше создавать «технический паспорт звона», в котором указывается полная спецификация техники звона, расположение колоколов, а также их звуковысотные соотношения между собой. При этом в паспорте должна быть представлена расшифровка векторного направления движения рук звонаря. С целью нотации и передачи локальной традиции на другой площадке (звоннице) педагог также вводит термин «компаньон» — «музыкальный инструмент, подставляющий собой набор колоколов с индивидуальным звуковым рядом» [12, с. 26–30].

Вид паспортов, описываемых П. Радиным и М.В. Фомичёвым, преследует цель сохранения не конкретного колокола, а в первую очередь колокольных подборов и исполняемых на них звонов, в связи с чем, основной задачей создаваемых паспортов, является адаптирование нотной записи отдельно взятого колокольного звона для исполнения на другой колокольне. Однако разрабатываемые педагогами приемы нотирования колокольных звонов позволяют, согласно мнению М.В. Фомичёва, выделить характерные особенности локальных традиций звонарской исполнительской манеры, что в дальнейшем может способствовать музеефикации современных колоколов и колокольных звонов. Предлагаемую нотацию звонов можно также использовать при паспортизации региональных звонов в условиях отсутствия современных технических средств, которые доступны Московскому Колокольному Центру.

Практическими вопросами паспортизации подколокольных сооружений совместно занимаются Ю.А. Крейдун, А.В. Талашкин. Авторы разработали структуру паспорта колоколен, который входит: «год постройки, внутренний диаметр и высота яруса звона, материал стен, количество ярусов, год монтажа колоколов», данные о колоколах (вес, диаметр нижней окружности и высота, длина языка колокола и способ его изготовления, наличие декора, т.е. иконных изображений, орнамента, тексты надписей, год отливки, имена жертвователей, и т.д.)» [13, с. 53].

В 2015 году настоятелями храмов Алтайской митрополии, согласно разработанному паспорту Ю.А. Крейдун и А.В. Талашкина, была проведена паспортизация колоколен. В созданные паспорта входили также фотографии колоколен и колоколов. Однако не был указан ряд необходимых параметров, а именно: высота звучания колокола, его общие промеры, типологическая характеристика декоративного оформления и др. Тем не менее, благодаря результатам проведенной паспортизации (хоть и не в полном виде), были получены данные о сорока шести колокольныхх. Выявлены девятнадцать колоколов датированы XIX в. В процессе анализа колокольного фонда Алтайской митрополии были обнаружены также неопознанные колокола, датировка которых может быть отнесена к XVIII–XIX вв.

Подводя итог проблеме паспортизации, отметим, что вопрос о составлении паспортов и формах учета; колоколов, организации колокольных инструмента, сохранении самих колокольных традиций, на сегодняшний день является открытым. Отсутствует единая форма паспорта. Паспортизация колоколов и колокольных звонов проходит эпизодично, в основном благодаря энтузиазму некоторых исследователей: П.В. Шарикова и сотрудников Московского Колокольного. В Сибирском регионе Ю.А. Крейдун, А.В. Талашкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раздорский А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916): Сводный каталог и указатель содержания / Ред. В. В. Антонов. СПб.: РНБ, 2007. С. 14.
2. Программа главнейших статистических вопросов, относящихся до описания состояния церквей Оренбургской епархии и их духовенства / Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем: Вып. 1–2 / исслед. Николая Чернавского. — Оренбург, 1900–1902. 2 т. (Труды Оренбург. учен. арх. комис.). С. 474.
3. Троепольская О.В., Троепольская Н. Е. К истории становления сборников «Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии» // Гасырлар авазы. 2015. № 3–4. С. 228.
4. Программа историко-статистического описания церквей и приходов, соборов и монастырей // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 12. 15 июня. С. 10.
5. Зинченко В.И., Антомошкин А. Ю., Никаноров А. Б. Паспортизация колоколов по акустическим характеристикам // Соборная звонница Ростова Великого. Ростов, 1993. С. 111–123.
6. Тосин С. Г. Русская звонница: Конструктивные особенности и вопросы исполнительства: диссертация ... кандидата искусствоведения: 17.00.02. Новосибирск, 2001. С. 54.
7. Практические рекомендации по сохранению колоколов, бил и традиций колокольного звона / под ред. В. Г. Шарикова. М.: Колокольный Центр. 1999.
8. Шариков П. В. Исследование функционально-эстетических параметров бронзовых колоколов и технологии их реставрации: диссертация ... кандидата технических наук: 17.00.06. Санкт-Петербург. 2008. С. 62–135.
9. Шариков В.Г., Хадорич А. Б. Горкина А. Н. Звучание колоколов и время // Прот. Аристарх Израилев. Труды, публикации, исследования. — М. 2001.
10. Костина И. Д. Колокола XIV–XIX веков; Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры «Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». — Москва: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2015. — 210 с.
11. Радин П.В. «Со своей колокольни»: сборник колокольных партитур. — СПб.: Политехника-сервис. 2012. — 225 с.
12. Фомичёв М. В. Русская колокольная культура. Практика сохранения локальных традиций // Культурное наследие России. — 2016. — № 1. — С. 26–30.
13. Крейдун Ю.А., Талашкин А. В. Колокола Алтайской митрополии (обзор колокольного фонда в начале XXI века) // Культурное наследие Сибири. 2016. № 1 (19). С. 53.

© Демченко Георгий Александрович (kemzvon@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кемеровский государственный институт культуры

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ИСКУССТВА ДО II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

THE NATIONALITY OF RUSSIAN ART BEFORE WORLD WAR II

Mu Ke

Summary. This article examines the influence that various states and cultures exerted on the development of Russian art before the Second World War. The process of modification of Russian art is considered sequentially, since the development of Russian art is inextricably linked with the history of the state itself and its foreign and domestic policies.

Keywords: history; art; Russian art; foreign influence; development.

Му Кэ

*Аспирант, Московский государственный
академический художественный институт имени
В. И. Сурикова
Ke.mu@yahoo.com*

Аннотация. В данной статье рассмотрено влияние, которое оказывали различные государства и культуры на развитие русского искусства до Второй Мировой войны. Процесс видоизменения русского искусства рассмотрен последовательно, так как становление русского искусства неразрывно связано с историей самого государства и его внешней и внутренней политикой.

Ключевые слова: история; искусство; русское искусство; зарубежное влияние; развитие.

Русское искусство практически всю свою историю формировалось под воздействием сторонних традиций и культур. На складывание русского искусства влияли личные предпочтения правящих кругов, отношения с другими государствами, межкультурный обмен с разными народами и традициями. Таким образом, на национальность русского искусства в первую очередь всегда влияла политика — как внешняя, так и внутренняя. Заключение союзов и объявление войн, перестройка социального уклада общества, ориентиры на передовые государства той или иной эпохи — все это влияло на жизнь людей, их восприятие мира, а следовательно, и на искусство, которое есть отражение мира через призму человеческого восприятия.

Следует обратиться к истории русского искусства, чтобы проследить, как же менялась его национальность с течением времени. Во-первых, стоит сразу отметить, что русское искусство, несмотря на всяческие внешние влияния, так или иначе все равно оставалось именно русским. Искусство России не утрачивало своих уникальных особенностей, а приходящие традиции видоизменялись и интерпретировались, а не слепо принимались мастерами от и до. В данной статье будет рассмотрено влияние на русское искусство зарубежных традиций до Второй Мировой войны, которая стала переломным моментом не только в жизни нашего государства, но и всего мира. Развитие искусства в послевоенные годы имеет отличный от прежних процессов характер, что связано с индустриальным подъемом, развитием межкультурных связей и образованием «нового мира» с новыми порядками, новыми политическими отношениями и новым восприятием действительности.

Первое государство, оказавшее, пожалуй, самое значительное влияние на искусство тогда еще Древней

Руси — это Византия. Причиной тому стал союз, который князь Владимир заключил с византийским императором. Таким образом, искусство Руси стало греческим. Данный союз также сопровождался кардинальной сменой в культуре страны — принятие новой веры, христианства, потрясло народ, а сам процесс отказа от язычества и переход к монотеизму проходил достаточно трудно. Тем не менее, у Византии Русь позаимствовала традиции зодчества и живописи: строились храмы, их стены расписывали фресками, привозили иконы. Постепенно у византийских мастеров стали появляться русские ученики и подмастерья, поэтому через некоторое время греческое христианское искусство стало все больше интегрироваться в русскую культуру, обретая со временем местные черты. Стоит отметить, что и до сегодняшнего дня в России сохраняются принципы византийского зодчества при строительстве новых храмов, а также византийские каноны иконописи, которые согласно христианским догмам в основе своей должны оставаться неизменными.

Во времена феодальной раздробленности (XII век) искусство отдельных княжеств на Руси развивалось по-разному. Северо-западные княжества испытали на себе влияние ряда европейских государств. Например, на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества мы можем найти православные храмы, в архитектуре которых встречаются элементы, свойственные европейской романской архитектуре (Дмитриевский собор во Владимире; церковь Покрова на Нерли). В период татаро-монгольского ига в искусстве Руси трудно выделить яркие особенности, которые бы национальное искусство могло перенять с Востока, однако полностью исключить воздействие с этой стороны было бы неверно.

После объединения русских княжеств в единое Московское государство к концу XV века, русская культура замыкается в себе, стараясь отгородиться от мусульманского и католического миров. К тому же, Византия к этому времени уже была завоевана турками, что послужило основанием теории «Москва — третий Рим». Таким образом, Московская Русь стала средоточием православного христианства и верной хранительницей византийского культурного наследия. Постепенно на Руси вырабатываются собственные принципы иконописи и церковного зодчества, которые, тем не менее, основываются на византийской традиции. Даже приглашенные на Русь итальянцы лишь немного привнесли в традицию церковного зодчества — подавляющей осталась византийская школа, которую западные мастера дополнили элементами итальянского ренессанса.

В XVII веке к власти приходит династия Романовых. В середине XVII века свою церковную реформу предлагает патриарх Никон. Обратим внимание на те тезисы, которые касались русского искусства того времени. Главной идеей церковной реформы было приведение всей религиозной жизни государства к общему, единому образцу. В первую очередь Никон раскритиковал иконописцев, начавших использовать западноевропейские приемы живописи. Что касалось зодчества, Никон запретил строительство шатровых храмов, указав строить лишь пятиглавые соборы, согласно греческой традиции. В то же время начались гонения на старообрядцев. Их иконы и религиозные сооружения не принимались православной никоновской церковью, поэтому все произведения старообрядческого искусства подвергались уничтожению. Реформа хоть и не была доведена до конца, но часть никоновских указов была исполнена. Возможно, данная церковная реформа послужила причиной приостановления формирования новых направлений в церковной архитектуре и живописи на Руси.

В начале XVIII века русский престол переходит к Петру Алексеевичу, который вскоре станет известен как император Петр I Великий. Русское государство ждали невероятные потрясения, так как новый царь был настроен во всем ориентироваться на Европу. Это объяснялось не только тем, что Петр Алексеевич считал европейские государства процветающими и передовыми, но и его личная неприязнь к боярской Руси, с ее заговорами, войнами между боярскими группировками и изжившей себя системой государственного управления. В России был устранен институт патриаршества, а вся культура была переориентирована на Запад. Начиная с одежды, заканчивая архитектурой и живописью — западная традиция неуклонно и нарочито проникала в жизни людей. Когда допетровская Русь перестала существовать, вместе с ней перестала существовать живопись ее древних иконописцев. Зодчество же допетровской Руси лишь на время за-

мерло, чтобы посредством новых европейских архитектурных форм преобразиться и стать еще разнообразнее и краше. При Петре I все большее развитие в живописи получает жанр портрета. Царь приглашает западных мастеров живописи, которые сначала весьма неохотно обучают местных художников своим приемам и техникам. Но со временем, по настоянию императора, русские художники начинают осваивать западную живописную традицию. Наследие же древнерусского искусства продолжало жить в народных картинках, лубке. Однако вскоре и это направление искусства угасло, как слишком простое, развлекательное и народное.

В мировом искусстве тем временем развивались все новые и новые направления: пейзажная, жанровая, историческая живопись, натюрморты. Россия шла в ногу с Европой лишь в одном направлении — портретной живописи. По всем остальным направлениям изобразительного искусства Россия отставала от Европы. Сократить это отставание не помогло даже открытие в Петербурге Академии художеств и пенсионерство русских художников за границу для практики и учебы. Тем не менее, в России были заложены европейские принципы обучения живописи и скульптуре, что впоследствии породило такое течение как академизм. Данная живопись строилась на принципах классицизма, обращении к античному искусству и мифологии. Художники писали сцены проявления самоотверженного патриотизма, сюжеты, в которых главный герой ставил интересы общества превыше собственных. Живописцы изображали обычных людей в образах античных героев и богов. Идеализация общества, ориентир на искусство Запада — все это лишало русское искусство самобытности и индивидуальности.

Волна патриотизма, поднявшаяся после Отечественной войны 1812 года, способствовала возвращению людей к прежнему религиозному чувству, которое было практически утрачено в XVIII веке. Строились новые храмы, живописцы бросали писать богов Олимпа и брались за религиозные сюжеты. Россия дистанцировалась от Европы, стараясь преумножить и разнообразить то, чему у нее научилась, уже самостоятельно. В России началась эпоха романтизма, которое особое внимание уделяла миру человеческих чувств, а не гражданскому долгу.

К середине XIX века русское искусство все больше отстраняется от Запада, обретая собственный путь развития. Большую роль в этом процессе сыграло искусство передвижников, художников, организовывавших передвижные выставки и работавшие в жанре реализма. Живописцы и графики обратились к сюжетам обычной жизни русских людей, с ее особенностями, трудностями и бедами. Русское искусство становилось все более русским, создающимся для своего же народа. Русское искусство постепенно переставало быть элитарным, оно

становилось все более доступным и обрело свою самобытную «русскость».

Начало XX века сопровождалось многими потрясениями в жизни людей. Это и Первая мировая война, и революция, и окончательная смена власти. С образованием Советского союза в 1922 году культура России стала кумулятивной, вобрав в себя традиции стран и народностей, проживающих на территории нового государства. Интенсивно развивалось театральное искусство, кинематограф, изобразительное искусство. В отдельные периоды времени особенно поощрялось развитие культуры отдельных этносов и национальностей. Во время Советского Союза искусство стало очень замкнутым, тоталитарным и пропагандистским. Любые новые явления неохотно воспринимались правящими кругами. Советское правительство, особенно в 30-е годы XX века было настроено полностью отринуть все наследие монархической православной России. Возвращение к этим истокам произойдет лишь в послевоенные годы на фоне возросших патриотизма и религиозности среди людей, переживших страшные события войны.

Рассмотрев смену «национальности» русского искусства на примере ее связи с историей самой страны, можно сделать несколько выводов. Во-первых, сразу можно отметить то, что русское искусство формировалось постепенно под действием разнообразных традиций и культур. Начав с Византийской империи, затем испытав на себе влияние Востока, а впоследствии обратившись к Западу, русская традиция практически окончательно сформировалась в своей неповторимой уникальности к концу XIX — началу XX века. Во-вторых, мы можем заметить некую цикличность процессов заимствования традиций той или иной страны с течением времени: сначала новая традиция полностью поглощает все сферы культуры и искусства, и лишь потом постепенно интегрируется в обществе, обретает особые местные черты и особенности.

Так, раз за разом, русское искусство заимствовало что-то от искусства других государств, однако оставалось самобытным и цельным, уникальным, становясь лишь богаче от сконцентрированных в нем национальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грабарь И. Э., Лазарев В. Н., Кеменов В. С. История русского искусства в 13 томах. М., 1956–1969.
2. Шульгин В. С., Кошман Л. В., Зезина М. Р. История русской культуры. М., 1990.

© My Kэ (Ke.mu@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова

ОСНОВНЫЕ МИФОЛОГЕМЫ ЭПОСА МАЙЯ-КИЧЕ «ПОПОЛЬ-ВУХ»

MAJOR MYTHS OF EPIC QICHÉ MAYA "POPOL VUH"

S. Pyshnova

Summary. The paper deals with the main mythologems contained in the Maya-Kiche epic "Popol-Vuh"; features of mythologems as samples, constants, formed as a result of creative activity of many generations of people. During the analysis of the main themes and subjects of the Mayan-Kiche mythology, Parallels with the mythologies of other peoples are drawn.

Keywords: Maya-Kiche, mythologema, archetype, heart of heaven, Hurakan, flood, divine twins, ancestors, shibalba.

Пышнова Светлана Львовна

Доцент, Российский университет дружбы народов
pyshnova59@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются основные мифологемы, содержащиеся в эпосе майя-киче «Пополь-Вух»; особенности мифологем как образцов, констант, сложившихся в результате творческой деятельности множества поколений людей. В процессе анализа основных тем и сюжетов мифологии майя-киче проведены параллели с мифологиями других народов.

Ключевые слова: Майя-киче, мифологема, архетип, Сердце небес, Хуракан, потоп, божественные близнецы, первопредки, Шибальба.

Одним из первых мыслителей, изучавшим мифологемы — сходные темы и сюжеты мифов разных народов — был Дж. Фрезер [1]. Э. Кассирер анализировал символизацию как свойство мифологического мышления [2]. К.-Г. Юнг является автором теории архетипов [3]. Мифологема и архетип — понятия глубоко взаимосвязанные.

В России концепцию мифа плодотворно разработывал А. Лосев [4], Я. Голосовкер [5], Ю. Лотман [6] и другие. Таким образом была создана научная база для исследования символично-мифологического аспекта художественных произведений.

Согласно точке зрения К.-Г.Юнга, понятие «архетип» включает в себя понятие «мифологема» как более общее понятие, так как по Юнгу архетипы являются изначальными мифологическими образами. С другой стороны, мифологему можно рассматривать, как самостоятельную единицу мифологического мышления, содержание которой составляют архетипы как первообразы. Таким образом, сложилось общее понятие о мифологеме как о повествовании, включающем знания архаического общества о том, что существовало ранее, предшествовало ему.

Несмотря на различные условия происхождения и функционирования, мифы разных народов содержат сходные темы и сюжеты: вопросы происхождения мира и человека, рождения и смерти, социального устройства и другие. Это мифологемы-образцы, константы, сложившиеся в результате творческой деятельности человека, его фантазии, основанной на жизненных реалиях множества поколений и их представлений о мире.

В мифологии содержатся мифологемы, повествования — формы архетипов, переработанных человеком.

Смысл мифологемы разворачивается через символ. В основе этой символики и смысла — начальные архетипы. Архетипы изначальны, они не имеют конкретного психического содержания. Таким образом, мифологема является развернутым образом архетипа, его переработанной формой. Являясь повествованием, она представляет собой продукт интеллектуальной деятельности человека, его воображения и интуиции, выражающими единство образа и формы.

В мифах майя-киче отражены общечеловеческие мифологемы. В них противопоставляется небесное и земное, содержатся предания о создании мира и другие. Согласно представлениям майя-киче, на небе находился бог по имени Сердце небес — Хуракан. Суть Сердца небес составляли Какулха-Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха. Таким образом, майя-киче представляли Хуракана как триединое божество. Часть имени каждой его ипостаси — Какулха, что означает «блеск молнии». Поэтому можно сделать вывод, что речь идет о боге-громовнике. Об этом свидетельствует и его наименование — Сердце небес.

Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец и триединый бог-громовержец творят мир Словом. Изначально не существовало ничего. «В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание» и одинокое тихое море. Таковы представления майя-киче о небытии. В этой пустоте, тишине прозвучало Слово, и был создан мир. «Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, — так говорили они. — Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей!» [7, с. 11]. Важно отметить существование философской концепции в начале повествования: в какой-то момент возникает вселенная,

то есть появление мира — процесс исторический, затем он начинает развиваться по определенным закономерностям, понимаемым как воля главных божеств.

Для того, чтобы все созданное богами обрело смысл и величие, а сами боги — своих почитателей, был сотворен человек. Человек творится трижды, что так же, как представления о триединой сущности бога, отражает понятие о триединстве как символе совершенства. Сперва человеческое существо было создано из глины, но у него не было разума, а его плоть «быстро намокла в воде и не могла стоять» [7, с. 15]. Затем боги создали человека из дерева, но тоже неудачно — это существо не имело ни души, ни разума, «а плоть ...была трухлявой» [7, с. 17], и боги уничтожили его. Сердцем небес был послан великий потоп на деревянных людей.

Мифологема потопы широко распространена и в культурах других народов, в том числе южноамериканских. Например, у бразильских индейцев существует легенда, согласно которой при потопе погибли все люди, кроме прародителей этих индейцев. Предания о великом потопе сохранилось у арауканов в Чили, у аккаваев в Британской Гвинее. Согласно представлениям араваков, живущих в Британской Гвинее, мир был разрушен дважды божеством Айомун-Конди за грехи людей — первый раз огнем, затем водой. [1, с. 149–151]

После повествования о первых двух неудачных попытках создания людей в «Пополь-Вух» начинается рассказ о приключениях божественных близнецов — Хун Ахпу и Шбаланке, в упорной схватке, которую можно назвать битвой героев и титанов, победивших высокомерного злодея Вукуб-Какиша и его сыновей. Подобная мифологема содержится, например, в древнегреческой мифологии — битва богов и титанов. Однако древнегреческие боги сражаются сами, а согласно мифу майя-киче — в борьбе участвуют полубоги Хун Ахпу и Шбаланке. Надменное существо Вукуб-Какиш объявило себя солнцем и луной для всего человечества, «великим над всеми существами, созданными и сотворенными» [7, с. 21]. У Вукуб-Какиша было два сына — Сипакна и Кабракан. Сипакна провозгласил, что является создателем земли, а Кабракан говорил, что он создал небо и заставил землю дрожать.

Таким образом, божественные близнецы еще до появления первопредков майя-киче, когда человек еще не мог жить на земле, выступили, как культурные герои. Мифологические образы двух братьев, явившихся создателями культуры, присутствуют в мифологии почти всех народов. Примером могут служить Ашвины в индийской мифологии, Диоскуры — в греческой, близнецы — в фольклоре Северной Америки и др. Как отмечает этнограф А. М. Золотарев, этот миф связан с дуально-родовой организацией, существовавшей в архаические

времена. «Близнецы идеальным образом отражают двуединство разделенного на две экзогамные половины племени...» [8, с. 143–146].

В «Пополь-Вух» содержится рассказ, как Великая мать и Великий отец, Создательница и Творец по имени Тепеу и Кукумац сотворили первых людей. Они были созданы из кукурузы. Это были первые четыре человека, предки народа киче. Имя первого человека — Балам-Кице, второго — Балам-Акаб, третьего — Махукутах, четвертого — Ики-Балам. Затем были созданы их жены. Они произвели на свет людей, объединившихся в различные племена. Согласно мифологеме первопредка первые люди стали учредителями обычаев племени и посредниками между людьми и богами.

Когда племена уже стали очень многочисленными, они отправились на поиски богов. Три группы киче получили бога по имени Тохиль (он явился первым), вторым был бог по имени Авилишь, третьим — Хакавиц и четвертым — Никакахтаках. Один бог — Тохиль — был у всех трех групп киче [7, с. 93].

С целью совершения человеческих жертвоприношений своим богам Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам стали похищать людей из других племен. И тогда был создан совет племен, на котором было решено победить киче. Для этого им необходимо было подчинить своей воле трех божеств — Тохиль, Авилиша и Хакавица, которые имели внешность трех юношей. Их видели купающимися в реке. Для того, чтобы подчинить богов своей власти, люди послали к ним трех прекрасных девушек, чтобы те соблазнили юношей. Однако этого не произошло. Боги дали девушкам доказательство того, что разговаривали с ними. Это были расписанные покрывала с изображенными на них орлами, ягуарами, шмелями и осами. Как только Владыка одного из племен надел на себя покрывало со шмелями и осами, насекомые стали нестерпимо больно жалить его. Так племена были посрамлены божествами киче, а девушки остались невинными.

В мифологиях Старого Света широко распространено представление о том, что божество имеет силу, только оставаясь девственным. Эта мифологема прослеживается также в рассказе о Самсоне и Далиле. В эпосе «Пополь-Вух племена надеются, что боги лишатся своего могущества после того, как овладеют девушками и их удастся победить.

В эпосе майя-киче содержится несколько мифологических циклов, имеющих различное происхождение и время возникновения. Большинство из них было создано еще во времена протообщности древних майя. В них речь идет о необычном происхождении божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке и их героиче-

ских деяниях. Повествуется о том, как их предки — братья Хун-Хун Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу были предательски убиты в царстве мертвых Шибальбе. По повелению владык Шибальбы они отправились в царство мертвых для игры в мяч. Но в действительности владыкам Шибальбы были нужны игральные принадлежности Хун-Хун Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу: наколенники из кожи, нашивки, перчатки, головные уборы и маски. Майя-киче верили, что Шибальба — это место под землей, где обитали боги смерти. Она представлялась многослойной, состоявшей из девяти этажей. Вход в нее находился на земле.

Путь в царство мертвых представлялся нелегким, полным опасностей. Мифические близнецы спускаются в Шибальбу по очень крутым ступеням, они минуют реки, овраги. Когда братья оказались в Шибальбе, они были принесены в жертву. Это произошло в доме Летучих Мышей. Летучая мышь, согласно верованиям майя, являлась божеством, надзиравшим за призраками. Как отмечает исследователь культуры майя Г. Г. Ершова, в основе представлений о зловещей роли летучих мышей — наблюдения за летучими мышами-вампирами, которые обитают в пещерах Мексики и Гватемалы [9, 316].

Согласно мифологии майя летучая мышь занимает двойственное положение — между животными и птицами. Эти предания отражают представления майя о зодиакальном круге: Млечный путь — «небесная веревка» — делит его на две половины. На одной («живой») стороне находятся млекопитающие, на другой («мертвой») — птицы. Насекомые и рептилии выступают в качестве связанных. Летучая мышь находится между миром мертвых и миром живых; она охраняет вход в преисподнюю.

Мифологема о связниках между миром живых и миром мертвых характерна для мифологий разных народов. Например, древнескандинавская мифология содержит рассказ о белке по имени Грызозуб, которая перемещается сверху вниз и снизу вверх по ясеню (мировому дереву), передавая ругательства орла и дракона (орел жил в ветвях дерева, а дракон подгрызал его корни) [10, с. 32–33].

Одна из пещер в Центральной Гватемале до сих пор считается входом в подземный мир. С другой стороны, существует еще одно объяснение: в Зодиакальном круге созвездие Летучей Мыши совпадает с Млечным Путем и указывает на вход в преисподнюю.

Голову Хун-Хун Ахпу отрезали и поместили на бесплодном дереве, которое внезапно принесло плоды. Плоды этого дерева — это было тыквенное дерево, оно же желтое и змеиное — не отличались от головы Хун-Хун Ахпу, поэтому обитатели Шибальбы решили, что это дерево волшебное, и владыки Шибальбы запретили подходить

к нему близко и срывать его плоды. Тыквенное дерево выращивалось на предположительной далекой прародине майя — юго-западе современной территории США.

Однако, несмотря на запрет, дочь одного из владык, девушка по имени Шкик, услышав рассказ о плодах волшебного дерева, была крайне изумлена и решила приблизиться к нему и сорвать плод. Тогда голова Хун-Хун Ахпу, обратившись к девушке, сказала, что круглые предметы, покрывающие ветви дерева, являются черепами. Девушка протянула руку к голове, и в этот момент голова выронила несколько капель своей слюны в ее ладонь. Так были зачаты Хун-Ахпу и Шбаланке. Хун-Хун Ахпу силой своей слюны породил своих сыновей. То, что здесь упоминается голова лишь одного из братьев, свидетельствует о системе родства протомайя, согласно которой отцом считались как настоящий отец, так и его родные братья. Плод, голова указывали на возрождение души умершего. Согласно представлениям майя душа передавалась от предка к потомку. Голова Хун-Хун Ахпу, передав, таким образом, свою душу, велела девушке подняться на землю.

Мифологема чудесного зачатия, несомненно, имеет немаловажное значение в эпосе «Пополь-Вух». Оно совершилось в соответствии с божественным предначертанием. Когда положение девушки стало заметным, ее отец, решив, что будущее потомство его дочери — результат распутства [7с.,47], приказал своим посланникам — совам — принести ее в жертву и доставить ему ее сердце в тыквенной чаше. Однако его воле не суждено было исполниться. Совы, не желая смерти девушки, налили в чашу сок красного дерева, который, загустев, принял форму сердца. Как только содержимое чаши владыками Шибальбы было брошено на огонь, совы показали девушке дорогу на поверхность земли и возвратились назад.

Вскоре девушка родила младших близнецов — Хунахпу и Шбаланке, — которые победили и разрезали на части главных владык Шибальбы, чтобы те не возродились из призраков. Таким образом они отомстили за своего отца и дядю, а после смерти сами стали Солнцем (Венерой) и Луной. Поскольку в то время астрономические наблюдения осуществлялись без использования приборов и методов, необходимых для наблюдения за Солнцем, образ Солнца заменялся Венерой — яркой большой звездой.

Таким образом, эпос майя-киче «Пополь-Вух» содержит основные мифологемы, которые характерны также для мифологий других народов мира: рассказы о происхождении мира, первых людей, о царстве мертвых и другие. Заключительная часть «Пополь-Вух» повествует о скитаниях киче, их прибытии на территорию нынешней Гватемалы, а также о других исторических событиях.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. — М., 2003. 650 с.
2. Кассирер, Э. Мифологическое мышление / Э. Кассирер // Философия символических форм: в 3 т. — М, 2011. — Т. 2. — 279с.
3. Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуализации. М., 1996. — 269 с.
4. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. — М., 1994. — 920 с.
5. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. — М., 1987. — 187 с.
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. — Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин, 1992—479 с.
7. Мифы индейцев Центральной Америки: Пополь-Вух.; Родословная владык Тотоникапана. — Екатеринбург, 2006. — 240 с.
8. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. — Хабаровск, 1939. — 202 с.
9. Ершова Г. Г. Фрай Диего де Ланда (Биографическая повесть). Древние майя: уйти, чтобы вернуться (Истоки представлений о модели мира). — М., 2000. — 564 с.
10. Младшая Эдда. — Л., 1970. — 279 с.

© Пышнова Светлана Людвиговна (pyshnova59@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

HISTORICAL BACKGROUND OF THE PSYCHOLOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF STUDENTS' READINESS FOR THE USE OF FIREARMS

E. Astashova

Summary. the use of firearms is an extreme measure of protection against dangerous attacks on human life and health. The article deals with the process of training and psychological conditions for its formation in situations of the use of firearms. The author's attention is paid to the historical events in Prussia, the Russian Empire and through the vision of Raymond Montecuccoli. Carrying out historical and psychological analysis is associated with the study of the historical experience of training, in whose official activities the use of firearms helps to protect their own lives and perform tasks. This historical study leads to the conclusion that the methods of training in the use of weapons contribute to and do not contribute to the implementation of the tasks.

Keywords: firearms, readiness, training, psychological conditions, historical analysis.

Асташова Евгения Игоревна

Академия Управления МВД России, г. Москва;
Инспектор, отдел анализа и планирования штаба
УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России
по г. Москве
evg.rein@yandex.ru

Аннотация. Применение огнестрельного оружия является крайней мерой защиты от опасных посягательств на жизнь и здоровье человека. В статье рассматривается процесс подготовки и психологические условия для ее формирования в ситуациях применения огнестрельного оружия. Внимание автора уделено историческим событиям в Пруссии, Российской империи и через видение Раймонда Монтекуколи. Проведение историко-психологического анализа связано с изучением исторически сложившегося опыта подготовки кадров, в чьей служебной деятельности применение огнестрельного оружия способствует защите собственной жизни и выполнения поставленных задач. Данное историческое изыскание позволяет сделать вывод о том, какие способы обучения применения оружия способствуют и не способствуют выполнению поставленных задач.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, готовность, подготовка, психологические условия, исторический анализ.

Сабанов А. Ю. писал: «умение стрелка выполнить качественный выстрел без ограничения времени не должно быть единственным критерием в подготовленности работника правоохранительных органов. Боевая стрельба или стрельба на поражение, требует производства выстрела в достаточно высоком темпе. Время в этом случае является важным фактором по той простой причине, что потенциально меткий, но сделанный слишком поздно выстрел не влияет на исход боя, бесполезен для защиты как самого работника, так и населения» [16, с. 15]. Сабанов А. Ю. предлагает владеть техникой на уровне двигательного навыка — автор данной статьи подразумевает это как форму условного рефлекса (бессознательное). По мнению Сабанова А. Ю. объем двигательных действий в ограниченное время (извлечение, снятие, наведение, выстрел) требует сосредоточения внимания, собранности, повышенной координации движений, быстроты реакции.

Проведение историко-психологического анализа связано с изучением исторически сложившегося опыта подготовки кадров, в чьей служебной деятельности

применение огнестрельного оружия способствует защите собственной жизни и выполнения поставленных задач.

За 2013–2016 года зафиксировано 211 случаев применения огнестрельного оружия сотрудниками ГУ МВД России по Московской области [1], из них 30% для остановки транспортного средства путем его повреждения, 26% для производства предупредительного выстрела, 22% для обезвреживания опасного животного, 15% для задержания правонарушителя. В 80% случаях погибшие сотрудники полиции находились на расстоянии менее 6 метров от преступника. В 90% случаев сотрудники, погибшие при задержании вооруженного преступника, даже не извлекли табельный пистолет из кобуры, хотя наверняка знали о наличии оружия у преступника. Гибели подвержены сотрудники со стажем от 3 до 10 лет [13].

Огнестрельное оружие исторически как в отечественной, так и в зарубежной нормативной и научной базе понимается как крайняя мера

(В. В. Ивановский, В. Н. Лавров, Clemens Lorei, Mario S. Staller, Benjamin Zaiser, Swen Körner, Jon C.).

Понимание применения огнестрельного оружия в данном исследовании автор солидарен с определением Ю. П. Соловей: «Под применением оружия признается производство сотрудником полиции выстрела при выполнении возложенных на него служебных обязанностей. Обнажение оружия, извлечение из кобуры, взведение курка, словесные угрозы оружием не следуют считать его применением» [3, с. 633].

Первое огнестрельное оружие появилось в 1132 [19] году в Китае, затем в XIV веке в Европе, в 1421 г. [14, с. 226] в Османской Империи,

в 17–18 веке в Российской Империи, в 18 веке в Пруссии и т.д. Именно поэтому были рассмотрены с этого времени известные миру события, связанные с обучением и условиями обучению применения огнестрельного оружия, а тем самым и предпосылки формирования готовности его применять.

При изучении предпосылок в Пруссии [8] была выявлена попытка применения основной идеи исследования, а именно ввода внешнего социального явления на психологический бессознательный уровень следующим образом: «Требования «не рассуждать» было основной всей дисциплины прусской армии. Средством достижения слепого повиновения служила муштра, т.е. система психофизиологического подавления воина. Стремление выработать в солдате и офицере **«рефлекс подчинения»** был заложен в системе [11] подготовки войск. Индивидуального обучения там не существовало. Учили действовать только подразделениями, частями и целой армией. Обучение сводилось к строевой подготовке стрельбе залпами. Стрелять нужно было не целясь: главное при этом было не терять равнения в строю и добиться одновременности залпа. Успех прусской армии обеспечивался мощным первым натиском». Впоследствии зачастую было поражение.

Данное историческое изыскание позволяет сделать вывод о том, какие способы обучения применения оружия не способствуют выполнению поставленных задач. Но основная мысль, взятая исследователем в исследованиях прусской армии, это выработка рефлекса.

Итальянский ученый в своем труде «Военное искусство» [12] выделил несколько психологических состояний, а именно: уверенность в своих силах («Не вводите никогда в дело своих войск, не обучив их по надлежащему и не вселив в них самонадеянности: не вступайте в бой, если они не уверены в победе» [6]), уровень

благополучия («успех на войне зависит от счастья больше, нежели от храбрости» [8]), формирование храбрости («Храбрость не всегда бывает врожденною; но преимущественно приобретает военным образованием и привычкою»), умение оценить ситуацию («трудно победить того, кто умеет оценивать, как свои, так и неприятельские силы»), важность подготовленности и прогноза («Весьма легко поправить заранее предусмотрительные случаи, но нет ничего труднее, как превозмочь неожиданные препятствия»). В учении Макиавелли предпочтение отдавалось не частностям, а философии военного искусства, закладывались основные фундаментальные основы подготовки.

Р. Монтекуколи в австрийской идеологии абсолютизма выделял три психологических условия для успешного выполнения задач: веру в победу, ум как подготовку и храбрость («Победа получается добрыми приуготовлениями, умною диспозицией командующего генерала и храбрыми действиями войск» [15]). «Успешные действия войск в операциях зависят от правильности принятого решения, твердости его осуществления, сохранения военной тайны и быстроты исполнения» [15, с. 513]. Развивая идеи важности выделяемых компонентов

Р. Монтекуколи, автор глубоко убежден в том, что психологические условия формирования готовности должны быть фундаментальными и осуществляться в процессе обучения, так как «человек по натуре не скоро растет, а одним скачком никогда к совершенству не приходит» [15, с. 503].

Наибольший вклад в историю отечественного образования внес Петр I (1672–1725), уделяя особое внимание человеку, а не коллективу, утверждая, что главной силой является человек, которого «надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать, и учить действовать яко в самом деле» [9, с. 28]. Таким образом, еще при императоре Российской Империи обучение в части выполнения поставленных задач руководством было направлено на отработку умений и формирование навыков будто «в самом деле» проходит вооруженный конфликт». В боевой подготовке Петр I главными задачами считал «приучить людей хорошо владеть оружием, правильно и метко стрелять, владеть штыком» [5] и т.д. Император создавал солдат «не строевой парадной муштрой, не палочной системой, а действительной боевой подготовкой и высоким искусством психологической обработки офицера и солдата и использование тех внутренних сил, к развиту которых сводилось его воспитание» [9].

Это свидетельствовало о том, что в связи с практической потребностью в профессиональных кадрах,

было положено начало подготовки, которая имела индивидуальный характер и осуществлялась посредством перехода от количественной пользы в качественную. Следует отметить, что несмотря на то, что научное понятие «готовность» появилось в начале 20 века, в истории отмечалось, что через жажду подвига и самопожертвование государь вдохновлял солдат развивать в себе «умение даже в критические минуты быстро и спокойно оценить обстановку, строго применять к ней свои планы, действовать то решительно, то осторожно; умение отлично подготовить удар материально и морально; настойчивость в достижении цели» [2, с. 112]. Это существенное замечание находить отражение в исследованиях современников с использованием психологических терминов и педагогических понятий.

Изучение проблемы с этого ракурса позволило автору сделать вывод, что несмотря на вклад в психологию Петром I и Суворовым («сделать не забитого палкой капрала солдата, а русского чудо-богатыря, «воина, понимающего свой маневр» [2, с. 112] в наше время полицейские (за исключением специальных подразделений) в большинстве своём живут по принципу «не рыпайся, и тебя не тронут».

Выполнение обязанностей, что развивал А. В. Суворов по идеи Петра I «не за страх, а за совесть» («В его понимании это обязывало не только младшего служить по совести, но и старшего не запугивать младшего, а заботиться о развитии у подчиненных совестливого отношения к службе» [18]) сейчас имеет прямо противоположное положение «не работать из-за страха наказания, а не на результат».

Психологическую активность и уничтожение инертности и растерянности, заменяя их решимостью и находчивостью Петр I порождает путем «неожиданно задаваемых вопросов, категорического требования немедленно дать ответ» [18].

В ходе анализа убеждаемся в том, что становление традиций и создание психологических условий для формирования готовности применять огнестрельного оружие происходило под непосредственным влиянием Петра I. В учениях А. В. Суворова можно выделить следующие важные на взгляд автора позиции:

1. Мобильность психики обеспечивалась жаждой подвига и самопожертвованием. Для современного мира — это применимо, если жаждой подвига станет жажда спасти чужие жизни и сохранить при этом свою. Однако, в современном обществе информационных технологий и эгоцентричностью воспитания общества не получится, так как долгоиграющая пластин-

ка «будьте похожи на себя, сохраните свою индивидуальность, думайте о себе» внушаемые в наше время специалистами, рекламой и социальными программами не позволит человеку вводить сознательно себя в стресс, когда можно спокойно жить и получать те же финансовые блага.

2. Работать и обучаться «не за страх, а за совесть». Что в современном мире не получится, потому что совесть понимается нынче субъективно, и редко соблюдается даже в, казалось бы, совестливых кругах. А развешивать компанию по развитию, восстановлению и сохранению совести — затратное и никому не интересное дело — так как легче бороться со злом, чем создавать добро.
3. Способ борьбы с инертностью и растерянностью подчиненных путем создания нелогичным образом интеллектуальных простых вопросов — может быть использован при создании модели психологических условий формирования готовности к применения огнестрельного оружия.
4. Условный рефлекс и бессознательное формирование готовности к стрельбе способствует более высокому качеству выполнения поставленных задач.

К. Больдт утверждал, что дисциплинированный солдат «готов к стрельбе боевой» [4] если он основательно обучен трём темам: «1) на технику стрельбы с расстояний точно определенных, 2) на глазомерное определение расстояний и 3) тактическая часть: на практику с расстояний определенных на глаз и на учение с боевыми патронами». К сожалению, с развитием психологии, этого не достаточно.

ВЫВОД

Таким образом, кратко представленный историко-психологический аспект образовательной практики подготовки стрелков убеждает, что сотрудник правоохранительных органов, принимая решение применить огнестрельное оружие, прежде всего должен руководствоваться ценностью жизни. Крайняя мера в виде применения огнестрельного оружия разрешена законом, но используется не во имя закона или выполнения приказа, а в связи с необходимостью сохранения собственной жизни.

Сотрудник может не применять огнестрельное оружие, но он должен быть готов, а согласно реалиям жизни, сотрудник применяет огнестрельного оружие, но он не всегда готов к этому, особенно, если применение является периодическим редким фактором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитическая справка ГУ МВД России по Московской области, 2017 г.
2. Анисимов Н. История Русской Армии. — Чугуев, 1911. — 282 с.
3. Бельский К. С. Полицейское право: Лекционный курс/Под ред. Канд. Юрид. Наук А. В. Куракина. — М.: Издательства «Дело и Сервис», 2004. — 816 с.
4. Больдт К. Е. Об обучении стрельбе в России, Пруссии, Австрии, Франции, Англии и Швеции: Излож. гл. оснований и крит. разбор / Сост. Константин Больдт. — Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1879. — V, [3], 216 с., 9 л. черт.; 24.
5. Дрейлинг Р. Воинский устав Петра Великого и Суворов// Записки Русского Научного Института в Белграде. — Вып. 3. — Белград, 1931. — с. 307–354.
6. Жервэ Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. В 2-х т., Т. 1. — СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1912–33 с.
7. Ивановский В. В. Учебник административного права. Казань, 1904. 193 с.
8. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России, Москва, ВПА им. Ленина, 1990, — 195 с. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004346109#?page=19>
9. Корчемный П. А. Военная психология: Учебник для студентов вызов/ Под общей редакцией доктора психологических наук, профессора, академика Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка Е. Б. Перельгиной. — М.: Изд-во ОВД, 2005, — 320 с.
10. Лавров В. Н. Сборник материалов 21 всероссийского круглого стола 27 июня 2013 г.
11. Лещинский Л. М. Военные победы и полководцы русского народа второй половины XVIII века. — М., 1959.
12. Макиавелли Н. Б. Военное искусство. Пер. М. И. Богдановича. — СПб.: тип. И. Глазунова и К, 1839. — с. 200–503.
13. Мартусенко С. Н. Методики обучения применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в условиях, приближенных к реальным ситуациям оперативно-служебной деятельности: методические рекомендации/ С. Н. Мартусенко, МВД РФ, Краснодарский университет, Ставропольский филиал — Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2016 г. — 108 с.
14. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция / Виталий Пенской. — М.: Яуза: Эксмо, 2010. — 448 с. — (Оружейная коллекция).
15. Разин Е. А. История военного искусства XVI–XVII в. в./Е. А. Разин. — М.: Вече, 2017. — 672 с. — (Наука побеждать).
16. Сабанов А. Ю. Методика обучения скоростной стрельбе лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел. Учебное пособие / А. Ю. Сабанов [и др.]. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016. — 52 с.
17. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России, М., ВПА им. Ленина, 1990, — 195 с. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004346109#?page=17>
18. Суворов А. В. Наука побеждать. — М., 1950 // Не числом а умением. Военная система А. В. Суворова. — М.: Военный университет, Русский путь. — 2001. — С. 24–30.
19. Lorge, Peter A. The Asian Military Revolution. — Cambridge. 2008. 200 с.

© Асташова Евгения Игоревна (evg.rein@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия Управления МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ РОССИЯН К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДРУГИХ РЕЛИГИЙ И ЕГО МОТИВЫ¹

FEATURES OF THE RELATION OF THE ORTHODOX RUSSIANS TO THE REPRESENTATIVES OF OTHER RELIGIONS AND ITS MOTIVES

T. Beskova

Summary. The article describes the results of an empirical study on the identification of the specifics of the relationship of the Orthodox Russians to the representatives of other religions and atheists. It is shown that, by the modality, the relations of a representative of different religions and atheists can be classified into three groups that are qualitatively different from each other. The main motives of positive and negative relation of Orthodox Russians towards subjects practicing different religions are highlighted. The nature of the influence of the power of religious beliefs and communication experience on attitudes towards representatives of other religions and atheists is revealed.

Keywords: religion, orthodoxy, relation, motives, attitudes, factors.

Бескова Татьяна Викторовна

Профессор, Саратовская государственная
юридическая академия
tatbeskova@yandex.ru

Аннотация. В статье описываются результаты эмпирического исследования, посвященного выявлению специфики отношения православных россиян к представителям других религий и атеистам. Показывается, что по модальности отношения представителя разных религий и атеисты могут быть отнесены в три группы, качественно отличающиеся друг от друга. Выделяются основные мотивы положительного и отрицательного отношения православных россиян к субъектам, исповедующим разные религии. Выявляется характер влияния силы религиозных убеждений и опыта общения на отношение к представителям других религий и атеистам.

Ключевые слова: религия, православие, отношение, мотивы, установки, факторы.

Отношения в обществе во все исторические эпохи опосредуются многофакторными социальными регуляторами. Одну из ключевых ролей в этом играет религиозная составляющая. Исторически сложилось так, что на территории России проживает множество народов со своими верованиями и традициями. В настоящее время на ее территории «действует более 70 религиозных конфессий» [3, с. 77]. Однако самая большая по численности религия в нашей стране — это православие. Изучению отношения православных россиян к представителям других религий, а также выявлению его мотивов и посвящена данная работа.

Отношения между представителями различных религиозных групп являются социально-психологическими отношениями, поскольку «психологические отношения, наполняясь культурой сообщества, трансформируются в социально-психологические, за которыми стоят другие люди, объединенные свойством социальности» [8, с. 109]. В.П. Позняков также показывает, что «в основе социально-психологических отношений даже тогда, когда они имеют видимость межиндивидуальных, лежат общественные по своей природе отношения между соци-

альными общностями» [5, с. 11]. Такого рода отношения детерминируются принадлежностью человека к той или иной группе (в рамках данного исследования — к религиозной). Можно сказать, что это отношения, преломленные через призму религиозных воззрений человека.

Базовой характеристикой любого отношения является его модальность (положительное, нейтральное, амбивалентное и отрицательное отношения), в основе которой, чаще всего, присутствуют вполне осознаваемые мотивы. Отметим, что в современной психологической науке не существует единой трактовки понятия «мотив». Не вдаваясь в терминологические подробности, и не вступая в методологические споры по поводу содержания данного понятия, в настоящем исследовании мы будем придерживаться следующего его понимания: «мотив — осознаваемая причина, лежащая в основе действий и поступков личности» [6, с. 219]. В качестве мотивов, помимо потребностей и ценностей, интересов и идеалов, влечений и эмоций, могут выступать и *установки*, которые отражают готовность и предрасположенность субъекта определенным образом реагировать на объект. То есть, установка возникает еще до момента

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00094 А

взаимодействия с объектом (индивидуальным или групповым). Сами же установки, по мнению Р.М. Шамионова, «транслируются из различных источников и их усвоение связано как с первичной, так и вторичной социализацией. Особое значение в их усвоении имеют собственный социальный опыт индивида, его включение в систему межличностных отношений в группе, удовлетворенность/неудовлетворенность ими, способность обрести позитивную идентичность, критическое мировосприятие, наконец, способность к интеллектуальной переработке информации и позитивной атрибуции социальных изменений» [9, с. 133]. В контексте настоящего исследования сказанное выше играет важную роль, поскольку сформированные в процессе социализации установки могут оказывать существенное влияние на отношения человека к представителям тех или иных групп, определяя вектор их направленности.

Цель эмпирического исследования — выявление особенностей отношений православных россиян к представителям иных религиозных воззрений.

Задачи исследования:

- ◆ определить модальность отношений православных россиян к представителям других религий и атеистам;
- ◆ выделить основные мотивы, влияющие на разномодальное отношение православных россиян к представителям других религий;
- ◆ выявить характер влияния отдельных факторов (силы религиозных убеждений и опыта общения) на отношение к представителям других религий и атеистам.

Эмпирическое исследование включало в себя два этапа.

Первый (пилотный) этап проводился в целях первоначального выделения (обозначения) основных мотивов отношения к группе людей, исповедующих разные религии. На этом этапе в исследовании участвовали 95 человек, возрастной интервал которых от 20 до 46 лет. Респондентам было предложено оценить свое отношение к представителям основных видов религий (по пятибалльной шкале) и объяснить причину подобного отношения. Отметим, что кроме основных религий (православия, католицизма, ислама, буддизма, иудаизма), нами было принято решение включить в этот перечень и атеизм, который трактуется как «воззрение, согласно которому естественный мир единственен и самодостаточен, религия же является творением самого человека. С этим связано непризнание бытия мира сверхъестественного (богов или Бога)» [7, с. 40]. По результатам данного этапа исследования в ответах респондентов были выделены мотивы, объясняющие то или иное (положи-

тельное или отрицательное) отношение православных россиян к представителям различных видов религий.

Основные мотивы, обуславливающие *положительное* отношение к представителям других религий (в описаниях респондентов), сводились к следующим: они «миролюбивы», «несут обществу духовность и традиционные семейные ценности», «несут обществу знания». Список же мотивов, отражающих *негативное* отношение, оказался несколько шире: «среди них много террористов», «среди них много фанатиков», они «агрессивны», «пытаются навязать мне свои нравы, устои и представления», «устанавливают свои порядки», «аморальны и разрушают устои и традиции», «представляют опасность для меня и моей семьи».

На **втором (основном) этапе** эмпирического исследования нами был составлен опросник, в котором уже другой группе респондентов предлагалось:

- а) оценить силу своих религиозных убеждений;
- б) оценить свое общее отношение к представителям иных религий;
- в) объяснить причину того или иного отношения к представителям иных религий (оценивая каждую из установок, выделенную на первом этапе);
- г) оценить свой опыт общения с представителями разных религий.

В каждом случае оценка осуществлялась по пятибалльной шкале.

Выборка исследования на данном этапе включала в себя 83 человека ($Mx=25$, $Md=23$, $Mo=22$). Распределение респондентов по силе их религиозных (православных) убеждений следующее: практически никаких (6%), слабые (14,5%), средние (60,2%), сильные (18,1%) и очень сильные (1,2%). То есть, несмотря на то, что все респонденты в пункте анкеты «религиозное воззрение» отметили православие, сила их религиозных убеждений значительно расходится. Можно сказать, что те респонденты, которые оценивают свою религиозность как слабую, больше относят себя к православной культуре, а не к собственно православной религии.

Результаты исследования и их обсуждение

Отношение православных к представителям других религий и атеистам. Как и следовало ожидать, отношение православных к представителям собственной религии по своей позитивности на статистически значимом уровне превосходит отношение к представителям иных религиозных групп (t от 4,441 до 6,461 (при $p<0,001$)). Если же анализировать отношение православных к представителям других религий, то здесь результа-

Таблица 1. Попарное сравнение средних показателей отношения православных к представителям других религий и атеистам

Отношение к ...	t-Стьюдента
Католикам — буддистам	1,053
Буддистам — иудеям	2,182*
Иудеям — атеистам	2,035*
Атеистам — мусульманам	0,176

Примечание. * — уровень значимости 0,05.

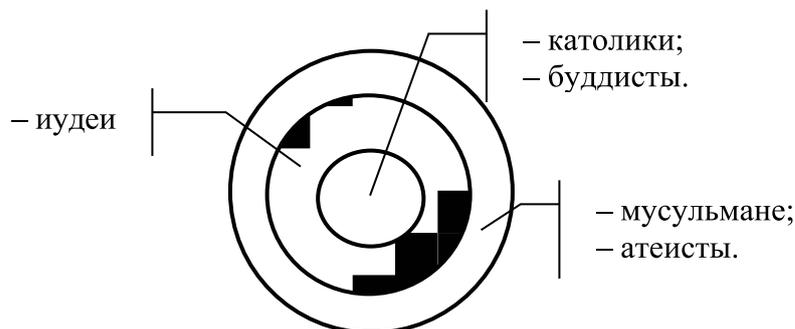

Рис. 1. Группы представителей разных религий и атеисты (по критерию отношения к ним православных)

ты следующие: католики ($Mx=3,94$), буддисты (3,8), иудеи (3,48), атеисты (3,2), мусульмане (3,18).

Далее нами было проведено попарное сравнение упорядоченных средних показателей отношения православных к представителям иных религий и атеистам (по мере их уменьшения) (табл. 1).

По результатам сравнения было обнаружено, что отношение православных к представителям других религий и атеистам можно отнести к трем группам, которые на статистическом уровне отличаются друг от друга, и позитивность отношения к которым уменьшается при их отдалении от центра. Внутри каждой из групп значимых различий не существует (рис. 1).

Таким образом, православные россияне положительнее всего относятся к представителям *католической веры и буддистам*. Подобное отношение к католикам вполне предсказуемо, поскольку, несмотря на разделение православной и католической церквей, произошедшее в 1054 году, эти религии являются двумя ветвями одного дерева, а их представители — христианами. Что же касается весьма позитивного отношения православных к буддистам (хотя данная религия по вероучительным основам стоит значительно дальше от христианства, чем иудаизм и даже ислам [7]), то здесь, на наш взгляд, «срабатывает» устойчивое на уровне обыденного сознания мнение об особой доброте этой религии, в которой ме-

сто Бога занимает человек, самостоятельно достигший духовного совершенства.

Отношение православных россиян к *иудеям*, отнесенное в среднюю (промежуточную) группу можно охарактеризовать как неопределенное. Возможно, такое отношение к иудаизму, который, как и православие признает Ветхий Завет, и по своим убеждениям наиболее близок к христианству, связано с «исторической памятью», в которой запечатлены не самые лучшие моменты отношений иудеев и христиан, выходящие часто, по мнению, Митрополита Волоколамского Илариона на бытовой уровень [4].

Отношение православных россиян к *мусульманам и атеистам* несколько хуже, чем к представителям вышеперечисленных религий. В.В. Знаков такое отношение к мусульманам связывает с усилением исламского фактора в общественно-политической жизни, нередко сопровождающегося проявлением экстремизма. Он отмечает, что «образ врага вновь стал одной из значимых составляющих массового сознания, а при попытках его конкретизации многие люди все чаще указывают на мусульман» [2, с. 22–23]. Такое же негативное отношение православные россияне демонстрируют к атеистам, в основе которого, вероятно, лежат принципиальные мировоззренческие и ценностные противоречия, непримиримость с их неверием во Всевышнего.

Таблица 2. Мотивы положительного отношения православных россиян к представителям других религий и атеистам

Религиоз. группы	Мотивы «+» отношения	Миролюбие	Несут духовность и традиционные семейные ценности	Несут обществу знания
Католики		3,61	3,63	3,19
Мусульмане		2,82	3,39	2,94
Буддисты		3,73	3,49	3,27
Иудеи		3,39	3,31	3,08
Атеисты		3,14	2,47	3,12

Таблица 3. Мотивы отрицательного отношения православных россиян к представителям других религий и атеистам

Религиоз. группы	Мотивы «-» отношения	Агрессивность	Среди них много террористов	Среди них много фанатиков	Пытаются навязать свои нравы и устои	Устанавливают свои порядки	Аморальны и разрушают устои	Представляют опасность
Католики		1,77	1,89	2,63	2,04	2,16	1,58	1,55
Мусульмане		3,00	3,82	3,65	2,89	3,63	2,02	2,25
Буддисты		1,77	1,84	2,47	2,04	2,27	1,67	1,67
Иудеи		1,87	1,90	2,49	2,16	2,25	1,83	1,67
Атеисты		2,33	2,01	2,34	2,40	2,11	2,14	1,71

Мотивы разнонаправленного отношения православных россиян к представителям других религий и атеистам. Изначально нами анализировались мотивы, обуславливающие *положительное* отношение к представителям других религий и атеистов (табл. 2).

Так по уровню *миролюбия* максимальные показатели респонденты приписывают буддистам (3,73) и католикам (3,61), между которыми отсутствуют статистически значимые различия. По данному показателю они превосходят представителей всех остальных религий (t от 1,992 до 6,285 (уровень значимости от 0,05 до 0,001)). Самая низкая оценка миролюбия отнесена к представителям ислама (2,82), которая значимо отличается от представлений о миролюбии атеистов (3,14).

В понимании православных респондентов представители всех религий одинаково несут в общество *духовность и традиционные семейные ценности*, о чем свидетельствует отсутствие статистических различий между их показателями. Однако в представлении православного человека это не относится к атеистам (средние баллы атеистов по этому критерию меньше чем у католиков ($t=6,884$, $p<0,001$), мусульман ($t=5,178$,

$p<0,001$), буддистов ($t=6,171$, $p<0,001$) и иудеев ($t=5,066$, $p<0,001$)).

С позиции православных россиян представители всех религий и атеисты одинаково *обогащают общество знаниями*, о чем говорит отсутствие каких-либо значимых различий по этому показателю между группами.

Далее обратимся к рассмотрению мотивов православных, ведущих к негативному отношению к рассматриваемым группам (табл. 3).

Как можно наблюдать из таблицы максимальные показатели практически по всем установкам, порождающим негативное отношение, относятся к мусульманам и лишь в одном случае — к атеистам (аморальны, разрушают устои и традиции).

Более обстоятельный анализ этих результатов, основанный на попарном сравнении всех средних показателей (по t -критерию Стьюдента), позволяет сгруппировать их определенным образом. Итак, в представлениях православных россиян:

– мусульмане чаще, чем представители всех других религиозных групп и атеисты, пытаются устанавливать собственные порядки, навязывать свои ценности и нравы, являются религиозными фанатиками и террористами, представляют опасность. Между показателями остальных групп статистически значимые различия отсутствуют;

– по уровню аморальности, ведущей к разрушению устоев и традиций, мусульмане статистически не отличаются от атеистов и вместе с ними превосходят представителей всех остальных религиозных групп;

– мусульмане более агрессивны чем представители других религий и атеисты ($t=3,678$, $p<0,001$). Атеисты же в свою очередь по уровню агрессивности превосходят всех остальных.

Таким образом, разнонаправленное отношение православных респондентов к иным религиозным группам и атеистам, находит свое отражение в сформированных у них в процессе социального бытия установках.

Факторы, влияющие на отношение православных россиян к представителям других религий и атеистам. Возникает вопрос о подвижности негативных установок и отношения в целом (в особенности к мусульманам и атеистам). Решение данного вопроса предполагает рассмотрение целого комплекса факторов (внешних и внутренних), оказывающих воздействие на смену вектора отношения. В рамках настоящего исследования мы обратимся лишь к двум — сила православных убеждений и опыт общения.

Чем сильнее религиозные убеждения, тем более позитивное отношение православные россияне проявляют к католикам ($r=0,317$, $p<0,01$), буддистам ($r=0,278$, $p<0,05$) и мусульманам ($r=0,352$, $p<0,01$). То есть, чем сильнее верует православный россиянин, тем он более терпим «по отношению к людям, принадлежащим к другим религиям и идеологиям, это всегда позиция уважения и любви — по примеру Христа» [1]. Однако усиление православной веры не приводит к изменению отношений к иудеям и атеистам. Интерпретация данной закономерности вызывает определенные трудности, поскольку сложно понять, почему повышение общей толерантности к представителям отдельных религий не распространяется на представителей всех религий (в частности на иудеев) и на человека в целом. Предположим, что по отношению к иудеям на отсутствие положительных сдвигов могут влиять сразу несколько факторов: восприятие на бытовом уровне иудеев как предателей Христа, некие национальные предрассудки (иудаизм в отличие от католицизма, ислама и буддизма является мононациональной религией), закрытость

общины. Что же касается неизменности отношения к атеистам, то, вероятно, по мере роста религиозных убеждений верующий православный все также не может принять идею отрицания Бога.

Чем больше опыт общения православных россиян с иудеями и атеистами, тем лучше отношение к ним (соответственно $r=0,243$, $p<0,05$; $r=0,232$, $p<0,05$). По отношению к представителям других религиозных групп (католикам, буддистам и мусульманам) подобная тенденция не наблюдается. Полагаем, что при объяснении данной закономерности будет уместным обращение к «эффекту низкого старта». Данный эффект, заимствованный из легкой атлетики (после низкого старта за стремительным ускорением следует снижение скорости) и достаточно часто используемый в экономике, еще не «прижился» в психологии. Проводя аналогию — изначально плохое отношение к атеистам и не самое лучшее к иудеям при непосредственном межличностном общении с ними может стремительно измениться в лучшую сторону, но затем снова перейти в фазу стагнации.

По результатам настоящего исследования представляется возможным сформулировать ряд **выводов**.

1. Отношение православных россиян к представителям иных религий неоднородно и разнопланово. Выделяются три группы, между показателями которых существуют статистически значимые различия: а) католики и буддисты; б) иудеи; в) мусульмане и атеисты. Наиболее позитивное отношение православные демонстрируют к католикам и буддистам, а наименее — к мусульманам и атеистам.

2. По отношению к мусульманам и атеистам у православных россиян присутствует и наибольшее количество негативных установок, которые выступают мотивами отношения и определяют его вектор. Им приписывается комплекс отрицательных качеств (агрессивность, аморальность и др.) и ожидаемых от них действий соответствующей направленности (навязывание своих нравов и устоев, разрушение устоев и традиций и др.).

3. Подвижность отношения в целом и негативных установок в частности зависит от силы религиозных убеждений православных россиян и опыта общения с представителями других религиозных групп и атеистами.

- ♦ изначально положительное отношение к *католикам и буддистам* еще более улучшается по мере усиления религиозных убеждений православного человека и не претерпевает никаких изменений при увеличении опыта общения с ними;
- ♦ неопределенное отношение к *иудеям* не меняется при усилении религиозных убеждений,

но преобразуется в лучшую сторону после приобретения опыта общения с ними;

- ◆ негативное отношение к мусульманам и атеистам изменяется в зависимости от разных факторов: улучшение отношения к мусульманам связано с силой православных убеждений, а атеистов — с длительностью общения с ними.

Результаты настоящего исследования обозначают существующие в современных реалиях проблемы, а именно недостаточный уровень толерантности православных россиян к представителям отдельных религий и атеистам. Решению данной проблемы, бесспорно, должны предшествовать социально-психологические исследования, имеющие как теоретическую, так и эм-

пирическую направленность. В качестве теоретической основы для последующих исследований может выступить модель восприятия чужого (Б. Шефер, М. Скарабис, Б. Шледер [10]), в которой понятие чужого описывается с помощью соотношения трех переменных: знания (как неизвестного), опыта (как неиспытанного) и идентичности (как «не своего»). В этой модели, на наш взгляд, заложены основные направления работы, как социальных психологов и педагогов, так и политиков, и общественных деятелей. Эмпирические же исследования, способствующие решению данной проблемы, вероятнее всего, должны быть направлены на выявление внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на смену негативных установок и повышение толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Епископ Анастасий (Яннулос). Отношение Православия к другим религиям // Православная энциклопедия Азбука веры. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/wp-content/uploads/bg_forreaders/otnoshenie-pravoslaviya-k-drugim-religiyam_1172.pdf (дата обращения: 7.09.2018).
2. Знаков В. В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 23–34.
3. Камалова А. История развития России как многоконфессионального, многонационального государства // Право и управление. XXI век. № 4 (33). 2014. С. 77–85.
4. Митрополит Волоколамский Иларион. Отношение Православной Церкви к основным мировым религиям [Электронный ресурс]. URL: <https://mospat.ru/ru/2013/10/24/news93292/> (дата обращения: 14.08.2018).
5. Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
6. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
7. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2010, XVI. 731 с.
8. Сушков И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 412 с.
9. Шамионов Р. М. Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 2 (26). С. 129–135.
10. Шефер Б., Скарабис М., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 1. С. 24–51.

© Бескова Татьяна Викторовна (tatbeskova@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовская государственная юридическая академия

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПОДРОСТКАМ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO ADOLESCENTS WITH DEVIANT BEHAVIOR

**N. Eliseeva
I. Lutskan
S. Khokholova**

Summary. The article presents the results of a socio-psychological study of the correlation between leisure activities of adolescents and their tendency to deviant behavior. The conducted research gives an indication of low level of organization of rehabilitation work on crime prevention. There is a lack of an integrated approach to the problem and interagency cooperation, which negatively affects the process and the result of preventive work.

Keywords: juvenile delinquency, deviant behavior, crime prevention, leisure.

Елисеева Наталья Дмитриевна

К.псх.н, директор, ГБУ РС (Я) «Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи»
psycentr-ykt@yandex.ru

Луцкан Иван Петрович

К.м.н., министр, Министерство по делам молодежи и семейной политике Республики Саха
minmol@sakha.gov.ru

Хохолова Сахая Евгениевна

Методист, ГБУ РС (Я) «Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи»
tao-centr@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социально-психологического исследования взаимосвязи между досугом подростков и их склонностью к девиантному поведению. Проведенное исследование позволяет судить о низком уровне организации реабилитационной работы по профилактике правонарушений. Наблюдается отсутствие комплексного подхода к проблеме и межведомственного взаимодействия, который негативно влияет на процесс и результат профилактической работы.

Ключевые слова: подростковая преступность, девиантное поведение, профилактика правонарушений, досуг.

Подростковая девиация, проявляющаяся в самых различных формах, приобретает черты массового явления, которое отличается устойчивыми тенденциями роста, широким распространением на подростковую и порой даже детскую часть населения. Актуальность развития и совершенствования системы профилактики девиантного поведения бесспорна и очевидно необходима в условиях современной России. Социальная напряженность в стране порождает серьезный рост различного рода нарушений несовершеннолетними социальных норм: постоянно происходит расширение масштабов правонарушений и преступлений, подросткового алкоголизма, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и других проявлений девиантного поведения.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) с 2012 по 2015 года непрерывно росло число преступлений совершенных несовершеннолетними в возрасте до 17 лет и в среднем составляло 630,3 преступлений в год. С 2016 года наблюдается небольшое снижение, однако их среднее количество за 2016–2017 гг составляет лишь до 662,7 преступлений. Такие показатели свидетельствуют о возможной тенденции увеличения подростковой девиации, а также о низкой

эффективности или полном отсутствии профилактических работ. Преступность молодеет и принимает устойчивый рецидивный характер. А такая криминализация молодежной среды лишает общество перспектив установления в скором будущем социального равновесия и благополучия.

Так, с целью оценки эффективности профилактических и коррекционных работ с данной категорией подростков, с апреля по июль 2018 года Государственное бюджетное учреждение Республики Саха (Якутия) «Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи» в рамках реализации Федерального закона № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» провел социально-психологическое исследование взаимосвязи склонности девиантного поведения с досуговой занятостью.

Всего исследованием охвачен 181 ребенок и подросток (142 мальчика и 39 девочек) в возрасте от 10 до 18 лет с 10 муниципальных образований и городских округов республики. Основной объем респондентов склонных к правонарушению приходится на возраст с 16 до 18 лет. На втором месте — подростки 14–15 лет. И на третьем — дети с 10 до 13 лет.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

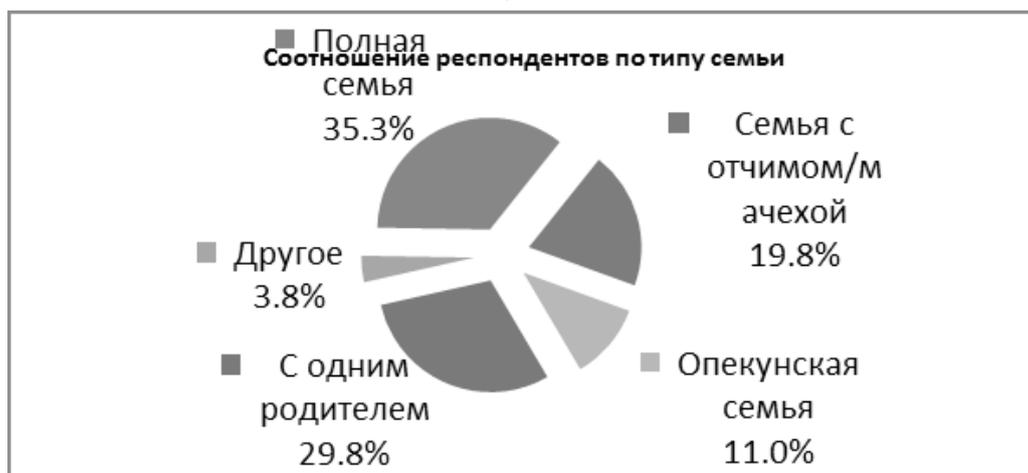

Диаграмма 3

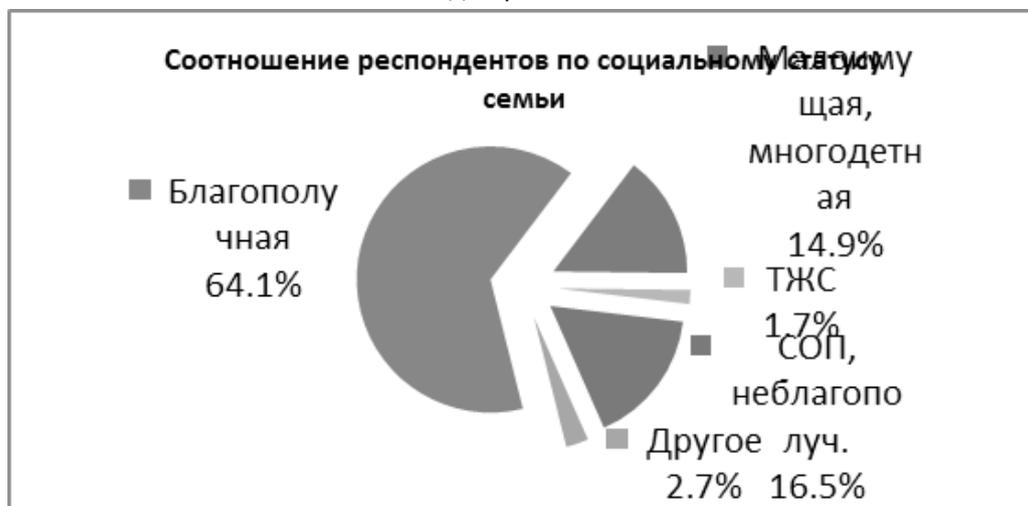
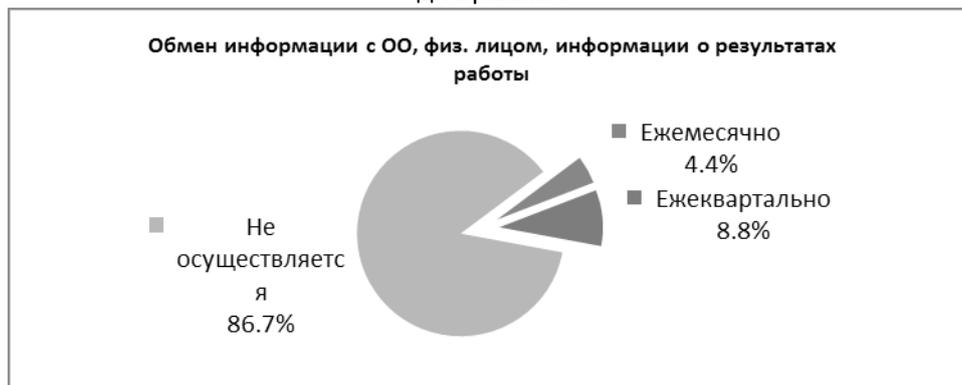

Диаграмма 4

Диаграмма 5

Наибольшее количество детей, состоящих на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав приходится на ГО «Якутск» (24,8%) и Вилюйский улус (22,1%). Кроме этого, Якутск и Вилюйский улус отличаются наибольшим количеством повторных преступлений, в то время как снятие учета происходит только в северных районах — Аллайховском (0,5%), Момском (11,1%) и Усть-Янском (1,6%).

Диаграмма 1 отображает виды статей, по нарушениям которых респонденты встали на учет. Так, больше всего здесь выделяется кража в 41,9% (статья 158 УК РФ) и появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения в 12,7% (ст. 20.21 КоАП РФ).

Диаграмма 2 показывает, что наибольшее количество детей, совершивших правонарушения, приходится на семьи, не входящие в категорию полных, а именно: семьи с отчимом или мачехой (19,8%), опекунские семьи (11%) и семьи с одним родителем (29,8%). Но несмотря на это, 64,1% несовершеннолетних являются детьми из благополучных семей (диаграмма 3).

Согласно выявленной информации об органах и учреждениях, направляющих несовершеннолетних на организацию досуга, 36,5% детей направила КДНиЗП, 7,7% — управление образования МО, администрация и отдел молодежи. Однако в большинстве случаев (42,5%) информация не указана, что говорит об отсутствии комплексного подхода в организации досуга детей. В свою очередь, данный фактор сказывается на том, что из общего количества несовершеннолетних, состоящих на учете, 55 человек (или 30,9%) не организованы досугом (диаграмма 4).

Кроме того, в исследуемых районах, исходя из полученной информации, наиболее распространены и посещаемы спортивные секции, в то время как совершенно отсутствуют кружки по краеведческим, туристическим и лингвистическим видам. Такие показатели свидетельствуют об ограниченном и скудном выборе проведения свободного времени подростков, который тоже может стать причиной высоких значений незанятости подростками досугом.

Таблица 1. Особенности порядка взаимодействия по работе с семьей несовершеннолетнего, состоящего на учете КДНЗиП

Мероприятия	Общее количество	Количество (ср.знач.)
Участие в конкурсах, конференциях и т.п.	39	0,21
Формирование родительской ответственности (привлечение к лекциям, индивидуальные беседы и др.)	138	0,77
Выступление на заседаниях КДНЗиП по данному несовершеннолетнему	115	0,63
Запрос от КДНЗиП информации о несовершеннолетнем	123	0,67

Другой фактор, влияющий на организацию досуга, это обмен информацией с учреждениями о результатах реабилитационной работы с несовершеннолетними. В ходе исследования выявлено, что такой обмен в большинстве случаев не осуществляется (43,6%). Ежеквартальный обмен составляет 38,7%, ежемесячный всего лишь 17,7%.

Реабилитационная работа с детьми, состоящими на учете, также предполагает работу с семьей, в частности, с родителями. Здесь, первоочередной задачей является содействие в трудоустройстве родителей несовершеннолетнего. В 5% случаев родителям читают лекции и проводят консультации, в 2,2% их ставят на учет в ЦЗН, но по большому счету, родители ребенка отказываются трудоустроиваться. Причин на это может быть несколько, однако основная причина, на наш взгляд, заключается в том, что родители недостаточно мотивированы, работа с ними практически не ведется.

Несмотря на то, что большинство семей несовершеннолетних, состоящих на учете, благополучные, показатель отсутствия материальной помощи в 93,9% весьма высок, т.к. 35,9% семей являются малоимущими, многодетными, находятся в ТЖС и т.д. и нуждаются в материальной поддержке.

Далее, исследование показало, что только 26% семей имеют наставников, помогающих реабилитационной работе с несовершеннолетним, состоящим на учете. 2/3 же таких семей, наставников не имеют.

Об отсутствии комплексного подхода свидетельствуют и результаты, приведенные в диаграмме 5. Так, обмен информации о результатах реабилитационной работы не осуществляется в 86,7%, ежеквартально в 8,8% и ежемесячно в 4,4%.

Согласно таблице 1 и в дополнении к вышесказанному, необходимо отметить крайне малое количество мероприятий с семьями несовершеннолетнего, состоящего на учете, выступлений на заседаниях КДНЗиП по ним, и в целом запросов, сбор информации.

Анализ и подсчет количества и видов кружков в районах и округах, где проживают респонденты, позволяет судить о его размерно низких показателях, что в свою очередь, может быть последствием несформированности комплексного подхода в реабилитации несовершеннолетних, состоящих на учете, отсутствием межведомственного взаимодействия, незаинтересованности деятельностью общественных объединений и т.п. Так, в большинстве исследуемых районов функционируют в небольшом количестве только спортивные секции, музыкальные и художественные кружки. Совершенно отсутствуют занятия по таким направлениям, как лингвистический и туристический. В редких случаях подростки могут посетить технические секции, патриотические и добровольческие.

В организации мероприятий по молодежной и семейной политике не уделяется внимание таким параметрам, большое внимание уделяется культурно-массовым мероприятиям взамен реабилитационной и общественно полезной организации досуга.

Диагностика паспортных данных несовершеннолетних, состоящих на учете, особенностей порядка взаимодействия по работе с ними и с их семьями позволяет сделать корреляционный анализ, т.е. выявление взаимосвязи между исследуемыми детерминантами, приводящими к повторным правонарушениям, а также факторам, способствующим эффективной их реабилитации. В ходе математической статистики с помощью ранговой корреляции Спирмена выявлены взаимосвязи между исследуемыми параметрами, результаты которых приведены в таблице 2.

Корреляционный анализ выявил, что больше ход реабилитации и профилактическая работа в целом зависят от того по какой статье несовершеннолетний состоит на учете и какой орган занимается организацией его досуга. Так, исходя из того, какое правонарушение совершил подросток, кража или алкогольное опьянение, побои или хулиганство, строится его программа реабилитации, выбор направления кружка.

Таблица 2. Корреляционный анализ особенностей несовершеннолетних, состоящих на учете, и форм их реабилитации, профилактики повторных правонарушений

	Статья	Возраст	Пол	Состоят на учете	Статус семьи	Кол-во детей в семье	Место проживания	Орган, напр-й на реабилитацию
Спортивные кружки	,120	-,177*	-,042	,283**	,148*	,017	,076	-,095
	,108	,017	,579	,000	,047	,816	,310	,203
Военно-патриотич.	-,352**	,070	-,247**	,102	-,100	-,180*	,028	-,224**
	,000	,353	,001	,171	,181	,015	,710	,002
Вожатские кружки	-,375**	,081	-,160*	,103	-,110	-,209**	,014	-,153*
	,000	,279	,032	,167	,141	,005	,849	,039
Наставнические кружки	-,045	,088	,287**	,014	-,023	-,013	,037	-,189*
	,548	,240	,000	,854	,761	,857	,623	,011
Не посещают	,066	,145	-,002	-,481**	-,039	,096	-,129	,221**
	,378	,052	,979	,000	,601	,197	,082	,003
Решение об орг. досуга	,401**	-,125	,157*	-,139	,073	,082	-,218**	,473**
	,000	,093	,035	,063	,328	,271	,003	,000
Обмен инф. О ходе реаб.	,238**	-,197**	,192**	-,166*	-,001	,141	-,092	,885**
	,001	,008	,009	,026	,992	,058	,220	,000
Засед. КДНиЗП	-,152*	,184*	-,210**	,188*	,079	-,161*	-,024	-,825**
	,041	,013	,005	,011	,290	,031	,743	,000
Запрос инф от КДНиЗП	-,334**	,157*	-,107	,165*	,021	-,150*	,047	-,599**
	,000	,035	,150	,027	,774	,044	,526	,000
Трудоустр-во родителей	,304**	-,196**	,169*	-,151*	,042	,132	-,054	,780**
	,000	,008	,023	,042	,575	,076	,469	,000
Решение ЦЗН	,339**	-,187*	,157*	-,141	,095	,113	-,033	,698**
	,000	,011	,034	,059	,206	,131	,657	,000
Участие в конк., конф.	,049	-,014	-,126	,070	,196**	-,197**	,263**	-,328**
	,513	,847	,091	,348	,008	,008	,000	,000
Матпомощь	,134	-,016	-,038	,029	-,126	,022	-,012	,295**
	,071	,835	,613	,698	,091	,766	,871	,000
Родит.ответст.	-,170*	,135	-,082	,148*	,028	-,099	,074	-,754**
	,022	,070	,275	,048	,713	,184	,322	,000
Наличие наставника	,026	,047	,155*	,244**	,131	,050	,198**	,091
	,726	,531	,038	,001	,080	,503	,008	,222
Обмен инф с наставниками	-,102	-,057	-,028	-,104	-,129	,101	-,307**	,290**
	,173	,444	,713	,163	,082	,174	,000	,000

Такие параметры, как решение об организации досуга, запрос информации и обмен, вовлечение в ход реабилитации родителей также зависят от степени и серьезности совершенного правонарушения. Возраст и пол ребенка могут повлиять лишь на частоту обмена информацией между учреждениями — чем младше ребенок, а тем более, если девочка, тем больше внимания уделяется ему, его семье и ходу реабилитации.

Кроме того, выявлена взаимосвязь между тем, что подростки, которые не посещают кружки и секции, больше склонны к повторному правонарушению.

Социальная активность семьи в целом, проявляющаяся в участии в различных конкурсах и конференциях зависит от статуса семьи, количества детей в ней и места проживания.

Проведенное социально-психологическое исследование взаимосвязи досуговой занятости несовершеннолетних, состоящих на учете в КДНиЗП, и их склонности к девиантному поведению позволяет судить о низком уровне организации реабилитационной работы по профилактике правонарушений. Наблюдается отсутствие комплексного подхода к проблеме и межведомствен-

ного взаимодействия, который негативно сказывается на процесс и результат профилактической работы.

Учитывая факт того, что большинство несовершеннолетних ставятся на учет по причине совершения краж и воспитываются в неполных семьях, в приоритете рекомендуется проводить мероприятия именно по трудовой и экономической деятельности, формированию позитивного «просемейного» общественного мнения и социальной поддержки молодежи.

При реабилитационной работе с несовершеннолетним очень многое зависит от органа и учреждения, который направляет в кружки и в целом следит за ходом реабилитации. Повышенного внимания к организации досуга требуют не только девочки и дети до 14, но и более старшие дети, состоящие на учете, особенно подростки до 17 лет, т.к. риск совершения повторных правонарушений с возрастом может быть только выше, если не оказана соответствующая социально-психологическая поддержка самим подросткам, так и их семьям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистике по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. — http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#

© Елисеева Наталья Дмитриевна (psycentr-ykt@yandex.ru),

Луцкан Иван Петрович (minmol@sakha.gov.ru), Хохолова Сахая Евгениевна (maо-centr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Якутск

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF GERMAN NATIONAL CHARACTER FORMATION

A. Kuteynikov

Summary. The article is devoted to the problem of formation of the national character of the representatives of the German nation. The author examines the historical events and psychological experience that led to the formation and subsequent dynamics of the German national character. For the analysis of mentality consideration of works of the classical German literature is involved. Examines the effect of the historical experience of the German national character. The question is raised about similar moments in the historical experience of representatives of the Russian and German Nations. The author also offers his view on the prospects of further development of the German national character.

Keywords: National character, mentality, German (German) nation, significant historical events, Eastern colonization of Germans, psychoanalysis, psychological trauma, Protestant principles, classics of the German language, German nationalism, historical experience.

Кутейников Алексей Николаевич

К.псх.н., доцент, Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия
alex_kutejnikov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования национального характера представителей немецкой нации. Автор рассматривает исторические события и психологический опыт, обусловившие формирование и последующую динамику немецкого национального характера. Для анализа ментальности привлекается рассмотрение произведений классической немецкой литературы. Рассматриваются вопросы влияния исторического опыта Германии на национальный характер. Ставится вопрос о схожих моментах в историческом опыте представителей русской и немецкой наций. Автор также предлагает свой взгляд на перспективы дальнейшего развития немецкого национального характера.

Ключевые слова: Национальный характер, менталитет, немецкая (германская) нация, значимые исторические события, восточная колонизация немцев, психоанализ, психологическая травма, протестантские принципы, классики немецкого языка, немецкий национализм, исторический опыт.

В последнее время в исторической психологии всё чаще применяемым направлением исследования становится сравнительный анализ ментальности у представителей разных этносов. Представленная статья также выполнена в рамках данной тематики, и она предлагает рассмотрение предпосылок формирования немецкого национального характера. Но прежде возникает необходимость формулировки ряда вопросов.

Какие черты характера можно назвать исключительно немецкими национальными чертами? Что в психологическом плане отличает немцев от представителей соседних наций и народов? Например, от славян или французов? Каковы перспективы развития немецкой ментальности в будущем?

Особенности немецкого национального характера неоднократно анализировались многочисленными исследователями. Классической и общепризнанной считается концепция Карла Лампрехта. Лампрехт был одним из первых, кто рассматривал влияние психологических факторов на историческое развитие Германии. Как профессиональный специалист по немецкой истории, он проанализировал динамику «душевного настроя» (на языке современной психологии эту кате-

горию можно следует отнести частично к групповым ценностным ориентациям, частично — к социальным установкам) и описал пять стадий развития нации (Лампрехт 1894):

1. Символическая — есть осознание единства на основе похожего (пока ещё не общего) языка и мифологии, но имеет место племенное сознание;
2. Типическая — осознание общности исторической судьбы, и собственных отличий от других народов;
3. Конвенциональная — формирование сословных рыцарского и бюргерского сознаний, эпоха крестовых походов и принятие рыцарством на себя «бремени руководства нацией», становление собственной аристократии;
4. Индивидуалистическая (перевод Библии на немецкий язык, возможность размышлять на темы морали самостоятельно, без диктата мнения церкви, и, как следствие, небывалое ранее развитие искусства и национальной литературы);
5. Субъективистская (создание национального государства, уничтожение сословных ограничений, появление свободы выбора профессии и свободы передвижения).

Данная концепция, несомненно, заслуживает внимания, но при этом за ее рамками остаются следующие вопросы:

1. Применима ли данная конструкция к проблеме возникновения психологического склада у представителей других наций?
2. Не был ли процесс развития немецкой ментальности «искажён» и направлен в несколько иное, отклонившееся от первоначальной траектории русло? За счет ассимиляции полабских славян, пруссов и других немногочисленных и не сумевших вовремя сформироваться наций.
3. Какие черты немецкого менталитета были обострены, а какие были нивелированы в результате катаклизмов и потрясений, выпавших на долю немцев в эпоху Позднего Средневековья, период Религиозных войн и в более близкое нам время?
4. Если процесс становления немецкой нации уже завершен, то почему в этом языке существует множество диалектов? Может быть наоборот, учитывая такое их количество и наличие германоязычных стран со своими собственными диалектами (Швейцария, Австрия, Люксембург, существовавшие еще недавно и описанные В.М. Жирмунским немецкие диалекты в России и т.д.), логичнее предположить, что немецкая нация все еще находится в процессе формирования?¹

Создателями немецкого языка принято считать братьев Гримм и И.В. Гёте. Это официальная точка зрения германистики, и мы предлагаем придерживаться именно её. А, как известно, национальный характер народа проявляется в первую очередь в литературе. Именно этот подход (анализ литературных источников, созданных классиками немецкого языка) для составления «психологического портрета» немцев предлагается использовать в настоящей статье.

Второй подход — это анализ значимых исторических событий и экстраполяция влияния данных событий на ментальность немцев. С точки зрения психоанализа, черты характера у взрослого человека являются следствием так называемых «детских психологических травм». Автор статьи разделяет данную точку зрения и считает, что указанное положение применимо и к историческому явлению. То есть, характерные черты той или иной нации обусловлены конкретными значимыми (трагическими или экзотическими) событиями, вошедшими

¹ Кстати, иногда лексические различия на территории той же ФРГ между диалектами считающегося единым немецкого языка являются даже более существенными, нежели различия между русским, белорусским и восточным вариантом украинского языков.

в актуальный опыт представителей предшествующих поколений.

Одной из первых национальных черт, которая является «визитной карточкой» немцев, — это конечно же дисциплинированность. И как высшее поведенческое выражение — пресловутый немецкий *Ordnung*. Это является следствием, прежде всего, следующих факторов: влияния католицизма и традиций многовекового Магдебургского права.

Если сравнить такие две христианские конфессии как католицизм и православие — то мы можем увидеть, что в католицизме культ дисциплины и исполнительства выражен в большей степени. В католицизме также более представлен культ аскетизма (особенно, если речь идет о монастырском образе жизни). Там более выражено и требование преклонения перед авторитетом. Например, Августин Блаженный католической церковью был еще при жизни объявлен святым — в православии такие прецеденты просто невозможны.

Это согласуется с выводами К. Лампрехта, хотя он и выводит несколько иную причинно-следственную связь. Согласно его мнению, культурные элементы (в данном случае имеются в виду христианские императивы) заимствованные низшими культурами (т.е., германцами) у высших (греков и римлян) приводили к тому, что религиозное учение было воспринято в виде догмата, не подлежащего критическому анализу своеобразного «юридического кодекса». В результате аристократическая родоплеменная иерархия V–VII веков закономерно сменилась папским деспотизмом.

Возникшие позднее на части территории Германии протестантские принципы способствовали закреплению авторитарной политической культуры. В результате окончания Шмалькальденской войны, своеобразной гражданской войны католиков с протестантами, в положениях так называемого Аугсбургского религиозно-мирового законодательства закреплён принцип: «Чья власть — того и вера». В результате часть Германии осталась католической — часть стала протестантской. Таким образом, только что возникший протестантизм оправдывал существующую власть светских правителей и способствовал закреплению авторитарных традиций. Настолько авторитарных, что даже вероисповедание за подданного выбирал его господин! Свобода вероисповедания сохранилась только для немногочисленных представителей имперского сословия (курфюрсты, рыцари, жители свободных городов).

История формирования германской нации — это постоянный «натиск на Восток». Важнейшей причиной восточной колонизации К. Лампрехт называет поя-

вившуюся возможность для немецких крестьян приобрести большой участок для сельскохозяйственной деятельности, возможность перейти на арендные отношения и избавиться от крепостной зависимости. Славянское население, проживавшее на данных территориях, на тот момент не осознало ещё своей общности, т.е. не достигло даже окончания символической стадии. В итоге к XIII в. слабоструктурированные догосударственные славянские объединения были завоеваны, а славяне-язычники стали воспринимать христианство как более развитую религию и не смогли противостоять ассимиляции.

В результате многие современные немцы забыли о своих славянских корнях, и только их фамилии, оканчивающиеся на *-ow* (часто встречается в области Мекленбург¹), *-itz*², *-ki*, заставляют подозревать об их происхождении. Однако, пожалуй, именно в этом и следует искать иррациональный негатив немцев против славян на протяжении всего XIX и первой половины XX века: подспудный страх, что «прежние хозяева» вернуться, и что германские земли к востоку от Эльбы вновь станут славянскими. Кстати, так оно в конце концов и произошло: к середине XX века после всех территориальных изменений Силезия и часть Померании отошли к Польше, земли Восточной Пруссии были переданы частично той же Польше, частично — СССР, на оставшейся территории Заэльбской Германии была создана ГДР — зависимое от СССР государство.

Тем не менее, именно германская колонизация позволила утратившим национальную идентичность славянам, довольно быстро воспринять христианство и миновать самый тяжелый период первоначального крепостного права. С другой стороны, как раз колонизация и привела к тому, что прежде свободные славяне попали в феодальную зависимость. Но крепостное право в Европе к тому времени уже начало «вырождаться». А к XIII–XIV векам оно в Германии на короткое время почти исчезло и сменилось относительно лёгкими видами эксплуатации. С появлением немцев двупольная система обработки земли у славян сменилась более эффективным и продуктивным трехпольем, и были основаны города, где доминирующим языком стал немецкий.

¹ В качестве иллюстрации: предпоследний Председатель совета министров ГДР носил откровенно славянскую фамилию: Г. Модров. А нынешняя канцлер ФРГ А. Меркель имеет польское происхождение.

² На взгляд автора статьи Ю.С. Семенов поступил нелогично, дав своему знаменитому литературному персонажу, по «легенде» являвшемуся потомственным немецким дворянином и прошедшим все проверки эсэсовцем, не вполне арийскую фамилию: Штирлиц.

Еще одно следствие форсированной колонизации — в этих городах Германии свободные переселенцы и выходцы из провинции активно восприняли систему Магдебургского права. Эта правовая система базировалась на традициях городского самоуправления и подразумевала баланс интересов горожан и феодалов, формально являющихся собственниками земель. Отсюда и возникла идея самоуправления и скрупулезной организации порядка на своей территории — именно не на земле феодала, барона, юнкера, а на своей собственной. Из Германии указанная правовая система проникла в Польшу, затем в Литву, а позже при русской царице немецкого происхождения Екатерине II, в урезанном виде, и в Россию.

Говоря о становлении германской нации, следует сказать о неблагоприятных и благоприятных для немцев исторических периодах.

Итак, колонизация первоначально привела к частичному облегчению крепостной зависимости. Но последующее усиление поборов, неблагоприятные изменения в условиях крестьянского быта, а также мотивация восстановления справедливости, с одной стороны, и возникновение и развитие протестантизма с его культом индивидуализма, с другой стороны, привели к Крестьянской войне (1525–1526). Именно тогда впервые в истории массами овладели наивные коммунистически-утопические идеи. Не потому ли первые классики научного коммунизма являлись выходцами именно из Германии? Восставшие крестьяне потерпели поражение, что привело к ухудшению их положения. Но окончательное ужесточение крепостной зависимости, названное Ф. Энгельсом «Вторым изданием крепостничества», произошло позднее, после окончания Тридцатилетней войны в 1648 г. (Энгельс 1952). При этом наиболее сильное развитие крепостного права осуществилось именно в восточной (Заэльбской) Германии, куда ранее устремились потоки колонистов.

Достаточно сильное потрясение в истории Германии напрямую связано с появлением протестантизма. У протестантов почти сразу же возникли трения со своими соотечественниками католиками. Конечно, не следует утверждать, что протестантизм плох сам по себе. Но почти везде, где бы ни появлялись представители данной конфессии, возникали военные конфликты. А самым первым в мире протестантским государством было воинственное герцогство Пруссия. Она провозгласила себя наследником Тевтонского ордена (что не совсем логично, ибо Тевтонский орден все же был католическим) и поставила перед собой задачу возобновить экспансию на славянские земли. Но Россия была далеко, Польша на тот момент была еще сильна, поэтому, судя по всему, и возник перенос агрессии на своих же соотечественни-

ков. Итак, конфликт между католиками и протестантами вылился в серию войн, начиная от непродолжительной Шмалькальденской (1546–1547) до длительной и разрушительной, вошедшей в историю под названием Тридцатилетней (1618–1648). Формально это была война между германским императором и князьями-сепаратистами, впоследствии в нее оказались втянуты и другие государства. Этот конфликт был последней крупной религиозной войной в Европе, и ее окончание фактически создало современную систему международных отношений. Однако война была окончена почти на тех же позициях, что и начиналась. Ни та, ни другая конфессия не победили. Государственные границы претерпели определенные изменения, но конфессиональные зоны остались прежними, и национальное немецкое государство создано не было.

Однако нас должно больше интересовать влияние войны на ментальность немцев. Итак, боевые действия панъевропейской Тридцатилетней войны происходили в основном на территории Германии. И, соответственно, после окончания войны среди немцев появилось значительное количество физически и психически травмированных людей. Кроме того, на заключительном этапе войны Германия была охвачена постоянными эпидемиями дизентерии и сыпного тифа, периодически возникали локальные вспышки уже забытой в Европе бубонной чумы. И хотя до установления реальных причин многочисленных заболеваний оставались еще десятилетия, уже тогда было замечено, что соблюдение определенных санитарно-гигиенических норм может снизить вероятность заболевания. Судя по всему, именно в тот период и стала развиваться такая немецкая национальная черта как предельная аккуратность.

К сожалению, выжили в той войне не все. Как сами боевые действия, так и вызванные ими голод и эпидемии опустошили целые регионы. Подсчитано, что от войны, голода и эпидемий погибло около 40% сельского населения и около 30% городского. В Южной Германии дела обстояли еще хуже чем в среднем по стране: там войну пережила вообще лишь треть населения. Некоторым областям потребовалось больше века, чтобы восстановиться демографически и экономически. Большой процент среди уничтоженных жителей Заэльбской Германии составляли неассимилировавшиеся славяне.

Давая оценку Тридцатилетней войне, Б.Ф. Поршнев отмечает, что «она приобрела тот специфический стиль не только войны, но одновременно и чудовищной карательной экспедиции, жестокой расправы с мирным населением, физического и психического террора, который так ошеломил сознание современников». Далее он констатирует: «Но было в ужасах Тридцатилетней войны нечто, отличавшее их качественно и принципиально

от всего виденного прежде и поэтому не укладывавшееся в нормы мыслимого, — их бессмысленность» (Поршнев 1976: 109).

Можно утверждать, что многие из уцелевших немцев страдали от посттравматического синдрома. Тогда в науке подобного термина еще не было, но пережившие указанное состояние, разумеется, были. Итак, каковы же личностные деформации, вызываемые посттравматическим расстройством? Разумеется, проявления могут быть сугубо индивидуальными, но наиболее часто встречаются следующие: нарушения сна, подозрительность, импульсивность, агрессивность, категоричность суждений, стремление к социальной справедливости. Само по себе стремление к справедливости — это хорошо, но вся проблема заключается в том, что каждый понимает справедливость по-своему, а это как раз и ведет к конфликтам. Достаточно частым проявлением указанного синдрома является также асоциальное поведение: человек, вокруг которого не соблюдаются юридические и нравственные законы, неосознанно стремится жить по установленным им самим законам, что опять же приводит к конфликтам.

Б.Ф. Поршнев называет Тридцатилетнюю войну гигантской психологической катастрофой, надолго наложившей печать на последующую судьбу германского народа и германской культуры (Поршнев 1976).

Теперь следует отметить влияние климата на исторический опыт нации. Принято считать, что зоной рискованного земледелия является только Россия. Но это не совсем так. Например, в Европе в XV веке наступило резкое похолодание. Урожаи были до такой степени мизерные, что в Европе имели место случаи людоедства. С климатическими периодами можно связать и периоды подъема и спада охоты на ведьм. Апогей охоты на ведьм пришелся на период столетнего похолодания — XV век. Надо ведь было найти причину неурожая и наказать виновных! К сожалению, человеческое сознание в подобных случаях функционирует именно по стратегии личностной атрибуции и в первую очередь ищет: кто виноват. Первая половина XVI века вызвала относительное потепление, и случаи охоты на ведьм стали встречаться реже. Но после 1650 года в Европе начался новый цикл холодов и охота на нечистую силу возобновилась. И этот период борьбы с ведьмами уже в большей степени был связан с Германией. Указанный малый ледниковый период в Европе (т.н. Маундеровский минимум) длился с 1645 по 1715 год.

Катаклизмы климатических изменений, отразились в массовом народном сознании, а в последующем — в сказках собирателей и обработчиков германского фольклора братьев Гримм. В качестве действующих

персонажей там часто выступают то родители, бросающие детей на голодную смерть («Гензель и Гретель»), то волки, нападающие на жителей в их домах («Красная Шапочка», «Волк и семеро козлят»), то бездомные бродяги и разбойники («Бременские музыканты», «Разбойник и его сыновья»).

В большей степени немцам повезло после окончания малого оледенения. Позитивные климатические изменения, связанные с окончанием Маундеровского минимума, позволили при тех же физических затратах повысить рентабельность сельского хозяйства. Именно в тот период формируется такая национальная немецкая черта как трудоголизм. Это нашло выражение в возникших в тот период многочисленных пословицах и устойчивых выражениях. Можно привести некоторые из них:

- ◆ Из ничего ничего и выйдет (Von nichts kommt nichts)
- ◆ Без труда нет прибыли (Ohne Fleiß kein Preis).
- ◆ Кто не вложился, тот ничего и не получит (Wer nichts begehrt, der bekommt nichts).
- ◆ Даром только смерть, да и та стоит жизни (Umsonst ist nur der Tod und der kostet das Leben).
- ◆ На 50-фенинговой монете немцы выгравировали девиз: «Только активностью получишь благодать божию» (Nur sich regen bringt Segen),

В уже рассмотренных сказках братьев Гримм также наблюдаются сюжеты, осуждающие тех, кто обладает незаработанным лично богатством.

Например, в сказке «О рыбаке и его жене» (содержание в чем-то перекликается с пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке») ненасытность и все более возрастающие запросы наказываются потерей ранее подаренного волшебной рыбой имущества. И хотя сказка имеет западнославянское происхождение, она довольно органично вписалась в немецкое (а в пушкинском варианте и в русское) мировосприятие. Мысль о том, что богатство можно заработать только честным трудом встречается и в «Госпоже Метелице», повествующей о волшебнице из колодца, вознаграждающей трудолюбивую героиню сказки и наказывающей ленивую.

Указанный аспект национального немецкого сознания был рассмотрен М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Он считал, что новое религиозное течение — протестантизм — привело к изменению экономического поведения людей и, вследствие этого, к возникновению капитализма (Вебер 1990). Вебер описывает основные императивы протестантизма:

- ◆ Добросовестный труд отождествляется с послушанием Богу.

- ◆ Аскетизм, который в зарождающемся протестантизме культивируется даже еще в большей степени чем в католицизме, формирует бережливость, аккуратность, честность, скромность в потреблении пищи и в одежде.
- ◆ Если человек смог стать богатым — это признак божьей милости, которым человек отмечен еще при рождении. А если, что бы человек не предпринимал, у него разбогатеть не получается — значит ему уже не суждено стать богатым, ибо Бог его невзлюбил еще при рождении. Правда, при этом невозможно логическим путем обосновать ответ на вопрос: почему Бог, в своей благодати и милосердности еще при рождении каких-то людей возлюбил, а кого-то отверг?

Вебер рассматривал феодальный уклад жизни как нечто потенциально стабильное, воспроизводящее самоё себя в тех же объёмах, и из этой стабильности цивилизация Запада могла выйти только в результате психологического шока, изменившего всю ментальность европейцев. Роль такого шока и сыграла Реформация. Вебер утверждал, что западноевропейский капитализм является уникальным явлением в человеческой истории и что он не сможет повториться и реализоваться в других странах. Так, он заявлял, что капитализм не сможет реализоваться в России, т.к. в России господствует традиционная община (ныне уже не существующая), в ментальности русских сильно коллективистское начало, отсутствует демократия (тогда она действительно отсутствовала), в обществе не доминируют среднегородские слои населения (сейчас мы назвали бы это термином «средний класс»).

Вебер абсолютно не рассматривает факт потепления климата в Европе, что, как уже отмечалось выше, и дало первый импульс к повышению эффективности сельского хозяйства. Кроме того, Вебер, выделив психологические факторы зарождения капитализма, не описал конкретные механизмы его возникновения. Эту задачу попытался выполнить Э. Фромм. Последний во многом согласен с концепцией Вебера. Но он вычленяет в связке «протестантизм — появление капитализма» еще один промежуточный компонент — так называемый, социальный характер. То есть, по его концепции сначала возникает новое общественное сознание (в данном случае, протестантская религия), затем оно, выполняя воспитывающую функцию, производит изменения в ментальности его носителей, и лишь затем возникают новые общественные отношения максимально соответствующие данной уже ранее сформированной ментальности. Фромм оценивает роль протестантских императивов следующим образом: «... эти доктрины усилили и закрепили те изменения, которые происходили в самой структуре личности».

И далее: «Черты, которые развились в результате этого, стали двужущими силами развития капиталистической системы, которая в свою очередь появилась как результат экономических и политических перемен» (Фромм 2004: 379).

По поводу совсем другого аспекта становления немецкой национальной идентичности размышлял Г. Плесснер в статье «Опоздавшая нация». Он пытался ответить на вопрос: почему немцы в начале XX века стали отличаться необычайно раздутым национальным самовозвеличиванием, что в конечном итоге привело их катастрофе (Плесснер 1982). Плесснер выделяет следующие причины:

- ◆ Немцам к тому времени уже длительное время не приходилось сражаться с внутренним врагом — только с внешним. И немцы со спесью относились к французам и англичанам, чья национальная идентичность возникла в результате насильственной ликвидации сословного устройства общества, революций и казни собственных монархов. В результате наиболее культивируемой чертой немецкого общества становилось единство и преданность государственной системе.
- ◆ В XIX веке немцы осуществили рывок в экономике и во многом смогли минимизировать свое отставание от других стран Западной Европы. Но при этом главный импульс промышленной революции был задан не только внутренней мотивацией общества, но и самим Германским государством, т.е. «сверху».
- ◆ Объединенная Германия была создана не немецким народом, а государственной волей кайзера.

Здесь автор настоящей статьи хотел бы добавить к анализу Плесснера ещё один важный аргумент: объединение страны было достигнуто в результате победы во Франко-прусской войне. Поэтому у немцев сформировалась стойкая ментальная установка: величия страны можно достичь только силовым путем, в результате победоносной войны.

- ◆ Общественное сознание в Германии начала XX века возникло не на пустом месте, оно стало продолжением той культурной традиции, которая была заложена великими немецкими писателями и поэтами, и в первую очередь И. В. Гёте.

Для оценки правомерности последнего суждения Плесснера, предлагается подробнее рассмотреть основные мотивы, встречающиеся в творчестве Гёте. Итак, какие сюжеты мы можем видеть в произведениях этого автора, ставшего символом германской культуры, и считавшегося неформальным главой литературного направления «Бури и натиска»?

Начинает молодой Гёте свое творчество с произведения, посвященного все тому же знаковому периоду германской истории — Крестьянской войне. Драма называется «Гёц фон Берлихинген». Рыцарь Гёц остро переживает по поводу бедствий охвативших страну и делает выбор — он принимает решение возглавить крестьянское восстание. Но увидев бесчинства, творимые восставшими, он уклоняется от дальнейшего руководства. Драма заканчивается тем, что «государственный порядок» восстанавливается, а главный герой, увидев, что бесчинства восставших прекращаются, радостно готовится к встрече со смертью. На самом деле реальный Гёц фон Берлихинген был не такой уж и благородный. Он предал крестьян, по этой причине они потерпели поражение, а Гёц получил амнистию и впоследствии стал разбойником. Но героем для подражания у немцев стал не реальный Гёц (его имя тогда вообще было никому не известно), а его литературное воплощение, созданное гением Гёте. И подражать молодые люди стремились не реальному рыцарю, а именно литературному персонажу.

Известность Гёте в Германии принес его роман «Страдания молодого Вертера». Герой этого сентиментального романа страдал от неразделенной любви к женщине и не мог найти в этой ситуации никакого другого выхода, кроме как осуществить суицид. О популярности этого произведения среди современников говорит тот факт, что многие молодые немцы восхищались этим главным героем и отождествляли себя с ним, вплоть до реализации суицидальных намерений.

Наиболее выдающееся произведение Гёте — это трагедия «Фауст». Фактически, жизнеописание главного героя — это символическое прохождение исторического пути немцев и поиск смысла жизни. На этом пути главный герой, врач и ученый, мечтавший познать все тайны мироздания и убедившийся в невозможности этого, наделал множество ошибок. Первая ошибка — это попытка суицида. Но, услышав звон церковных колоколов, Фауст решает повременить со смертью. И тут появляется таинственный Мефистофель, пообещавший вернуть смысл жизни. Мефистофель внушает Фаусту мысль об обладании красивой и покорной женщиной. Это приводит к тому, что, Фауст, фактически, погубил молодую женщину и вынужден был убить ее брата. Потом, движимый раскаянием, он делает попытку посвятить все свои силы улучшению жизни других людей. Но, под влиянием Мефистофеля оказывается втянут в финансовую аферу. Кстати, если вы думаете, что идея раздачи ваучеров родилась только в 90-е годы XX века в России, то перечитайте «Фауста»!

*Да знает каждый, кто желает знать об этом:
Бумаги лоскуток отныне ста монетам
Равняется в цене. Для тех бумаг в заклад*

*В имперских областях сокровища лежат
В земле — и тотчас же по извлеченьи злата
По обязательствам последует уплата.*

Затем Фауст стал полководцем, разбил вражескую армию, но плодами победы воспользовался бездарный и никчемный император. В результате получается, что все, что бы Фауст ни запланировал, так или иначе, приносит разочарование или страдание окружающим.

Потом, движимый влечением к идеалу, Фауст встречает Елену Прекрасную, героиню древнегреческого мифа. Но, в конце концов, Елена бесследно исчезает, обняв его на прощанье. Гёте хочет таким образом донести до читателя мысль, что погоня за идеалом может принести счастье, но лишь на короткое время.

После этого Фауст хочет возглавить строительство плотины. Цели перед собой он уже ставит благородные. Если возвести плотину, то можно будет отвоевать у моря значительный кусок земли, сделать его плодородным и отдать людям. Правда, при этом приходится убить двух стариков, которые являются юридическими собственниками этой земли и почему-то не желают возведения плотины. Но зато после их смерти все препятствия для начала гигантского строительства устранены. К этому моменту постаревший и больной Фауст теряет зрение. Уже ослепший он отдает распоряжение строителям начать работу. И, услышав шум от ударов лопат и кирок о землю, он наконец-то обретает счастье. Он провозглашает, что здесь скоро будет жить «народ свободный на земле свободной». Он наконец-то понимает, что счастье дарует не обладание властью, не богатство, не слава и даже не обладание самой прекрасной женщиной в мире. Только труд на благо людей может придать жизни высшую полноту. Осознав это, под звук работающих лопат Фауст умирает.

Правда, ослепший Фауст не знал, что этот шум производили не строители, а злые духи, которым Мефистофель приказал вырыть могилу для Фауста. Но поскольку Фауст уже научился мечтать не о собственном благополучии, а о благе для других, Бог его прощает, и ангелы призывают душу Фауста, буквально забрав ее прямо перед носом Мефистофеля.

«Фауст» — очень сложное произведение, полное намеков и иносказаний. Создается такое впечатление, что Гёте хотел о чем-то предупредить немцев будущих поколений. А, может быть, и не только немцев.

Еще одним значительным его произведением является баллада «Дикая розочка» по мотивам немецкой народной песни. Сюжет баллады незатейлив. Мальчик увидел в поле розочку, захотел ее сорвать. На что розочка

пообещала мальчику очень больно уколоть его своими шипами. Но мальчик все равно сорвал розочку и стойко перенес кровотечение и боль.

Таким образом, анализируя наиболее значительные произведения Гёте, мы видим, что императивом немецкой духовной жизни можно считать пренебрежение страхом перед смертью (или наоборот, вытесненный страх смерти?), внутренняя романтичность и, наряду с этим, стремление избежать внешней сентиментальности, культ воинственности, желание всегда добиваться своего и, одновременно с тем, интерес к познанию и к интеллектуальной деятельности.

Можно рассматривать феномен немецкого национализма и с психоаналитической точки зрения, как ментальный инструмент создания душевного равновесия. Именно такой взгляд разделяет А.И. Патрушев: «В начале XIX в. многие немцы ощутили то, что сегодня называют кризисом интеграции, т.е. адаптации к новым условиям. В этом смысле национализм как бы занял прежнее место церкви, придавая жизни смысл и заменяя прежние церковные или территориальные исторические традиции. Он создавал новую идентичность, которую почти полностью уничтожила четвертьвековая эпоха революций и войн. В результате возник своего рода социально-психологический вакуум или, говоря словами Зигмунда Фрейда, глубокий психоневроз.» (Патрушев 2003: 75). Эта экзистенциальная пустота и была заполнена националистическими идеями, которые формировали новую, хотя и искаженную картину мира и давали самые простые и примитивные ответы на поставленные самой эпохой вопросы.

А ведь ещё в начале XIX в. немецкий национализм был относительно прогрессивным явлением. Во-первых, он способствовал противостоянию оккупационным войскам Наполеона. Хотя партизанских действий против французов немцы в отличие от русских крестьян почти не вели, но зато многие офицеры поступали на службу в русскую армию. Всерьез немцы стали воевать с Наполеоном уже только после поражения последнего в России (тогда были созданы т.н. «корпуса свободы» Адольфа фон Лютцова, состоявшие преимущественно из студентов и ремесленников) и в «битве народов» под Лейпцигом. Во-вторых, ранний национализм ставил перед собой задачу борьбы с дворянскими привилегиями, сословным неравенством, и социальным расслоением. Впоследствии этот тренд трансформировался в поддерживаемую О. фон Бисмарком идеологию так называемого «Прусского социализма».

В XIX в. в Германии сформировался культ военной службы. В прусской армии были отменены телесные наказания, офицерами получили право становиться и лица

недворянского происхождения. Для того, чтобы обойти навязанный наполеоновской Францией лимит на численность армии, стали проводиться короткие призывы на месячный срок. Таким образом, служили немного (фактически, это были кратковременные военные сборы), но армию проходило все взрослое здоровое мужское население. После победы над Наполеоном уже была введена всеобщая воинская повинность. Отставные офицеры получили преимущество при занятии государственных должностей. В результате, военная служба у немцев становилась все более престижной.

Сфера образования также совершенствовалась быстрыми темпами. Сеть государственных школ получила все возможности развития. К концу XIX в. в Германии почти все население были грамотным. Но обучение базировалось на широчайшей системе запретов, предусматривающих наказание за малейшее их нарушение. В результате немцы создали общество, в котором система запретов и их соблюдение играли решающую роль. Регламентировалось всё подряд, включая цвет крыш, размер оконных проёмов и форму печных труб. Таким образом, немецкая педантичность получает дальнейшее подкрепление. И не из-за любви к самой точности, а из строгой обязательности соблюдения точности и страха перед нарушением запрета.

Известно, что политическое поведение государства на международной арене весьма часто является отражением коллективных психологических импульсов граждан этого государства. Как же проявилась ментальность немцев в выработке внешней политики правящей элитой Германской империи?

К началу XX века у немцев окончательно сформировались такие характерные черты как вера в национальную исключительность, групповой эгоизм и стремление решать все проблемы силой. Однако был и еще один важный фактор: то, что психологи называли бы синдромом сидящего в осажденной крепости. Ведь Германия и с Запада, и с Востока была окружена недружественными государствами (что, конечно же, не снимает вины с руководителей ни стран Антанты, ни Тройственного союза). В результате Германия стремительно двигалась к Первой мировой войне.

Данная статья посвящена проблемам не истории, а исторической психологии. Поэтому мы не будем рассматривать сам ход военных событий. Нас в гораздо большей степени должен интересовать результат. И то, как этот результат — поражение в войне — был воспринят коллективным национальным сознанием немцев.

Первый вывод, который должен был сделать среднестатистический немец, заключается в следующем:

никаких оснований для военного поражения не было. Ведь врагов на немецкую землю не пустили! На Западе линия фронта проходила по реке Марне, а это же возле Парижа! А русскую армию генерала А.В. Самсонова, вторгнувшуюся в начале войны в Пруссию, разгромили. А потом с Россией был заключён выгодный для Германии Брестский мир, немецкие оккупационные войска стояли в самом Киеве! И в таких условиях подписывать акт о капитуляции? Налицо факт предательства! Даже само подписание акта о капитуляции с целью сокрытия правды было названо всего-навсего подписанием «Компьенского перемирия»!

Обстоятельства сложились так, что руководителями социал-демократии зачастую были лица еврейского происхождения (К. Левине, Р. Люксембург, В. Ратенау, К. Эйсер и др.). И после крушения монархии именно СДПГ пришла к власти, а потом ее лидеры вынуждены были обеспечить подписание текста Версальского мирного договора. Поэтому второй вывод, который должны были сделать не разбиравшиеся в политике немцы: Германия была предана не каким-то анонимным правительством, а конкретно представителями еврейской национальности.

Третий вывод: положения Версальского договора несправедливы (и это действительно было так), они навязаны обманном путем, поэтому от договора следует как можно скорее отказаться. Сама послевоенная разруха воспринималась немцами не как следствие проигранной войны, а как следствие несправедливого нечестно навязанного договора. Кстати, в психологии для описания переживания национального унижения существует соответствующий термин: «Версальский синдром».

Именно эти три ментальные установки и определили общественные настроения немцев в межвоенный период. Почему немцы их восприняли без всякой критики? Потому что ментальные установки по определению функционируют не столько по законам логики, сколько по пути эмоционального реагирования. И не предполагают в принципе никакого логического анализа.

С таким опытом Германия подошла ко Второй мировой войне.

Но знание этих изложенных выше фактов еще не дают ответа на вопрос: как же великая и культурная немецкая нация дошла до тех эксцессов, которые имели место в Первую и Вторую мировые войны? Можно предложить следующее объяснение. Германское дворянство создало гигантский культурный потенциал, но ведь известно, что элита должна не только аккумулировать достижения культуры (с этой-то задачей германское дворянство великолепно справилось), но и реализовывать воспи-

тательную функцию по отношению к представителям низших сословий. Это у элиты уже получилось в худшей степени. В результате великие достижения немецкой культуры оказались чужды представителям низших сословий, что и проявилось в эксцессах германского менталитета в первой половине XX века.

Кстати, подобный упрек можно адресовать и русской дворянской интеллигенции XIX века. Данный социальный слой несомненно состоял из культурнейших и образованнейших людей. Но многие ли из них ставили перед собой цель способствовать просвещению и воспитанию представителей простого народа? Кроме декабристов (уже после их прибытия в ссылку и переосмысления своих прежних действий) и не такой уж многочисленной плеяды поэтов и писателей трудно найти сторонников этого подхода. Зато было много желающих спровоцировать представителей низших слоев на смену государственно-го строя, в том числе и насильственными методами.

Подытожив все сказанное о Германии выше, автор настоящей статьи хотел бы подвести читателей к «крамольной» мысли: по причине своего «среднеевропейского» географического положения, немцы в структурировании своей ментальности почти всегда были вынуждены только реагировать на внешние воздействия. Или на воздействие культуры окружающих народов (в том числе, и славян), или на военное воздействие соседей, или на воздействие природных факторов. По крайней мере, так обстояло дело до начала XX века. А это значит, что при любом раскладе исторических событий немецкий национальный характер мог бы стать только таким, каковым он и был продемонстрирован окружающим народам в XX веке. Или становление единой немецкой нации было бы вообще невозможно. Этим немцы кардинально отличаются от французов, англичан, русских, татар и многих других народов, которые могли проявлять большую свободу в выборе своего ментального развития.

Но, возвращаясь к Германии, хочется поставить вопрос: какие же отношения должны возникнуть между нашими двумя государствами в XXI веке? Автор настоящей статьи хочет изложить свое видение и для этого предлагает перейти к сравнению немецкого и русского менталитетов. О тесной связи немцев и россиян говорят следующие общеизвестные факты:

- ◆ Начиная ещё с пленных Ливонской войны и вплоть до Первой мировой войны проживающие в России немцы часто являлись довольно значительной группой в нашей национальной элите. Символ успешного немца на русской службе — это Мюнхгаузен, выдумщик и фантазёр, но реальная историческая личность, на выдуманных историях которого российские дети учатся читать.

- ◆ До начала Великой Отечественной войны немцы в нашей стране были представителями достаточно многочисленного национального меньшинства даже со своей национальной автономией.
- ◆ Большое количество немцев ГДР получали образование в СССР. И, кроме того, между гражданами наших государств имели место достаточно интенсивные контакты в производственной и культурной сферах.
- ◆ В настоящее время граждане Германии, являющиеся выходцами из бывшего СССР, большей частью стали симпатизантами нашей страны. Разумеется, они не собираются в массовом порядке приезжать на жительство в Россию (все-таки в ФРГ уровень жизни выше), но поддерживать культурные связи, ориентируясь именно на эту группу людей, необходимо. Кто знает: какое там будет положение дел лет через пятьдесят?

И как это ни парадоксально, следует признать, что даже без учета упомянутых выше факторов, Германия и Россия во многом похожи. Прежде всего, по историческому и социальному опыту, правда, приобретенному в разных условиях и в разные периоды. В Германии были кровопролитные Крестьянская и Тридцатилетняя война своих со своими — у нас Гражданская. Немецкие крестьяне избавились от крепостной зависимости, а потом последовало «второе издание крепостного права». Мы тоже пережили отмену крепостного права в 1861 году, но с последующим созданием колхозов и ограничением свободы передвижения для колхозников (фактически, до 1974 г.). У немцев была эпоха колонизации Заэльбской Германии — у нас колонизация Сибири. Немцы пережили эпоху «охоты на ведьм», а у нас был свой период борьбы с «врагами народа». У них после всех волн колонизации и после Первой мировой войны значительная часть компактно проживающих немцев оказалась за пределами своего государства, как и у нас (в постсоветский период). Из-за тяжелых условий жизни на родине многие немцы уезжали на поиски лучшей доли в другие страны (например, Петр I и последующие русские императоры весьма охотно приглашали военных, ученых и врачей в Россию). И у русских тоже был подобный опыт — социологи насчитывают целых четыре волны русской эмиграции в XX веке. А схожий исторический опыт порождает хотя и не всегда идентичность менталитета (да это, по большому счету, ни немцам, ни русским не нужно), но он дает способность понимать друг друга и умение договариваться, когда возникают какие-либо проблемы.

Теперь, наконец, следует сказать о нашем видении концепции К. Ламбрехта, с которой была начата данная статья. Автор настоящей статьи согласен с тем, что описанные пять стадий существуют. И данная концепция

применима только для Германии, зажатой между морем и горами и между французами и славянами. Но Ламбрехт не учитывал факт подпитки немецкого этноса постоянно ассимилирующимся славянским населением. Однако, и в этом случае все равно предлагается признать, что любой процесс развития может содержать и элементы регресса. Судя по всему, в настоящее время в связи с бесконтрольным наплывом мигрантов в Германию и опасностью расплывания национальной идентичности, как раз это и имеет место. Немцы сами завели себя в тупик. В результате, как предполагает автор статьи, ментальность немцев должна регрессировать на один из более низких уровней и только потом, через, по меньшей мере, пару поколений вновь подняться на субъективистский уровень (кроме того, автор допускает, что различные немецкие субэтноты развиваются несинхронно, и части немцев еще только предстоит впервые достичь субъективистской стадии).

И в наших силах способствовать (именно, не ждать, а способствовать!) тому, чтобы при повторном достижении указанной пятой стадии ментальность немцев стала более дружественной по отношению к российской ментальности. Хочется верить, что исторические и психологические предпосылки для оказания такого влияния имеются.

В своей истории очень часто Россия шла навстречу интересам Германии. Она делала это бескорыстно, а иногда даже и без учёта собственных интересов (выход из Семилетней войны, ходатайство Александра II перед Наполеоном о сохранении суверенитета Пруссии, Рапальский договор, объединение ФРГ и ГДР итд), и Германия всегда получала свои преференции от такой политики. А когда политика Германия вступала в диссонанс с политикой России, то Германия рано или поздно оказывалась в проигрышном положении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс.
2. Гёте И. В. Фауст. 2015. Пер. Н. А. Холодковского. СПб, Азбука.
3. Ламбрехт К. 1894. История германского народа. В 2-х Т. М, Издание Солдатенкова.
4. Патрушев А.И. 2003. Германская история. М, Издательство Весь мир.
5. Поршнев Б.Ф. 1976. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., Наука.
6. Фромм Э. 2004. Бегство от свободы. Минск, Харвест.
7. Энгельс Ф. 1952. Крестьянская война в Германии. М, Госполитиздат.
8. Plessner H. 1982. Verspätete Nation // Gesammelte Schriften. Bd. VI. Die Verführbarkeit des Bürgerliches Geistes. Politische Schriften.— Frankfurt am Main.

© Кутейников Алексей Николаевич (alex_kutejnikov@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ И СМЕРТИ У ПОДРОСТКОВ, ПЕРЕНЕСШИХ ОНКОГЕМАТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

ATTITUDE TO LIFE AND DEATH IN ADOLESCENTS WHO UNDERWENT ONCOHEMATOLOGICAL DISEASES

**V. Medvedeva
T. Kapustina
R. Kadyrov**

Summary. The article presents a study of the attitude towards life and death in adolescents who have undergone oncohematological diseases. In the course of the research, a theoretical analysis of the scientific literature was carried out and the definition of "attitude to life and death" was defined. During the study, a comparative analysis of two groups of adolescents who underwent oncohematological disease and healthy adolescents. And conclusions are drawn that teenagers who have had oncological diseases expressed fear of death, they perceive death as a way to avoid problems and life difficulties, feel detached from the family, assess their health status lower than those who healthy. In attitude to life, there were no significant differences.

Keywords: oncohematological diseases, oncology, attitude to life and death, attitude, self-esteem of health, fear of death.

Медведева Владислава Андреевна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
vlada_kyubi@mail.ru

Капустина Татьяна Викторовна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Владивосток)

12_archetypesplus@mail.ru

Кадыров Руслан Васитович

К.псх.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
rusl-kad@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено исследование отношения к жизни и смерти у подростков, перенесших онкогематологические заболевания. В ходе исследования был проведен теоретический анализ научной литературы и дано определение понятию «отношение к жизни и смерти». При проведении исследования был проведен сравнительный анализ двух групп подростков — перенесших онкогематологическое заболевание и не перенесших. И сделаны выводы о том, что у подростков, перенесших онкогематологические заболевания, выражен страх смерти, они воспринимают смерть как способ избежать проблем и жизненных затруднений, чувствуют себя оторванными от семьи, оценивают состояние своего здоровья ниже, чем те, кто не болел. В отношении к жизни значительных различий выявлено не было.

Ключевые слова: онкогематологические заболевания, онкология, отношение к жизни и смерти, отношение, самооценка здоровья, страх смерти.

По данным официальной статистики в 2013 году в Российской Федерации было впервые выявлено 1731 случай злокачественных новообразований лимфатической и кроветворной тканей у детей и подростков в возрасте до 19 лет [10]. При этом детские лейкозы более благоприятны для лечения и прогноза, чем взрослые: успешно лечатся примерно 70–75% острых лимфобластных и 30–50% острых нелимфобластных лейкозов [15]. В связи с высокой частотой выздоровления перед врачами и психологами встает вопрос реабилитации детей и подростков.

В практике лечения онкогематологии врачи постоянно сталкиваются с множеством проблем психологического характера, которые оказывают влияние на процессы выздоровления и реабилитации. А. М. Жирков [4] утверждает, что возросший интерес к различным пси-

хологическим аспектам онкологии имеет свои значимые результаты — клиническая полезность и терапевтическая эффективность психологической помощи уже не вызывают сомнений. В научной литературе можно найти данные о влиянии душевного и психологического состояния пациента на течение онкологических заболеваний, среди которых доказанными являются — взаимосвязь эмоций, центральной нервной и иммунной систем [8].

Постановка диагноза «онкология» служит источником психологического дистресса [9] и вызывает тяжелейший психоэмоциональный стресс, который нередко сопровождается целым рядом негативных психических состояний: тревогой, депрессией, ипохондрией, апатией, показатели, которых по исследованиям превышают показатели у здоровых людей, что в свою очередь нега-

тивно влияет на течение заболевания [1, 8, 9]. У пациентов возникают чувство безнадежности и неопределенности, одиночества, самообвинения, пессимистической оценкой будущего.

Онкологическое заболевание ставит личность в затруднительную жизненную ситуацию, предъявляющую новые условия существования и нарушающую привычные механизмы адаптации [14]. Баканова А.А. [2] указывает, что столкновение с болезнью ставит человека перед экзистенциальными вопросами смысла, одиночества, ответственности и страха смерти. Данные вопросы находят свое отражение в системе отношения человека к жизни и смерти.

А.А. Баканова [2] пишет, что отношение к жизни и смерти можно рассматривать как наиболее широкий контекст для понимания особенностей функционирования личности с тяжелым соматическим заболеванием, так как, согласно теории В.Н. Мясищева, отношение к болезни является отражением целостной системы отношений личности. Д.В. Желателев [3] говорит о том, что проблема адаптации личности к среде неразрывно связана с представлениями личности о жизни и смерти.

На современном этапе прослеживается тенденция к интегральному рассмотрению понятия «отношение», ввиду того, что отношение к жизни и смерти зависит от той жизнедеятельности, которую ведет человек, с его психическим, психологическим и соматическим здоровьем, а, значит, оно может меняться в течение жизни [7]. Такой же подход прослеживается в процессуально-динамическом подходе, который рассматривает психическую жизнь личности как процесс — непрерывный, изменчивый, порождённый постоянным взаимодействием человека с окружающей действительностью [6]. Разрешение человеком этих вопросов рассматривается как позитивный фактор, предпосылка и необходимое условие личностного роста. Корни этого подхода в психологической науке лежат в рамках экзистенциально-гуманистического направления [13].

Отношение к жизни и смерти — это сознательное, избирательное, основанное на прошлом опыте и возникшее при взаимодействии с окружающей действительностью выражение личностью своих чувств, позиций, мнения, намерения по отношению к категориям жизни и смерти, проявляющееся в его действиях, реакциях и переживаниях. Когнитивный компонент отношения к жизни и смерти будет определять систему взглядов личности, отражающих рациональное понимание, что есть жизни и смерть. Эмоциональный компонент — оценочный отклик на такое осмысление, чувства, возникающие у человека относительно жизни и смерти. А поведенческий, в свою очередь, наиболее вероятные

стратегии поведения личности по отношению к своей жизни и возможной смерти.

Таким образом, переживание человеком ситуации тяжелого заболевания оказывает влияние на его психологическое состояние, а оно в свою очередь оказывает влияние на течение заболевания. И это состояние продолжает оказывать влияние на жизнь человека и после выздоровления — в процессе реабилитации. Что особенно важно при реабилитации людей, находящихся на стадии ремиссии онкологического заболевания, так как над пациентом висит постоянный страх окончания ремиссии. Онкологическому больному никогда не смогут дать гарантии окончательного выздоровления, а значит, при отсутствии психологической реабилитации пациент будет всю жизнь испытывать душевные страдания из-за постоянного страха смерти и неопределённости в дальнейшей жизни [12]. Отношение к жизни и смерти как к базовым категориям, определяющим пространство всего многообразия отношений личности, можно рассматривать в качестве фактора, взаимосвязанного с адаптивными или дезадаптивными типами отношения к болезни и расценивать в качестве одного из основных факторов, влияющих как на течение заболевания, так и на процесс реабилитации. Следовательно, исследования в данной области позволят разработать более эффективные программы реабилитации и формировать адекватное отношение к болезни.

Цель работы заключается в описании компонентов отношения к жизни и смерти у подростков, перенесших онкогематологические заболевания.

Материалы и методы

В данной работе для реализации цели исследования были использованы: метод наблюдения, метод беседы, субъективно-оценочные методы, представленные опросником «Отношение к смерти» (Death Attitude Profile-Revised) [11], переведенный на русский язык и адаптированный К.А. Чистопольской и соавторами, Авторская анкета с элементами ассоциативного эксперимента и проективный метод — рисуночная проективная методика «Рисование жизни и смерти», адаптированная и расширенная Р.В. Кадыровым [5]. Для математико-статистической обработки полученных результатов был применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Для обработки ассоциативного эксперимента был применен частотный анализ.

В качестве основной группы исследования были выбраны подростки, проходящие курс поддерживающей терапии в реабилитационном отделении детского онкогематологического центра Краевой детской клинической

Таблица 1. Результаты статистической обработки опросника «Отношение к смерти»

Шкала	Сравниваемые выборки	Объемы сравниваемых выборок	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значения верхних критических точек, Z	Уровень достоверности
Страх смерти	Основная группа/ группа сравнения	48/47	94,0	1,74	0,04
Принятие приближение смерти	Основная группа/ группа сравнения	48/47	97,5	1,62	0,05
Принятие смерти как бегства	Основная группа/ группа сравнения	48/47	71,0	2,53	0,005

больницы № 1 города Владивостока. В исследовании приняли участие 48 пациентов в возрасте 13–16 лет. Группу сравнения представили 47 учащихся МБОУ СОШ № 7 г. Владивостока, в возрасте 14–17 лет. Выборка формировалась исходя из классификации Л. С. Выготского — пубертатный период 13–17 лет. Подростки, вошедшие в обе группы, проживают на территории Приморского края в полных семьях и обучаются в средних образовательных школах. В группе сравнения был дополнительный критерий — подростки не переносили тяжелых соматических заболеваний и не страдают хроническими заболеваниями.

Результаты и их обсуждение

На основании проведенного исследования и математико-статистической обработки были получены следующие результаты. По опроснику «Отношение к смерти» были выявлены статистически значимые различия — у подростков, перенесших онкогематологические заболевания, выше показатели по шкалам «Страх смерти», «Принятие-приближение смерти» и «Принятие смерти как бегства» (Таблица 1).

Показатели шкалы «Страх смерти» говорят о том, что подростки, перенесшие онкогематологические заболевания, боятся смерти, мысли о ней вызывают у них беспокойство. Шкала «Принятие-приближение смерти» характеризуется позитивным отношением к смерти, верой в загробную жизнь и, что она будет лучше земной. Шкала «Принятие смерти как бегства» также характеризуется положительным отношением, однако, она говорит скорее о стремлении к смерти, как к способу выйти из жизненных затруднений, решить свои проблемы.

Данные результаты говорят о том, что подростки представляют смерть как переход в другой мир, состо-

яние покоя, перерождение. Это можно объяснить тем, что в процессе лечения им пришлось пережить множество тяжелых и иногда болезненных процедур. Исходя из беседы, большинство подростков знают, что их заболевание может привести к смерти и, что стадия ремиссии, в которой они сейчас находятся, может закончиться в любой момент. И их представления о том, что смерть не конец, что после нее есть еще что-то, их успокаивают и дают надежду.

Самооценка состояния своего здоровья оценивалась при помощи шкалированного анкетного вопроса «Оцените, насколько здоровым вы себя чувствуете?». По данному вопросу были обнаружены статистически значимые различия — подростки, перенесшие онкогематологические заболевания, субъективно оценивают состояние своего здоровья ниже, чем группа сравнения ($U = 89,5$, $Z = -1,94$, $p\text{-level} = 0,03$). Вероятно, это связано с тем, что даже находясь в стадии ремиссии, они не чувствуют себя здоровыми, так как знают, что ремиссия может закончиться в любой момент. Также, они могут субъективно оценивать свое состояние здоровья как низкое, поскольку им приходится постоянно проходить курсы поддерживающей терапии и реабилитации.

Была выявлена умеренная корреляция между шкалой опросника «Нейтральное принятие» и самооценкой состояния своего здоровья ($R = 0,45$, $p\text{-level} = 0,04$), которая говорит о том, что чем более здоровыми подростки, перенесшие онкогематологические заболевания, себя чувствуют, тем более нейтральным и рациональным становится их отношение к смерти. То есть подростки, перенесшие онкогематологические заболевания, знают о том, что ремиссия может закончиться. И в связи с этим любые болезненные ощущения или ухудшения здоровья могут актуализировать страх смерти — «если я не здоров, то я могу умереть».

По результатам ассоциативного эксперимента в обеих группах подростков нет значимых различий в представлении образа смерти. Различны только эмоции, которые они к ней испытывают. У подростков, перенесших онкогематологические заболевания — это страх (31%), у группы не болевших подростков — грусть (42%).

Данные ассоциации могут говорить о депрессивных состояниях, которые вызывают у них размышления о смерти. Также, данные эмоции могут быть связаны со столкновением со смертью родственников или знакомых, так как по результатам анкетирования большинству из подростков, перенесших онкогематологические заболевания, пришлось с ней столкнуться в отличие от не болевших подростков.

По отношению к жизни также не выявлено значительных различий в представлении о жизни у обеих групп подростков. Различается только категория «время года» — у группы исследования — это «весна» (65%), у группы сравнения — «лето» (65%). Весна традиционно представляется как начало новой жизни — природа оживает после зимы, все вокруг обретает новые краски. Поскольку в рисунках образа жизни у подростков доминируют связанные с природой, то можно предположить, что на данный момент подростки после заболевания, которое можно ассоциировать с зимой и смертью, чувствуют, что заново родились и начинают новую жизнь, а не болевшие подростки живут уже сейчас. Вероятно, именно в связи с тем, что по их представлениям они только начинают новую жизнь у них отсутствуют пока представления о будущем и цели в жизни (согласно результатам анкетирования), которые были потеряны в связи с возможностью смерти.

Результаты проективной рисуночной методики свидетельствуют о том, что обе группы подростков относятся к смерти негативно. Однако, рисунки подростков, перенесших онкогематологические заболевания, говорят о более сформированном, чем в группе сравнения представлении о смерти и страхе. Данные результаты могут говорить о слабо развитой фантазии, актуальности данной темы для подростков, а результаты по рисуночному опросу свидетельствуют об отсутствии контакта со своим телом. Вероятно, это связано с тем, что для онкологических больных характерны трудности с выражением своих ощущений и представлением своего тела, и они могут не осознавать ту часть тела, где развивается опухоль [12]. В ситуации же онкогематологического заболевания неосознаваемым может становиться все тело. Это неосознавание своего тела могло возникнуть у подростков в связи с тем, что для них оно становится источником неудобств, ограничений и страданий.

По отношению к жизни результаты говорят о позитивном отношении в обеих группах. Однако в группе

исследования отсутствует семейная символика, которая есть в группе сравнения. Вероятно, это связано с тем, что они часто долгое время проводят в отрыве от семьи, проходя курсы лечения и реабилитации. Также, вероятно отсутствие символики семьи связано с тем, что подростки, как и многие онкологические больные, считают, что приносят своей семье проблемы и переживания и поэтому дистанцируются от нее. Возможно, они не задумываются о создании своей семьи в будущем (согласно анкетированию), так как боятся смерти.

Заключение

Когнитивный компонент отношения к жизни и смерти характеризуется представлениями о том, что есть «жизнь после смерти», отсутствием представлений о смысле жизни и отсутствием постановки целей в жизни, однако жизнь является для них ценностью в связи со столкновением с возможностью собственной смерти и смертью родственников и знакомых. Подростки воспринимают смерть как переход в новый мир, который, по их мнению, лучше земного. Данный переход воспринимается ими как избавление от жизненных проблем и трудностей, избавление от душевных и физических страданий. Также, смерть воспринимается ими как явление реальное, и, возможно, близкое.

Эмоциональный компонент отношения к жизни и смерти характеризуется позитивным отношением к жизни и неосознаваемым страхом смерти. Подростки боятся не самой смерти, а того, что ждет их после нее. Они после перенесенного заболевания ощущают себя в начале новой жизни, которая после долгого курса лечения приносит им радость, счастье и удовольствие. Подростки не стремятся избегать темы смерти, однако она вызывает у них негативные эмоции — грусть, тоску, печаль. Содержание данного компонента отношения к смерти находится во взаимосвязи с субъективным ощущением состояния своего здоровья. Когда подростки чувствуют себя более здоровыми — ощущение близости смерти становится ниже, и отношение к смерти становится более нейтральным.

Поведенческий компонент отношения к жизни и смерти характеризуется отсутствием ответственности за свою жизнь и поступки, стремлением говорить о смерти и высмеять ее. Вероятно, это можно объяснить тем, что подростки знают о своей болезни и о том, что они могут привести к смерти. Но данная тема в разговорах с ними является табуированной. Им не с кем обсудить возможность того, что они умрут и того, что их ждет после. Вследствие чего возникает внутреннее напряжение, которое находит выход в стремлении поднять эту тему, посмеяться над смертью. Они не придерживаются курса реабилитации, не всегда выполняют назначенные лечащим врачом процедуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев В. Г. Психическое состояние и отношение к болезни у онкобольных разного пола // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 161–168
2. Баканова А. А. Отношение к жизни, смерти и болезни ВИЧ-инфицированных 20–30 лет // Медицинская психология в России. Научный сетевой журнал. 2015. № 2 (31). С. 1–36.
3. Желателев Д. В. Представления о жизни и смерти, и социально-психологическая адаптация личности // Царскосельские чтения. Т. 3. № 20. 2016. С. 214–220.
4. Жирков А. М., Яковлева А. С., Степанчук Е. В., Зарицкий А. Ю. Особенности психологической адаптации к болезни лиц, страдающих различными формами онкогематологических заболеваний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2012. № 2. С. 104–112.
5. Кадыров Р. В. Рисуночная методика отношения к жизни и смерти в работе с личностью в кризисном состоянии // Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной) под ред. Е. В. Харитоновой. Краснодар: ИЭиУ МиСС, Парабеллум, 2013. С. 70–85.
6. Коваленко С. В. Психологические особенности системы базовых ценностей отношения к жизни в подростковом возрасте // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2015. № 2. С. 89–93.
7. Кочерова А. Н. Отношение к жизни и смерти у больных туберкулезом // Актуальные проблемы права, экономики и управления. Психология в сфере образования, здравоохранения, производства, бизнеса и управления. 2015. № 11. С. 244–245.
8. Кукшина А. А., Верещагина Д. А. Особенности психоэмоционального состояния и психотерапевтические подходы в реабилитации онкологических больных // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2013. № 5. С. 28–34.
9. Лаптева Е. В., Жирков А. М. Когнитивные компоненты эмоциональных нарушений у онкогематологических больных // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Т. 8, № 4. С. 52–60.
10. Петрова Г. В., Каприн А. Д., Грецова О. П., Старинский В. В. Злокачественные новообразования в России. Обзор статистической информации за 1993–2013 гг. Под общей редакцией чл.- корр. РАН, проф. А. Д. Каприна, проф. В. В. Старинского. Москва, 2015. 511 с.
11. Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Храмельшвили В. В., Казанцева В. Н., Журавлева Т. В. Адаптация опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» на русскоязычной выборке // Суицидология. 2014. Т. 5. № 2 (15). С. 60–69.
12. Чулкова В. А., Пестерева Е. В. Клинико-психологические аспекты в онкологии // Вестник СПбГУ. 2010. Сер.12. Вып. 1. С. 91–100.
13. Шураатов В. А., Михайлова О. Ю., Котова Т. А. Проблемы изучения отношения к жизни и смерти в юридической психологии // Российский психологический журнал. 2012. Т. 9. № 2. С. 16–22.
14. Эвнина К. Ю. Психологическая регуляция онкологических больных: взгляд позитивной психологии // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 15–27.
15. euromedicine.ru URL: <http://www.euromedicine.ru/oncohaematology/Child-leucosis/> (дата обращения: 11.10.2018)

© Медведева Владислава Андреевна (vlada_kyubi@mail.ru),

Капустина Татьяна Викторовна (12_archetypesplus@mail.ru), Кадыров Руслан Васитович (rusl-kad@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный медицинский университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ ВЕРУЮЩИХ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРИЕНТАЦИИ В СВЕТЕ АССОЦИАТИВНО-ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ Б. ГАВРОНСКИ И Г.В. БОДЕНХАУЗЕНА

THE WORLDVIEW OF PERSONS WITH VARIOUS RELIGIOUS ORIENTATION TYPES IN APE-MODEL`S CONTEXT

E. Khaibulina

Summary. The article`s authors has been analyzed the study results about worldview of Orthodox, Catholics, Buddhists, ISKCON`s members with external and internal religious orientation types. The associative-propositional model of B. Gavronsky and G. V. Bodenhausen is a basis of this research. The study shows that the proposition content have a links with the personal meanings of the worldview amodal layer. At the same time, incongruent with amodal layer elements are being supplanted by more significant elements. The associative component is influenced by the religious environment only in two cases: if there is a long-term interaction of culture and religion in the context of history or in case of the intense influence by religious group.

Keywords: representations, APE-model, worldview, G. Allport, religious orientation types, methods of limiting meanings.

Хайбулина Эльвира Ильясовна

*Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
msgosh12@yandex.ru*

Аннотация. С опорой на ассоциативно-пропозиционную модель Б. Гавронски и Г.В. Боденхаузена в статье проанализированы результаты исследования представлений о мире православных, католиков, буддистов, членов ISKCON с внешним и внутренним типами религиозной ориентации. На основе полученных данных показано, что содержание пропозиций согласуется с отражающими тип религиозной ориентации личностными смыслами амодального слоя образа мира таким образом, что неконгруэнтные элементы представлений о мире вытесняются более значимыми элементами. В то же время ассоциативный компонент подвержен влиянию со стороны религиозной среды при соблюдении минимум одного из условий: при наличии длительного взаимодействия культуры и религии в контексте истории или при интенсивном влиянии религиозной группы на субъекта.

Ключевые слова: представления, APE-модель, образ мира, Г. Олпорт, типы религиозной ориентации, методика предельных смыслов.

Как показывают результаты современных исследований, религия не только не теряет позиций под натиском научного прогресса, но укрепляет их [1]. Не оставаясь статичной, она приобретает новые формы, а ее институты используют современные информационные средства в целях популяризации своей деятельности и привлечения новых людей [8]. На этом фоне на изломе эпохи в условиях существенных социальных изменений число людей в России, причисляющих себя к той или иной конфессии или имеющих религиозно-мистические убеждения, за последние 28 лет существенно возросло [6]. При этом психологические особенности религиозной конверсии и вопросы религиозного мировоззрения остаются мало изученными, несмотря на их актуальность.

Очевидно, что существует разница в мировоззрении и поведении верующих, в разной степени включенных в религиозную деятельность. Для описания их различий Г. Олпорт предложил концепцию двух типов религиозной ориентации: внешнего и внутреннего. Для людей с внешним типом религиозной ориентации религия выступает в качестве привычки, родового изобретения,

используемого для церемоний, удобства в семье, личного комфорта, поддержания статуса, самооценки, порой бегства от реальности и способа решения проблем, однако она никогда не выступает в качестве самостоятельного смысла жизни. Людями с этим типом религиозности не учитывается полнота религиозных истин, а отбирается только то, что отвечает собственным интересам. Человек с этим типом религиозности хорошо понимает общественные функции религии, но свои религиозные обязанности исполняет плохо, поверхностно, часто под воздействием второстепенных мотивов [13].

Люди с внутренним типом религиозной ориентации демонстрируют радикально иную картину. Для них все личные мотивы связаны с религией, получением опыта, а жизнь проходит под эгидой религиозной веры ради нее самой [15], тогда как другие потребности, какими бы сильными они ни были, имеют меньшую значимость. Г. Олпорт был уверен, что именно этот тип ориентации соответствует меньшей конформности и способствует сохранению психического здоровья. Внутренняя религиозность пронизывает всю жизнь такого человека, объединяет потребности и ценности с общественными

нормами. Она более осмысленна и дифференцирована, личностна и универсальна, настроена на тесные братские отношения, на любовь к ближнему. Когда человек живет такой религиозностью, он постоянно ищет более глубоких ценностей и всегда принимает активное участие в жизни религиозной группы [4].

Отличия в поведении людей этих двух типов показывает разницу в их представлениях о мире и образе мира. В психологии последний понимается как «система ожиданий (ожиданий), подтверждающая объект — гипотезы, на основе которых идут структурирование и предметная идентификация отдельных чувственных впечатлений» [7, с. 45]. Образ мира при этом имеет поверхностные структуры — представления, связанные с языком и культурным опытом, и ядерные — личностные смыслы образа мира, выступающие в качестве семантического инварианта, содержащего «спрессованный» жизненный опыт субъекта и отражающий его экзистенциальную действительность [2,3]. Выступая на уровне целостного переживания, личностные смыслы образа мира находятся на до вербальном уровне, тогда как представления тесно связаны с полученными знаниями и языковой структурой и могут быть артикулированы. Это обуславливает целесообразность их изучения в рамках парадигмы конструктивизма через выявление структур и их компонентов, тогда как анализ смыслового слоя требует обращения к методам феноменологии.

Объединить эти два подхода удалось Б. Гавронски и Г.В. Боденхаузену в ассоциативно-пропозициональной модели представлений (APE-model). Согласно ее основным положениям представления имеют два аспекта — пропозициональный и ассоциативный. Пропозиции — это универсальные единицы значения, которые отражают знания и установки в отношении предмета рассмотрения. Пропозиции формируются под воздействием культуры, социального окружения, содержания образования, значимых социальных контактов [11]. Эти концепты выступают в качестве ведущих гипотез относительно устройства мира, к которым прибегает субъект в интерпретации происходящего с ним. Они имеют абстрактный характер, носят ценность правды [12]. В то же время ассоциативная часть представления базируется на условном рефлексе, обеспечивая спонтанную эмоциональную реакцию на воспринимаемые явления [14]. Ассоциации сами по себе не несут информации, но показывают, как пропозиции связаны между собой. При этом они основываются на спонтанных процессах, формируются мгновенно во время повседневного опыта взаимодействия с объектами мира [11]. Несмотря на принципиальную разницу, оба этих механизма работают в паре. В то время как ассоциативный механизм обеспечивает спонтанную автоматическую эмоциональную реакцию за счет мгновенной активации соответствующего пат-

терна связей, пропозициональный механизм занят проверкой уместности этой реакции и блокирует ее в случае необходимости [10].

В силу того, что поведение людей с разными типами религиозной ориентации отличается, следовательно должна существовать разница в их ассоциативном и пропозициональном аспектах представлений о мире, что требует эмпирической проверки.

Процедура исследования

Описание выборки респондентов. Всего в исследовании принял участие 271 человек, среди которых число нерелигиозных составляет 62, православных — 68, испаноязычных католиков — 47, буддистов — 65 человек, кришнаитов — 29. В целях различения конфессиональных особенностей выборки в дальнейшем были разделены по типу религиозной ориентации и конфессиональной принадлежности. Возраст всех респондентов, участвовавших в исследовании — от 30 до 50 лет. Период включения в религиозную жизнь и практику респондентов варьировался от 1 года до 30 лет.

Используемые методы и методики. Для изучения особенностей представлений были использованы такие методики как шкала базовых убеждений Р. Янов-Бульман, методика «Семантический дифференциал» Ч. Огуда в модификации М. А. Холодной, методика предельных смыслов (МПС) Д. А. Леонтьева. Последняя методика была использована при определении типа религиозной ориентации и при анализе пропозиционального аспекта представлений о мире [5,9]. В качестве дополнительной процедуры к этой методике был предложен модифицированный ассоциативный эксперимент. Испытуемому предъявлялось по 4 карты из специально составленной последовательности из 43 карт в определенной последовательности, предлагалось выбрать одну, которая в большей мере, по его мнению, соответствует его предельному смыслу, выявленному на этапе проведения МПС. Процедура повторялась трижды: сначала выбор делался из всех 43 карт, затем повторно из уже выбранных повторно. Испытуемого просили ответить, с чем ассоциируются эти 4 оставшиеся карты. Все ответы записывались.

Краткое описание полученных результатов

Личностные смыслы образа мира верующих. Анализ содержания предельных категорий, полученных в ходе проведения МПС показал, что у нерелигиозных людей и православных с внешним типом религиозной ориентации вариативность предельных ответов высока. У представителей одной конфессии с внутренним типом

Таблица 1. Варианты предельных ответов МПС

	Н	Вне П	Вне К	Вну П	Вну К	Б	К
Счастье	14	2	13	3	0	38	14
Жизнь	21	6	2	0	0	2	0
Развитие	9	4	0	1	0	2	0
Комфорт	4	2	0	1	0	1	0
Удовольствие	6	7	0	1	0	0	0
Спокойствие	6	1	1	1	0	0	0
Близкие	2	7	0	2	0	0	0
Отношения с Богом	0	0	0	34	10	0	12
Помощь и польза	0	1	1	0	0	1	0
Не страдать	0	4	0	2	0	9	1
Статус	1	8	0	0	0	0	0
Просветление	0	0	0	0	0	5	0
Свобода	1	0	0	0	0	2	0
Опыт	0	0	0	0	0	3	0
Познание	2	1	1	0	0	2	0
Деятельность	2	2	0	1	0	3	0
Природа	0	1	0	1	0	0	4
Целостность	0	0	0	0	0	3	0
Самоидентичность	1	3	0	0	0	5	1

Н — нерелигиозные,
Вне П — православные с внешним типом религиозной ориентации,
Вне К — католики с внешним типом религиозной ориентации,
Вну П — православные с внутренним типом религиозной ориентации, **Вну К** — католики с внутренним типом религиозной ориентации,
Б — буддисты с внутренним типом религиозной ориентации,
К — кришнаиты с внутренним типом религиозной ориентации

религиозной ориентации предельные ответы схожи между собой. Варианты предельных ответов приведены в таблице 1.

Ассоциативный аспект представлений о мире. Спонтанное эмоциональное содержание представлений было проверено через анализ ассоциаций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента. Здесь было обнаружено, что объединенные в общую группу «отношения с Богом» предельные ответы православных христиан ассоциируются прежде всего с категориями догматического толка — представлениями о Боге и о взаимодействии с ним, что подчеркивает роль не только опыта и чувств, но и концептуальных религиозных знаний. Наряду с этими встречаются ассоциации, связанные с религиозной практикой, ощущениями от органов чувств, возникают эмоции, чувства свободы, спокойствия, красоты, человек вспоминает о жизни и том, что происходит в его внутреннем мире. Это показывает, что предельные категории внутренне религиозных христиан связаны для них не только со специфическим религиозным осмыслением мира, но и с соответствующими индивидуальными переживаниями. Несмотря на сходство в предельных категориях

православных и католиков с внутренним типом религиозной ориентации, у последних они связаны со светом, общением и вселенной, что показывает более свободную трактовку переживаний и меньшую привязку к догме. Все предельные смыслы, отражающие важнейшие элементы религиозной практики, у буддистов тесно связаны с опытом и переживаниями — ощущениями сенсорного толка, светом, эмоциями, чувством пространства и полета. На втором плане выступают категории, связанные с видением порядка, познавательной деятельностью и внутренним миром.

Ассоциации православных с внешним типом религиозной ориентации и нерелигиозных отражают акцент на внешне организованный мир, упорядоченный, развивающийся, что указывает на стремление к порядку и стабильности. Католики с внешним типом религиозной ориентации связывают свои предельные категории с чувством счастья, спокойствием, принесением пользы и оказанием помощи, общением, природой, пространством, красотой, познанием. Очевидная разница между содержанием предельных категорий представителей разных культур — российской и испанской — показывает, что предельный смысл образа мира в своем содер-

жании отражает наиболее значимые ценности, избираемые согласно привычной культуре.

Анализ методики «Базовые убеждения» и «Семантический дифференциал» показал существенные различия в отношении к миру. Особенно очевидна разница в отношении к миру между группами нерелигиозных, православных обоих типов религиозной ориентации и верующих восточных культов — буддистов и кришнаитов. Для последних мир представляется позитивным как в эмоциональном плане, так и в плане убеждения в его познаваемости. При этом разница в отношении к миру в группах нерелигиозных, православных с внешним и внутренним типами религиозной ориентации хотя и обнаружена, она не столь очевидна, что может объясняться либо несущественным влиянием православной религии на характер отношения к миру, которым можно пренебречь, либо влиянием настолько сильным, что затрагивает даже представления людей нерелигиозных, не причисляющих себя ни к одной конфессии.

Объяснить этот эффект можно самой спецификой работы системы представлений. Поскольку, как обсуждалось в теоретическом введении, ассоциативная часть представлений действует спонтанно, автоматически отражая происходящее вокруг и привычным же образом генерируя реакцию, включение в религиозный контекст приводит к изменению отношения к миру под его воздействием. Попадая в религиозную общину, ассоциативно и рефлекторно неофит осваивает традиционные для группы отношения к миру и приобретает или актуализирует собственные схожие реакции, тем самым включаясь в группу. И если в малых группах, где происходит приобщение к экзотическим восточным учениям этот процесс протекает интенсивно, то, по всей видимости, в православном сообществе грань между культивируемым в религиозной среде отношением к миру и отношением, обусловленным культурой, ощущается остро только на стыке отдельных краеугольных убеждений: о греховности человека и мира, о чувстве порядка в мире, о любви к ближнему. В этом случае перестройка представлений о мире у представителей нетрадиционных для той или иной территории учений будет носить более глубокий и радикальный характер.

Изложенное выше показывает, что для человека предельный смысл является не просто когнитивным образованием, но несет в себе отображение предыдущего жизненного опыта и знаний. При этом пропозиции не тормозят аффекты, но направляют их в определенное русло, поддерживая опыт, получаемый религиозным человеком в ходе практики.

Пропозициональный аспект представлений о мире. Как показывают результаты, содержание про-

позиций связано со смыслами образа мира, образуя иерархию представлений. У православных с внешним типом религиозной ориентации и людей нерелигиозных на фоне большего, чем у людей с внутренним типом религиозной ориентации, числа ответов превалируют категории, связанные с внешними аспектами жизни: с достижением собственного статуса и заботой о близких, стремлением избежать жизненных невзгод и неприятностей, жизнью, развитием, удовольствием, общением, образованием, деятельностью, комфортом. Католики с внешним типом религиозной ориентации также демонстрируют более высокую долю интереса к аспектам внешнего мира — социальному статусу, счастью, заработку, решению проблем.

У людей с внутренним типом религиозной ориентации, в свою очередь, реже, чем у нерелигиозных и людей с внешним типом религиозной ориентации встречается категории такого толка: самоидентичность, отсутствие страданий и войн, дети, самореализация, эмоции, близкие, здоровье, жизнь, статус, деньги, комфорт, движение, любовь к себе, деятельность, цель, власть, развитие, образование, борьба со смертью и др. Безусловно, это не означает, что знания об этих аспектах мира отсутствуют, но этот результат показывает малую их актуальность для человека. На их месте появляются представления о религиозной деятельности и восстановлении отношений с Богом.

Обсуждение полученных результатов

На основе полученных и описанных выше данных можно сделать вывод, что предполагаемая связь между типом религиозной ориентации и аффективным аспектом представлений о мире опосредована культурной и жизненным контекстом. Религиозная система оказывает влияние на ассоциативный компонент представлений в двух случаях:

- ◆ религия стала частью культуры и истории, а влияние ее опосредовано и длительно. В этом случае людям, находящимся в рамках одной культуры и одной конфессии, на эмоциональном уровне проще устанавливать друг с другом контакт вне зависимости от типа религиозной ориентации;
- ◆ включение в религиозную среду интенсивно, целенаправленно, а численность религиозной группы относительно невелика, и ее социальные связи развиты.

Пропозициональный аспект представлений, в свою очередь, регулирует ассоциативный аспект, и чем значительнее влияние догматического компонента веры, тем менее свободно выражен ассоциативный аспект представлений, что видно из примера восточных уче-

ний, где пропозиции направляют ассоциации, число которых высоко.

Предельный смысл отображает жизненный контекст личности, и частные представления актуализируются согласно этому смыслу, отражая те потребности и актуальные вопросы, которые встают перед человеком на первом плане. В картине мира религиозных свнутренним типом религиозной ориентации центральную роль играют категории, связанные с их религиозными представлениями. В связи с этим у них наблюдается сокращение числа категорий, касающихся внешних аспектов материального и социального бытия, ориентируя их на те ценности, которые транслирует религиозная среда. И чем более закрыта по отношению к информационным воздействиям религиозная среда (на примере ICSKON), тем меньше в пропозициональной структуре остается элементов, ориентированных на повседневность, в результате чего происходит общая редукция представлений о мире. Это отражает подвижность системы представлений и ее тесную связь с происходящим.

Выводы

Образ мира опосредует взаимодействие человека с миром, выражаясь через представления, обладающие пропозициональным и ассоциативным компонентами, определяя то, как человек будет воспринимать мир и выстраивать с ним отношения. Охватывая весь предшествующий опыт, представления образуют систему, регулирующую личностными смыслами образа мира. В том случае, если человек погружается в религиозную среду, принимая и применяя ее правила, проживая религиозные идеи и смыслы, это неизбежно ведет к изменению мироощущения и смене смыслов образа мира на религиозные. Этот феномен соответствует формированию внутреннего типа религиозной ориентации по Г. Олпорту, когда религия выступает не средством решения собственных задач, но самостоятельной целью. Будучи элементом иерархии, регулирующим работу системы представлений, личностные смыслы образа мира через свое содержание определяют эмоциональное отношение к происходящему и те концептуальные основы, которые будут проявляться в качестве наиболее значимых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма // Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 502 с.
2. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа // Вопросы психологии. — № 2. 2008. С. 3–16.
3. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей. 1989. 288 с.
4. Олпорт, Г. В., Личность в психологии. М.: Ювента. 1998. 345 с.
5. Познина Н. А., Хайбулина Э. И. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып.2. С. 216–224.
6. Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. — М.: Смысл. 2006. — 328 с.
7. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира как парадигмы психологии мышления // Мир психологии. 2003. № 4. С. 18–31.
8. Фурсов А. И. Водораздел. Будущее, которое уже наступило. — М.: Книжный мир, 2018. — 352 с.
9. Хайбулина Э. И. К вопросу о поиске психологического определения религиозности // Свеча –2013: религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении. Владимир. 2013. С. 247–253.
10. Bodenhausen G. V., Gawronski B. Associative and propositional process in evaluation: an integrative. Review of Implicit and Explicit attitude // Change Psychological Bulletin. 2006. № 5. С. 692–731.
11. Bulle N. Slow and fast thinking, historical-cultural psychology and major trends of modern epistemology: unveiling a fundamental convergence // Mind and Society. 2014. № 13. С. 149–166.
12. Dechesne M., Kruglanski A. W. Are Associative and Propositional Process Qualitatively Distinct? Comment on Gawronski and Bodenhausen // Psychological Bulletin. 2006. № 5. С. 736–739.
13. Donahue, M. J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. № 48. С. 400–419.
14. Houwer J., Lovibond P. F., Mitchel C. J. The propositional nature of human associative learning // Behavioral and brain sciences. 2009. № 32. С. 183–246.
15. Wenger, J. L. The automatic activation of religious concepts: Implications for religious orientations // The International Journal for the Psychology of Religion. 2004. № 14. С. 109–123.

© Хайбулина Эльвира Ильясовна (msgosh12@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА РОЖДЕНИЯ

THE DEVELOPMENT OF THE MOTOR ACTIVITY OF PRESCHOOL CHILDREN DEPENDING ON THE TYPE OF BIRTH

**I. Shemet
S. Shemet
V. Parfentyev
A. Morozova**

Summary. The article presents an empirical study of the dependence of the motor activity of preschool children on the type of their birth (natal type). In the investigation, evidence is provided that in children born in the process of normal natural births, motor activity is qualitatively higher than in children born with the help of emergency cesarean section, premature babies, children with protracted birth and complications. The most severe negative psychological effect on the motor activity of preschool children is such complications in childbirth, as — entwining the umbilical cord and squeezing the child by the doctor in the process of childbirth. A general conclusion was made that normal labor is a prerequisite for the successful development of the motor activity of children.

Keywords: natal type, motor activity.

Проблема развития двигательной активности детей дошкольного возраста в настоящее время имеет особую актуальность. Движение — это врожденная, жизненно необходимая потребность человека, её полное удовлетворение особенно важно в раннем и дошкольном возрасте, когда формируются все основные системы и функции организма.

Как показал анализ специальной литературы, изучением проблем двигательной активности занимались многие исследователи: Е. А. Аркин [2], В. К. Бальсевич [3], Г. Н. Голубева [5], М. Н. Дедулевич [7] и другие. По мнению Е. А. Аркина, интеллект, чувства, эмоции возбуждаются в жизни движениями. Он рекомендовал предоставить возможность детям двигаться как в повседневной жизни, так и на занятиях [2]. Академик Н. Н. Амосов назвал движения «первичным стимулом» для ума ребёнка. Двигаясь, ребенок познает окружающий мир, учится любить его и целенаправленно действовать в нем. Движение — первые истоки смелости, выносливости, решительности маленького ребенка, а у старших детей — форма проявления этих важных человеческих качеств [9, с.15]. Уровень развития двигательной активности влияет на будущее здоровье ребенка, его успехи или неудачи в школе,

Шемет Ирина Сергеевна
Д.псих.н., профессор, АНОВО «Национальный Институт
имени Екатерины Великой»
irashemet@yandex.ru

Шемет Софья Сергеевна
Спортивный психолог, соискатель, Московский
педагогический государственный университет
Парфентьев Владимир Иванович
Спортивный психолог, независимый исследователь
Морозова Александра Александровна
Спортивный психолог, независимый исследователь

Аннотация. В статье представлено эмпирическое исследование зависимости двигательной активности детей дошкольного возраста от типа их рождения (натального типа). Доказано, что у детей, рожденных в процессе нормальных естественных родов, показатели двигательной активности качественно выше, чем у недоношенных детей, а также детей, перенесших оперативные роды, затяжные роды и другие осложнения. Самое сильное негативное психологическое влияние на развитие двигательной активности дошкольников оказывают такие осложнения в родах, как: обвитие пуповиной и выдавливание ребенка врачом в процессе родов. Сделан общий вывод о том, что нормальные роды являются предпосылкой для успешного развития двигательной активности детей.

Ключевые слова: тип рождения, двигательная активность.

отбор в спортивные секции и успех или неудачи в спорте. Двигательная активность оказывает влияние на формирование психофизиологического статуса ребенка — стимулирует восприятие, память и интеллект в раннем возрасте.

Учеными в области физиологии, педагогики, психологии проведена огромная работа по накоплению знаний о проявлении, механизмах формирования двигательной активности у детей дошкольного возраста, собран комплекс профилактических и коррекционных методик, но факторы, влияющие на двигательную активность в этом возрасте, пока мало изучены. Безусловно, к таким факторам относятся: комфортные условия цивилизации, сложившийся образ жизни в семье, интенсификация учебного процесса в детском саду. Однако до сих пор мало изучен утробный период и особенности процесса рождения как психологический фактор, детерминирующий двигательную активность в дошкольном возрасте.

Особый интерес представляет изучение особенностей перинатального периода развития ребёнка во взаимосвязи с остальными сферами его развития. Стресс, пережитый ребенком в момент биологического рожде-

ния, влечет за собой формирование у него тревожности, агрессивности, недоверия к окружающему миру, неконтактности, нарушений внутрисемейных отношений и социальной адаптации, что находит свои проявления в дошкольном возрасте в нарушении развитии двигательной активности.

В работах Г.Н. Голубевой [5] представлены доказательства того, что рождению физиологически зрелых детей, активному становлению статических и динамических функций детей первого года жизни, успешной адаптации к условиям дошкольного образовательного учреждения и к процессу обучения, способствует формирование потребности в движении в антенатальный (утробный) период и период новорожденности. Это делает актуальным исследование влияния перинатального опыта на характер двигательной активности, физическое и психическое здоровье, стиль поведения, характер психоэмоциональных реакций и отношение к окружающему миру дошкольника.

Мы выдвинули гипотезу о том, что существует психологическая связь между перинатальным опытом и характером двигательной активности детей в дошкольном возрасте, что нормальные роды являются предпосылкой для успешного развития двигательной активности детей.

Целью нашего эмпирического исследования является определение того, как разные натальные типы (типы рождения) и отдельные осложнения в родах влияют на характер двигательной активности дошкольников.

В данном исследовании использовались разработанные нами методики: стандартизованное интервью для определения натального типа (типа рождения) Шемет И.С., Парфентьева В.И. [9], и наблюдение за двигательной активностью детей с помощью методики интегративной оценки двигательной активности дошкольников Шемет И.С., Морозова А.А. [12, 13]. По итогам исследования был произведен анализ полученных данных и сопоставление результатов исследований.

Исследовательская работа была проведена Морозовой А.А. в 2014 году на базе 3-х дошкольных учреждений: МБДОУ Детский сад № 8, № 24, № 17 города Ногинска Московской области, в течение трех месяцев. В исследовании приняли участие 224 ребенка, в возрасте от 3 до 7 лет, и их родители [12].

С учётом сложности протекания процесса рождения, физического и психического опыта, который ребенок получает в момент рождения, а именно: срока, самопроизвольности рождения, наличия осложнений и медицинского вмешательства в процесс родов, мы выделяем

восемь основных типов рождения — натальных типов (от лат. «natos» — рождение) [13].

Определение натального типа осуществлялось в ходе стандартизованного интервью с матерью ребенка. Исследование натального типа (типа рождения) в группе из 224 детей-дошкольников показало следующие результаты:

1-й натальный тип: кесарево сечение (операция проводится по медицинским показаниям до начала родовой деятельности) — 16 детей (7,5%);

2-й натальный тип: кесарево сечение (операция после начала родовой деятельности, экстренно) — 20 детей (9,5%);

3-й натальный тип: преждевременные роды: ребенок появляется на свет раньше срока на 27–36 неделе — 19 детей (9,5%);

4-й натальный тип: естественные нормальные роды (без осложнений, продолжительность 4–14 часов) — 84 детей (37%);

5-й натальный тип: сложные роды (роды с выдавливанием, обвитием пуповиной, ягодичным предлежанием, наложением щипцов, вакуум-экстрактора) — 42 детей (19%);

6-й натальный тип: переносимая беременность (срок затягивается на 2 и более недели) — 12 детей (5,5%);

7-й натальный тип: затяжные роды, которые длятся более 14 часов — 15 детей (7,5%);

8-й натальный тип: стремительные роды, протекающие от 0 до 3 часов — 16 детей (4,5%).

Больше всего в нашей выборке оказалось детей, имеющих 4-й натальный тип (нормальные естественные роды) и 5-й натальный тип (роды с осложнениями).

Далее мы сделали интегративную оценку двигательной активности детей-дошкольников. Она осуществлялась путем получения экспертных оценок педагогов по физическому воспитанию, а также в ходе целенаправленного наблюдения за детьми в процессе физических занятий и подвижных игр. Согласно концепции интеграции психики И.С. Шемет, телесная стадия интеграции психики выступает первой, что представлено в таблицах феноменологии стадий и уровней интеграции психики для детей и взрослых [10]. На телесной стадии оценивается уровень интеграции психики по следующим направлениям: физическое здоровье, самочувствие, особенности двигательного опыта. В таблице феноменологии представлен протокол методики интегративной оценки двигательной активности ребенка-дошкольника (Таблица 1). Согласно этой таблице, каждому ребенку присвоена интегративная оценка, количественно отражающая качественный уровень развития его двигательной активности от –2 до +2.

Таблица 1. Интегративная оценка двигательной активности ребёнка-дошкольника

Уровень развития	-2	-1	0	+1	+2
Характер вигательной активности	Малое количество движений с предметом; Использование только одного пособия; Действия однообразны, неуверены; имеется попытка подражать действиям сверстников; Отсутствие сосредоточенности, интереса; Негативные эмоции; Не проявляет интереса к действиям сверстников	Использование более одного пособия, но движения вялые; Быстро проходящий интерес; Отсутствие настойчивости; Не проявляет попытки контакта с другими детьми	Движения разнообразны; Использование нескольких пособий; Хорошее настроение; Но общение со сверстниками носит спонтанный характер.	Играет со всеми пособиями; движения разнообразны и достаточно уверенные; Наблюдает за сверстниками и довольно точно воспроизводит движения; Проявляет активность, интерес; Пытается обратить на себя внимание	Свободно использует все пособия; Движения разнообразны Игры изобретательны; Привлекают внимание остальных; Игра в паре; Интерес, настойчивость в своих намерениях; Сосредоточенность, Улыбка, радость; Демонстрирует достижения; Пытается учить других

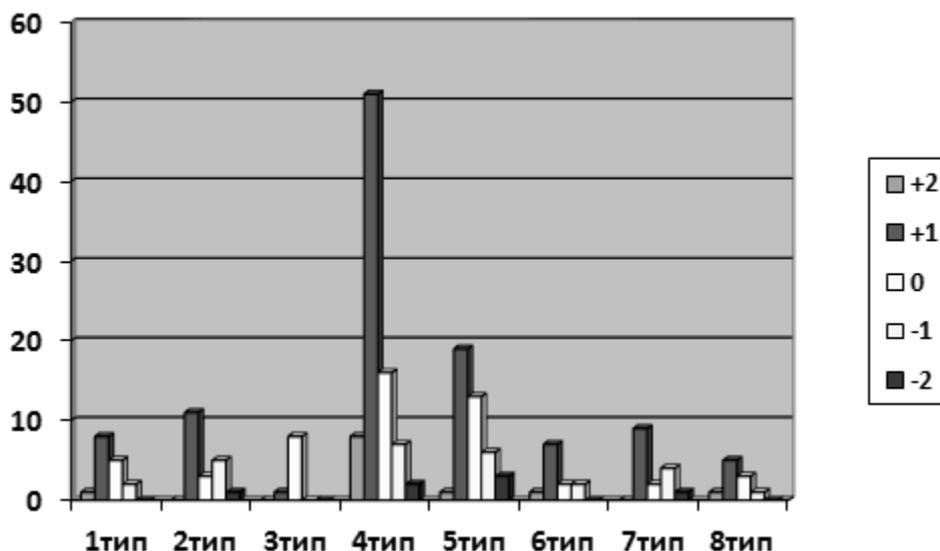

Рис. 1. Распределение оценок уровня двигательной активности по всем натальным типам у детей-дошкольников

Далее мы распределили детей в группы по типам рождения и уровню развития двигательной активности. Это отражено на рисунке 1.

Достоверность распределения оценок двигательной активности по таблице феноменологии в каждой группе подтверждена путём применения статистического критерия Колмогорова — Смирнова.

Среди 224 дошкольников преобладают два натальных типа: 4-й натальный тип (нормальные естественные

роды) — 74 ребёнка, и 5-й натальный тип (сложные роды: обвитие пуповиной, выдавливание, наложение щипцов, шёл с ручкой, ягодичное предлежание) — 38 детей.

Затем, мы предположили, что при одном натальном типе (типе рождения) определенных оценок больше, чем при другом, и сопоставили наши группы по частоте встречаемости определенных оценок двигательной активности по таблице феноменологии с применением критерия Углового преобразования Фишера. В результате сопоставления групп по процентным долям опреде-

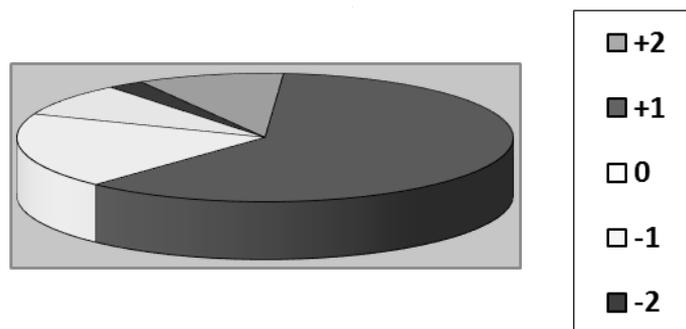

Рис. 2. Распределение высоких оценок уровня развития двигательной активности в группе дошкольников 4-го нательного типа

ленных оценок в них, были получены следующие закономерности:

У дошкольников, родившихся при помощи экстренной операции кесарева сечения (2-й нательный тип) и родившихся в процессе затяжных родов (7-й нательный тип), уровень развития двигательной активности статистически значимо (при $p \leq 0,03$ и при $p \leq 0,05$) ниже, чем у дошкольников, родившихся в процессе нормальных естественных родов (4-й нательный тип).

У дошкольников, родившихся преждевременно (3-й нательный тип), нейтральных оценок по шкале интегративной оценки двигательной активности больше, чем у дошкольников, родившихся при помощи экстренной операции кесарева сечения (2-й нательный тип) (при $p \leq 0,03$), родившихся в процессе затяжных родов (7-й нательный тип) (при $p \leq 0,02$) и родившихся в процессе нормальных естественных родов (4-й нательный тип) (при $p \leq 0,04$). Это говорит о том, что уровень развития двигательной активности у 7-го нательного типа статистически значимо выше, чем у детей 3-го нательного типа и ниже, чем у детей 4-го нательного типа.

У детей, родившихся в процессе сложных родов (5-й нательный тип) на этой шкале значимо больше нейтральных оценок, чем у детей, родившихся в процессе затяжных родов (7-й нательный тип) (при $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что уровень двигательной активности в группе 5-го нательного типа выше, чем в группе детей, имеющих 7-й нательный тип.

У детей 4-го нательного типа (нормальные естественные роды) по шкале интегративной оценки уровня двигательной активности высоких оценок значимо больше, чем у детей 5-го нательного типа (сложные роды) (при $p \leq 0,02$).

Было выявлено, что у дошкольников 4-го нательного типа (естественные роды) распределение высоких оце-

нок по шкале интегративного развития двигательной активности отличается от нормального: Дэмп. (0,36) > Дкрит, что графически отражено на рисунке 2.

Нами было обнаружено, что наиболее показательные результаты получились при сопоставлении уровней развития двигательной активности 4-го и 5-го нательного типа. В группе детей 4-го нательного типа выявлено статистически значимое максимальное количество высоких оценок по шкале интегративной оценки двигательной активности, чем в группе детей 5-го нательного типа (при $p \leq 0,02$). У детей с 4-м нательным типом оценка уровня двигательной активности существенно выше, чем у детей с 5-м нательным типом, это соответствует теоретическим положениям Г.Н. Голубевой [5], С. Грофа [6] и других авторов о том, что нормальные естественные роды являются предпосылкой благополучия в различных сферах жизнедеятельности.

Для более подробного анализа полученных закономерностей, мы разделили 5-й нательный тип по всем специфическим осложнениям в течении родов, и каждую новую группу так же сопоставили с 4-м нательным типом по уровню развития двигательной активности:

- 5.1 нательный тип — обвитие пуповиной в родах;
- 5.2 нательный тип — ребенка в родах выдавливали;
- 5.3 нательный тип — наложение щипцов;
- 5.4 нательный тип — ребенок шел вперед ягодичами;
- 5.5 нательный тип — ребенок шел с ручкой.

Данные представлены на рисунке 3.

В группе 5-го нательного типа распределение низких оценок уровня развития двигательной активности отличается от нормального: Дэмп(0,5) > Дкрит, что графически отражено на рисунке 4.

В результате применения метода углового преобразования Фишера, получены следующие закономерности:

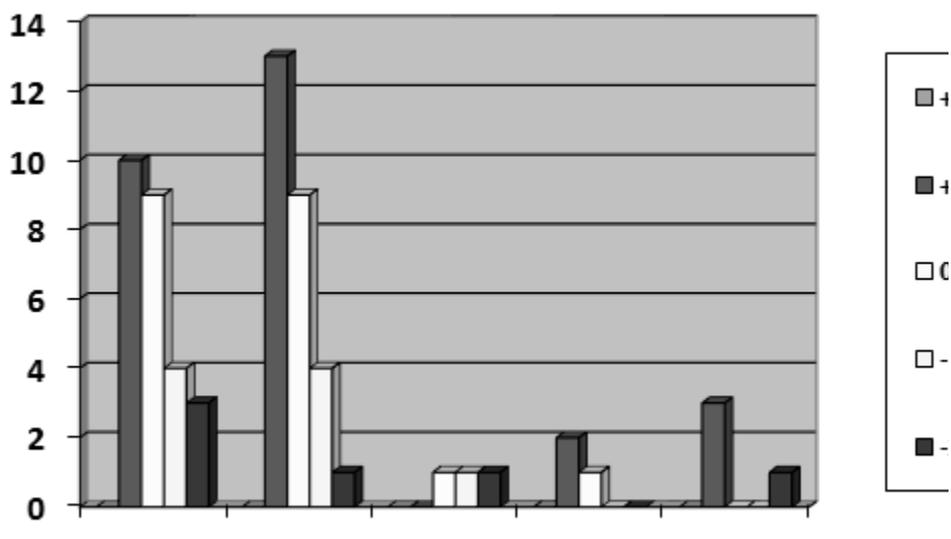

Рис. 3. Оценки уровня развития двигательной активности в группе детей-дошкольников 5-го нательного типа, имеющих различные виды осложнений

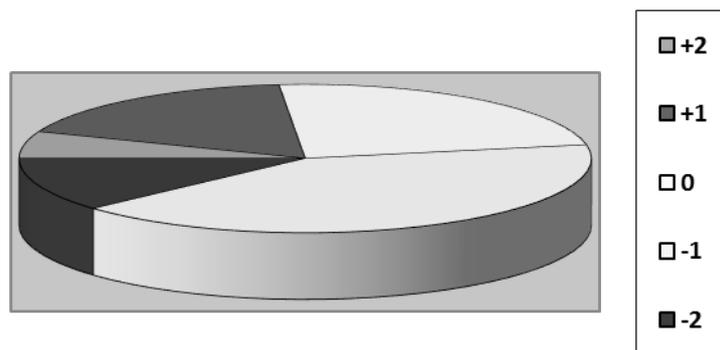

Рис. 4. Распределение низких оценок уровня развития двигательной активности в группе 5-го нательного типа

В группе дошкольников 4-го нательного типа (нормальные естественные роды) высоких оценок больше, чем в группе детей 5.1 нательного типа (роды с обвитием пуповины) (при $p \leq 0,00$);

В группе дошкольников 4-го нательного типа (нормальные естественные роды) высоких оценок больше, чем в группе 5.2 нательного типа (роды шли с выдавливанием плода) (при $p \leq 0,02$).

Согласно интегративной оценке двигательной активности таблицы феноменологии выявлено, что у детей, родившихся естественным путём без осложнений (4-й нательный тип) преобладает высокий уровень развития двигательной активности, они получили оценки +1 и +2 по шкале интегративной оценки. У детей 4-го нательного типа движения уверены и разнообразны, они довольно

точно воспроизводят движения сверстников, активно используют инвентарь и пособия, проявляют сосредоточенность, активность и интерес, играют в парах, пытаются учить других, демонстрируют достижения. По содержанию их игры изобретательны, у них преобладает выражение радости в игре.

У детей, родившихся с осложнениями (5-й нательный тип) преобладает низкий и средний уровень развития двигательной активности, они получили оценки -2, -1 и 0 по шкале интегративной оценки. У детей 5-го нательного типа практически отсутствует количество движений с предметом, бедный репертуар использования инвентаря и пособий, действия однообразны и неуверенны, движения вялые, они не проявляют взаимодействия сверстниками. У них быстро пропадает интерес, преобладают негативные эмоции. При среднем уровне

развития двигательной активности (оценка 0 на шкале от -2 до +2) движения разнообразны, они используют несколько пособий, преобладает хорошее настроение, но общение со сверстниками носит спонтанный характер.

Как показало наше исследование, наиболее сильное негативное влияние на характер двигательной активности дошкольников оказывают такие осложнения в течении родов, как выдавливание ребенка врачом — акушером и обвитие пуповиной.

В результате нашего исследования мы сделали следующие выводы:

1. Перинатальный опыт и особенности рождения в значительной степени оказывают психологическое влияние на двигательную активность детей дошкольного возраста.

2. У детей, рожденных в срок, самопроизвольно, без осложнений и с минимумом медицинского вмешательства, показатели двигательной активности качественно выше, чем у детей, рожденных при помощи экстренного кесарева сечения, чем у недоношенных детей и детей, перенесших затяжные роды и осложнения, что было подтверждено статистически.

3. Самое сильное негативное психологическое влияние на двигательную активность дошкольников оказывают такие осложнения в родах, как: обвитие пуповиной и выдавливание ребенка врачом в процессе родов, причем первое — в наибольшей степени.

Таким образом, нами полностью была подтверждена гипотеза о том, что существует психологическая связь между перинатальным опытом и характером двигательной активности детей в дошкольном возрасте, а именно:

- ◆ нормальное рождение ребёнка является предпосылкой успешного развития его двигательной активности;
- ◆ осложненное, затяжное, либо оперативное рождение ребёнка является психологическим фактором, затрудняющим развитие его двигательной активности.

Представленные результаты дополняют полученные нами в более ранних исследованиях данные о взаимосвязи типа рождения с успешностью спортивной деятельности на выборке 680 спортсменов различных видов спорта. В работах Парфентьева В. И. [9] выявлены следующие закономерности:

1. Нормальные роды (4-й натальный тип) являются фактором естественного спортивного отбора, благоприятным для спортивной деятельности. Это подтверждено статистически значимой динамикой прироста количества спортсменов, родившихся нормальным естественным путём в процессе спортивной карьеры. У спортсменов без разряда доля 4-го натального типа в выборке составляет 47%, у спортсменов, имеющих спортивную квалификацию, она составляет 60%, а у спортсменов, имеющих спортивные звания (МС, МСМК и ЗМС) уже 67%. Данная закономерность не имеет половых различий и не зависит от вида спорта.

2. В процессе спортивной карьеры отсеиваются спортсмены, рождённые при помощи кесарева сечения, недоношенные, перенесшие, в процессе сложных родов с обвитием пуповиной, ягодичным предлежанием, с выдавливанием. Недоношенные дети (3-й натальный тип) отсеиваются на этапе получения спортивного разряда (юношеский, взрослый, КМС), их количество сокращается в выборке с 21% до 7%, а на стадии получения спортивного звания (МС, МСМК, ЗМС), их доля сокращается с 7% до 2%. Спортсмены, рождённые перенесшими (6-й натальный тип), полностью отсеиваются на стадии перехода к получению спортивного звания.

Шемет С. С. [14] провела четырехлетнее лонгитюдное исследование группы футболистов 12–17 лет, ориентированных на профессиональную футбольную карьеру. Исследование показало, что в процессе эксперимента изменилась структура натальных типов в исследуемой группе футболистов:

- ◆ в начале проведения исследования (2009 г.) футболистов, имеющих 4-й натальный тип (естественные нормальные роды продолжительностью 4–12 часов) было 52%, а через 4 года (2012 год) их стало 88%.
- ◆ за время проведения эксперимента из команды выбыли спортсмены 2-го натального типа: в 2009 году их было 12%, через 4 года — 0%; а также 3-го типа — в 2009 году 6%, в 2010 году — 0%; спортсмены 5-го типа: 9% в 2009 году к 0% в 2012 году; также отсеялись футболисты 7-го натального типа из 9% в 2009 году стало 0% в 2012. Футболисты 6-го типа в выборке отсутствовали.

Исследуемые с 4-м натальным типом более успешны в спортивной деятельности: им был предложен контракт в профессиональный футбольный клуб. Исследование эталонной выборки профессиональных футболистов показало, что 100% из них имеют 4-й натальный тип.

Эмпирические исследования Шемет С. С. [14] показали, что люди, имеющие различный натальный тип, отличаются по психологическим характеристикам. Это позволило ввести понятие «натальный психотип» и определить его как совокупность психологических особен-

ностей индивида, детерминированных типом рождения. Психодиагностическое исследование натальных типов у футболистов показало, что у естественно рождённых по сравнению с другими натальными типами более развиты волевые качества, а именно: инициативность, самостоятельность, целеустремлённость, настойчивость, и это подтверждается статистически. У футболистов 4-го типа уровень субъективного контроля значимо выше, чем у исследуемых с остальными типами рождения.

Среди натальных психотипов можно выделить те, которые способствуют или препятствуют успешности в спортивной деятельности, что даёт возможность осуществлять прогноз успешности спортивной деятельности на основе определения натального типа.

На основании этой закономерности разработана «Методика натального прогнозирования успешности

спортивной деятельности», смысл которой заключается в определении натального психотипа спортсмена на основании данных о его рождении, полученных от его матери, и прогнозировании в соответствии с ним успешности в спорте [14].

Представленные в статье эмпирические исследования показывают, что полученные в процессе рождения матрицы перинатального опыта настолько устойчивы, что проявляются как в дошкольном возрасте — в характере двигательной активности, так и в подростковом и юношеском возрасте в виде психологических типов спортсмена (натальных психотипов), а во взрослом возрасте определяют успех спортивной карьеры. Все это позволяет считать рождение самостоятельным фактором, влияющим на психологические характеристики индивида, наряду с наследственностью и влиянием социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Айванхов О. М. Воспитание до рождения. — СПб.: «Сердце», 1992. — 41с.
2. Аркин Е. А. Ребенок в дошкольные годы (в двух частях) /Под ред. А. В. Запорожца и В. В. Давыдова. — М.: Издательство «Просвещение», 1968г — 315с.
3. Бальсевич В. К. Концепция альтернативных форм организации физического воспитания детей и молодежи //Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1996, № 1, с. 23–25.
4. Батуев, А. С. Возникновение психики в дородовой период: краткий обзор современных исследований / А. С. Батуев // Психологический журнал. — 2000. — № 6. — С. 51–57.
5. Голубева, Г. Н. Педагогическая система формирования активного двигательного режима ребенка / Г. Н. Голубева // Современные наукоемкие технологии. — 2009. — № 8. — С 110.
6. Гроф, С. За пределами мозга. — М.: Изд-во Трансперсонального института, 1993–504с.
7. Дедуевич, М.Н., Шишкива, В. А. Новые подходы к оценке двигательного развития детей дошкольного возраста/ М. Н. Дедуевич, В. А. Шишкина // Вектор науки ТГУ № 3(3), 2010. — С. 42–45.
8. Захаров, А. И. Влияние перинатального опыта на развитие страхов у детей // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей: сборник материалов межрегиональной конференции. — Спб., 1998–78С.
9. Парфентьев, В. И. Исследование взаимосвязи типа рождения и успешности спортивной деятельности [Электронный ресурс] / В. И. Парфентьев // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 6 (часть 2). — С. 470–473. — Электрон. дан. — Режим доступа: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000745
10. Фролов, В. Г. Физкультурные занятия, игры и упражнения на прогулке. М.: Просвещение, 1986. — 159 с.
11. Шемет, И. С. Интеграция психики: концепция, метод, эксперимент. М.: Редакционно-издательский центр Консорциума «Социальное здоровье России», 2006. — 192 с.
12. Шемет, И.С., Морозова, А. А. Влияние перинатального опыта на уровень эмоциональной интеграции у детей среднего дошкольного возраста // Вестник интегративной психологии. Журнал для психологов. Вып. 11 / под ред. В. В. Козлова. — Ярославль — 2013. — С. 352–355.
13. Шемет С. С. Влияние особенностей рождения ребёнка на волевые качества и успешность в спортивной деятельности // И. С. Шемет, Л. В. Густова, С. С. Шемет, В. И. Парфентьев, О. И. Парфентьева. «Наука и школа»: Журнал. — 2015. — № 6. — С. 184–198
14. Шемет, С. С. Лонгитюдное исследование взаимосвязи натального психотипа и успешности спортивной деятельности [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 5–4. — С. 865–871; (0,5 п.л.). — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34013>

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В КОНЦЕПЦИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

KLIPOVOY THINKING AND INFORMATION WARFARE IN THE CONCEPTS OF INFORMATION SOCIETY

A. Ayurova

Summary. The article deals with the phenomena of clip thinking and information warfare in the framework of understanding some concepts of the information society. Substantiates the determination to strengthen the role of the impact of information warfare on the human mind and behavior. It is proved that clip thinking leads to the loss of critical thinking, making a person vulnerable to propaganda, and is both a method and a source of information war. This thesis demonstrates the example of reference to the evolution of the nature of the excursion and the subject of thinking and ways of warfare.

Keywords: information society (IO), information war (IV), information space, clip thinking.

Аюрова Аида Майрамбековна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Томский политехнический
университет»
aidavtomske@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются феномены клипового мышления и информационной войны в рамках осмысления некоторых концепций информационного общества. Обосновывается детерминация усиления роли воздействия информационной войны на человеческое сознание и поведение. Доказывается, что клиповое мышление ведет к утрате критического мышления, делая человека уязвимым к пропаганде, а также является одновременно как методом, так и источником информационной войны. Данный тезис демонстрирует на примере обращения к экскурсу эволюции характера и предмета мышления и способов ведения войны.

Ключевые слова: информационное общество (ИО), информационная война (ИВ), информационное пространство, клиповое мышление.

XXI в. вошел в историю как век информационных технологий, отразившийся на экономических и социально-политических процессах социума, сформировав информационное общество, сопровождаемое бурным ростом технологий, расширением информационного пространства и как следствие переходом социума на качественно новый уровень социального взаимодействия. Данные изменения значительно расширили познавательные возможности человека, сформировали новые условия существования общества, в котором наивысшей ценностью стала информация. Клиповое мышление и информационная война стали частью современного социума, отвечающие ее потребностям, влияющим на формирование мировоззрения людей, а также, диктующие правила конкурентной борьбы за распределение ресурсов в ней, став неотъемлемой частью объекта исследований философии и ряда гуманитарных наук. Однако, анализ данных феноменов осложняется отсутствием единого концептуального определения самого информационного общества.

ИО представляет собой социум, в котором ведущую роль играет информация, СМИ и информационные технологии. КР позволила ускорить процесс распространения информации, а также расширила возможности ее воздействия на людей. Ряд исследователей делают неоднозначный анализ трансформации социума в инфор-

мационное. Например, американский социолог Д. Бэлл еще в 1960-х гг. отмечал рост роли теоретического знания, создание новой интеллектуальной технологии, рост класса носителей знаний и мн. др., характеризующее грядущее постиндустриальное общество. Еще ранее (в первой половине XXв.) в трудах ряда аналитиков отмечаются предпосылки анализа грядущей информационной эры, которую английский экономист К. Кларк в 1940-х гг. определял как наступление общества услуг и информации, в 1950-е гг. австрийский и американский экономист Ф. Махлуп прогнозировал формирование информационной экономики, в 1960-е гг. американский социолог М. Маклюэн анализировал трансформацию социума в «электронное общество», а в кон. XXв. американский футуролог и социолог Э. Тоффлер предрекал «третью волну», немецкий социолог У. Бек говорил о наступлении общества риска и т.д. Но, несмотря на различия в анализе грядущих изменений в обществе, все исследователи солидарны друг с другом в осознании перехода социума на новый уровень, в котором главенствующую роль стала играть информация. В связи с данными изменениями, острой проблемой гуманитарных наук становится вопрос о достоверности получаемой информации, формирующий мировоззрение социума.

Актуальность данной статьи заключается в необходимости осмысления и анализа информационной войны (далее будет указана как ИВ) и «клипового мышления»

в концепциях информационного общества (далее будет указана как ИО), а также их философского анализа (негативных и положительных аспектов), в которых описаны их характерные черты. Кроме того, будет проанализирована взаимообусловленность формирования клипового мышления ставшей и информационной войны, создающая благоприятную почву для манипулирования сознанием. Будут рассмотрены концепции информационных обществ Д. Бэлла, М. Кастельса, Э. Тоффлера, где анализируются проблемы современного социума. Только со становлением информационного общества формируется клиповое мышление и укореняются ИВ, представляющие собой новый вид противоборства, опасность которого заключается преимущественно в деморализации, дезинтеграции и психологическом воздействии на противника, главным средством борьбы в которой становятся информационно-технические системы.

Информация представляет собой сведения или знания о каком-либо явлении, а ее использование и транслирование зависит от целей субъекта. Данный факт делает ее непредсказуемым источником силы в условиях информационной войны, характерной для современного мира. А современные информационные достижения и распространение клипового мышления создают «благоприятную почву» для ведения ИВ, ставшей альтернативой войне «горячей», обусловленной, в первую очередь, страхом перед ядерной войной. Анализ нового формата войны необходим, поскольку феномен войны заключается в ее неизбежности в социально-политических процессах за распределение ресурсов.

Еще в XX в. исследователи начали анализировать формирование нового вида культуры и мышления (клипового), а также прогнозировать его дальнейшее развитие и влияние на социально-политические процессы социума. Так, французским культурологом и философом А. Мо-лем был введен термин «мозаичной» культуры, формирующейся под воздействием экспоненциального роста информации. Он отмечал, что современная мозаичная культура формируется под воздействием беспорядочного и непрерывного потока информации, негативно отражающаяся на развитии критического мышления [9, с. 22]. С данным высказыванием сложно не согласиться, поскольку формирование ассоциативного мировоззрения делает человека уязвимым к манипулятивным воздействиям через СМИ, формирующие новые образы и ассоциации. В такой ситуации, человек рискует стать «продуктом» масс-медиа, рекламных роликов, что делает его крайне податливым и уязвимым для информационного воздействия. А научные открытия, расширив «границы познания» во многих вопросах человеческой деятельности, особенностей сознания человека, стали «фактором риска» использования знаний в корыстных целях. Значительным фактором, воздействующим на со-

знание человека, становится массовая вовлеченность людей в глобальную сеть интернет, делая их уязвимыми не только для разнообразных манипулятивных методов, но для контроля за их частной жизнью. Ярким примером этого стал нашумевший скандал, разразившийся еще в 2013 г., связанный с утечкой информации из АНБ США.

Что же касается ИВ, то ее активное распространение стало возможным лишь с тотальным влиянием СМИ и формированием клипового мышления. В XX в. Э. Тоффлером в его работе «Революционное богатство» был сделан неоднозначный прогноз о значимости СМИ, информационных технологий и их использовании заинтересованными сторонами. Он писал: «... В обозримом будущем, с помощью нейронауки, кибернауки и манипуляции медиа мы создадим новый более реальный сенсорный, чувственный и иной виртуальный опыт. Мы будем моделировать будущие события в цифровом мире еще до того, как они возникнут «вживую». Это позволит нам общаться виртуально или лично с людьми со всех концов планеты. Однако, это будет на руку как преступникам, так и праведникам...» [5, с. 110]. Тенденция укоренения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества, отмеченная американским социологом еще в прошлом столетии, крайне актуальна в современном мире. Поскольку агрессор в эпоху ИВ зачастую не известен, одной из глобальных задач государств становится защита информационного пространства от кибератак и предотвращение манипулирования массовым сознанием граждан, ослабляющих государство (деморализующих) «изнутри». Осознавали данный факт ряд ведущих постиндустриальных государств (Япония, США, Великобритания и т.д.) еще во второй половине XX в., сделав упор на развитие информационных технологий и масс-медиа. И с распространением ИВ, вполне оправданными становятся упреки ряда государств в адрес США об их статусе «главного политического манипулятора XX в.». Но несмотря на скандалы и разоблачительные статьи, репортажи, США продолжают сохранять одно из лидирующих положений в современном информационном обществе. И данный факт, в первую очередь, объясняется значительным их влиянием в масс-медиа и СМИ. «Американский образ жизни» так крепко укоренился в сознании современного социума, особенно молодежи, что, несмотря на разоблачительные репортажи, многие люди продолжают воспринимать данную культуру как «образцовую» и стремятся ей следовать. Уже на сегодняшний день, сложно себе представить процесс глобализации без влияния американской культуры (ставшей массовой), ее демократических и капиталистических принципов. Информационная война стала новой формой социального противостояния, имеющая как положительные, так и отрицательные аспекты, а клиповое мышление может стать как ее оружием, так и методом противостояния.

Переосмысление образа информации и информационного пространства ведет к трансформации самого оптимального и опасного метода борьбы XXIв.— информационного, который облегчается клиповым мышлением. Исходя из данных обстоятельств возникают вопросы, на которые концепции ИО пытаются дать ответ. Является ли ИВ и клиповое мышление феноменами ИО, обусловленными друг другом? В чем выражаются их позитивные и негативные аспекты? И, наконец, можно ли считать ИВ и клиповое мышление «продуктом» ИО?

Анализ клипового мышления в концепциях информационного общества

Клиповое мышление представляет собой восприятие окружающего мира через яркие образы и ощущения, формирующиеся под воздействием информационных технологий и СМИ, характерные преимущественно населению постиндустриальных и развитых государств. Оно способствует огромному потреблению и производству информации, но ослабляет критическое мышление и способность к формированию целостной картины какого-либо социально-политического, культурного или экономического процесса, делая человека уязвимым объектом как пропаганды, так и ИВ.

Как уже было сказано ранее, клиповое мышление стало формироваться с трансформацией общества в информационное, в которой компьютерная революция сыграла ключевую роль. В обществе кардинально меняется отношение к информации, ее анализу и производству, сопровождаемое изучением граней возможностей человеческого сознания и его слабостей, тем самым позволяя совершенствовать методы воздействия на него. А в условиях формирования нового типа войны в современном социуме (ИВ), заинтересованность в изучении клипового мышления становится крайне необходимой, что ведет и к росту количества трудов посвященных изучению клипового мышления.

Однако, несмотря на большое количество статей и трудов, посвященных изучению клипового мышления современными исследователями (например, такими как Ф.И. Гиренок и др.), вопросы о феномене клипового мышления остаются открытыми, а характерные черты и признаки данного феномена во многом схожи с уже существующими концепциями ИО, описывающими формирование нового типа мышления, сформулированными еще в XXв. такими классиками социологии и современной философии как Д. Бэллом, М. Кастельсом и Э. Тоффлером и др.

Так, одним из первых социологов и философов, опиравших наступление новой эпохи (информационной), стал американский социолог Д. Бэлл. В своих трудах он

описывал наступление постиндустриального общества, влекущего ряд изменений, отразившихся на формировании принципа меритократии. Интеллектуальный труд стал наивысшей ценностью новой эпохи, определяя новые приоритеты в развитии государства (преимущественно, финансирование научных лабораторий, развитие информационных технологий и мн.др.). Так, в труде «Грядущее постиндустриальное общество» прогнозируя смену приоритетов, Д. Белл пишет: «... И если капитал и труд — главные структурные элементы индустриального социума, основанного на машинной технологии, то информация и знания — основа общества индустриального» [2, с. 40]. Меняется и отношение к ценности человека. На первое место ставится не его внутренний мир, а способность отвечать потребностям нового социума. Эти изменения очевидны, поскольку в его трудах основным действующим лицом становится профессионал, чье образование и опыт позволяют ему отвечать всем требованиям, предъявляемым в постиндустриальном обществе [2, с. 335]. И хотя в работах Д. Белла не говорится о клиповом мышлении, но уже акцентируется внимание на интеллектуальных ресурсах человека, определяющих его роль в социуме, а так же на значимость интеллектуальных технологий в «грядущем постиндустриальном обществе». Д. Бэлл отмечал, что целью новой интеллектуальной технологии стало воплощение мечты социального алхимика: «упорядочить» массовое общество [2, с. 210]. К проблеме «упорядочивания» массового общества, отмеченной американским социологом еще в прошлом столетии, относится регулирование как социально-политических, экономических, так и культурных проблем посредством «технологизации» всех подсистем социума. И хотя Д. Бэлл выделил лишь положительные аспекты грядущих изменений, мы считаем, что он стал одним из первых аналитиков, охарактеризовавших особенности развития новой эпохи. Так, к характерным чертам информационного общества, именуемого им постиндустриальным, он относил: центральную роль теоретических знаний, создание новой интеллектуальной технологии, рост носителей класса знаний, возрастание роли женщин в обществе, формирование экономической роли информации и мн. др. [2, С. 152–156]. Что же касается клипового мышления, хоть американский социолог и не ввел данный термин, однако прогнозировал трансформацию интеллектуальной деятельности человека под воздействием научных технологий. А клиповое мышление остается ответом на рост информации в современном мире.

Значимый вклад в формирование концепции ИО внес американский социолог и философ Э. Тоффлер, представив свое видение современного социума и всех его изменений. Все современные социально-политические «катаклизмы» Э. Тоффлер объясняет «третьей волной» (наступлением постиндустриальной эпохи), ведущей к формированию новых догм, идеологий и т.д., сопут-

ствующих противостоянию приверженцев как первой (доиндустриальной), так и второй (индустриальной) волны. В своем труде «Третья волна» Э. Тоффлер описывает современный мир, который возникает с огромной скоростью из столкновения огромных ценностей и технологий, новых геополитических отношений, новых стилей жизни и способов коммуникации, требующих совершенно новых идей и аналогий, классификаций и понятий, полагая что ортодоксальные социальные установки или настроения тоже не подходят этому новому миру. Огромное влияние уделяется интеллекту и везению, которые зарождают цивилизацию, способную стать более пристойной и более демократичной, чем любая из известных нам до сих пор [6, С.21–23]. Он прогнозирует, что новая цивилизация несет в себе новые семейные отношения, иные способы работать, любить и жить, новую экономику, новые политические конфликты, и сверх всего этого — изменение сознания [6, с. 125]. Им вводится понятие клиповая культура для описания культуры развитых стран, в которых свойственно господство СМИ, формирующих способ представления и восприятия информации, выражающаяся в мозаичности и фрагментарности образов, а также в яркости и их кратковременности. А в работе «Революционное богатство» социологом были проанализированы главные изменения эпохи, которые выражаются в значимой трансформации экономики богатства, часто не осознаваемой за фасадом менее значимых событий. Экономика трансформируется в «интеллектуальную», управляемую разумом. Революционные изменения представляют собой радикальный переворот, сравнимый с промышленной, но существенно превосходящий ее. Тысячи не связанных между собой изменений формируют новую экономическую систему, сопровождаемую как минимум возникновением новых стилей жизни или новой цивилизации, которую можно назвать современностью. И существенный вывод, сделанный Э. Тоффлером, заключается в описании новой особенности массового сознания, составляющего суть клипового мышления. Им отмечено формирование иррациональности в людях, формирующейся как результат желания спрятаться от ужаса (страшных новостей, проблем терроризма и т.д.), погружаясь в мир иллюзорный через реалисти-шоу, телевидение и т.п. [5, с. 3]. Неоднозначная интерпретация трудов Э. Тоффлера вызывает споры у современных исследователей. Однако, мы полагаем, что труды Э. Тоффлера положили начало активному исследованию нового типа мышления, ведь здесь просматривается закономерность формирования общества, в котором можно на технологическом уровне отслеживать интересы людей через сеть интернет и любые коммуникативные средства, что позволит легко воздействовать на сознание масс. С другой стороны, им отмечаются и положительные аспекты клипового мышления, преимущества которых выражается в способности воспроизводить и обрабатывать огромный объем информации.

Еще одну значимую концепцию современного общества предложил один из самых авторитетных исследователей современного мира, испанский социолог М. Кастельс. В своей трехтомной монографии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», он анализирует изменения современного общества, характеризуемое им как сетевое, в котором формируется «культура современной виртуальности» (интеграции электронных средств коммуникации и возникновение интерактивных сетей), информационная экономика (в ней само знание выступает как главный источник производительности) и формирование новой социальной структуры.

М. Кастельс описывает формирование нового формата мышления и мировоззрения общества, в котором новые информационные технологии стали не просто инструментом для применения, но так же процессами для развития социально-политического процесса развивая, виртуальную культуру, как в визуальных переживаниях, созданных ПК в киберпространстве. Но живет данная реальность недолго, создавая новые «события», а временность мультимедийного гипертекста становится определяющей чертой современной культуры, формирующей ум и память детей, получающих образование в новом культурном контексте. Несмотря на достоинства (большое потребление и обработка информации), клиповое мышление в сетевом обществе приводит к тому, что общественные движения обнаруживают тенденцию к фрагментации, локальности, узкой ориентации и эфемерности, либо погружаясь в свой внутренний мир, либо вспыхивая всего на мгновение вокруг популярного символа. А бесконтрольные изменения приводят к тому, что люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных [7, с. 213]. Таким образом, М. Кастельс расширил представления о клиповом мышлении в XXв.

Вышеперечисленные концепции ИО, известных социологов и философов, объединяет признание значимости информации и перехода социума на новый уровень развития, сформировавшего как новые ценности, так и формы мышления (клипового). В данных концепциях проанализированы как положительные, так и отрицательные аспекты клипового мышления.

Анализ информационной войны в концепциях информационного общества

ИВ представляет собой продукт информационного общества и новый вид борьбы современного века, направленный на дезинформацию, деморализацию и психологическое воздействие на противника. Она (ИВ) стала

ответом на вызов современной цивилизации, в которой угроза ядерной войны способствует поиску новых методов борьбы с конкурентами, что лишний раз доказывает актуальность изучения информационной войны как продукта информационного общества. Новый формат войны стал неизбежной составляющей в постиндустриальном обществе как одно из негативных проявлений реализации социально-политических и экономических целей различного масштаба в борьбе за распределение сфер влияния. Информационная война стала неизбежной частью политических процессов, став формой соперничества XXIв.

Приступая к анализу ИВ в концепциях ИО следует отметить, что клиповое мышление и ИВ являются феноменами современного общества, обусловленными друг другом. Именно с распространением информационных технологий и формированием ИО трансформируется мышление и способы ведения войны. На сегодняшний день, насчитывается огромное количество трудов, посвященных данным феноменам (например, в трудах Д.А. Шведа, С.Н. Бухарина, В.В. Цыганкова, С.П. Расторгуева, З.Бжезинского, М. Либики и мн. др.). Сходство концепций ряда исследователей заключается в признании опасности ИВ, выражающейся в интенсивном противоборстве в информационном пространстве с целью подрыва политической, культурной и социально-экономической стабильности противника посредством нанесения ущерба информационным системам, важным структурам и идеологическим и политическим ценностям. Что касается различий существующих концепций ИВ, то они заключаются в том, на каких методах ИВ акцентируют свое внимание исследователи (н., З.Бжезинский особое внимание уделял методу пропаганды, М. Либики — на кибератаки и т.д.). Но несмотря на большое количество исследований, основные характеристики и свойства ИВ были описаны в ряде концепций ИО еще в XXв.

Ранее описаны труды известных социологов и философов XXв. Д.Бэлла, Э.Тоффлера и М.Кастельса, заложивших фундаментальные основы концепций ИО, в рамках которых ими изучались такие феномены как ИВ и клиповое мышление, к чьим трудам часто обращаются современные исследователи в области ИВ.

Американский социолог Э.Тоффлер характеризует особенности новой эпохи и ее социумов (ИО), в которых лидирующую роль в формировании сознания имеют СМИ. А под влиянием внедрения информационных технологий во все подсистемы общества происходит трансформация мышления в клиповое. Э.Тоффлер акцентирует внимание на закономерностях формирования общества, в котором возрастает роль «подмены реальности» (роста иррациональности сознания) по-

средством реали-шоу, телевидения и т.п.[5.с.3]. Проблема иррациональности сознания людей, отмеченная автором, крайне актуальна в современном обществе, в котором зависимость молодежи от социальных сетей, компьютерных игр, телевидения очень высока. Поскольку к основам залога процветания государства относятся и психологическое здоровье нации, то данные факторы создают благоприятную почву для ведения ИВ.

Что же касается концепции сетевого общества М.Кастельса, то им обосновывается идея информатизации современного социума, в которой главной ценностью становится информация, а важнейшей задачей ее грамотное применение. Он приходит к выводу, что различное время доступа к технологической силе для людей, стран, регионов является критическим источником неравенства в современном мире. Своеобразная вершина этого процесса заключается в угрозе исключения национальных и даже континентальных экономик (н., Африки) из мировой информационной системы, а соответственно и из мировой системы разделения труда [7, с. 378]. Эти убеждения находят свое подтверждение в современной социально-экономической ситуации, поскольку лидирующие позиции в мире занимают информационно развитые государства, такие как Япония, КНР, США и др. М.Кастельс, осознавая необходимость внедрения информационных технологий ради процветания государства, отмечал и недостатки, к которым он относил формирование клипового мышления и виртуальной культуры, которые описывались ранее. Общественные движения в этих условиях обнаруживают тенденцию к фрагментации, локальности и узости ориентации, либо погружаясь в свой внутренний мир, либо вспыхивая на мгновение вокруг популярного символа, ведущим к неконтролируемому и беспорядочным изменениям ценностей, а следовательно, к склонности людей группироваться вокруг первичных источников информации: религиозных, этнических, национальных [7, с. 245]. Данные процессы делают людей уязвимыми к объекту пропаганды и любым психологическим методам воздействия ИВ, а средством манипулирования и пропаганды могут стать те же первичные источники информации.

Соотношение клипового мышления и информационной войны в концепциях информационного общества

В концепциях ИО, проанализированных ранее, можно рассмотреть взаимосвязь между формированием клипового мышления и распространением ИВ.

В концепции постиндустриального общества Д.Бэлла прогнозируется наступление информационной эпохи, в которой развитие информационных технологий от-

ражается на социально-политических и экономических процессах общества. Повышающаяся роль науки и образования открывает путь для зарождения меритократии, диктующей новые правила развития государства. И новые правила игры освоили мировые лидеры, такие как США, Япония, страны Европы, выделяющие огромные средства на финансирование научных центров (н., США в НИОКР). Основными политическими проблемами в постиндустриальных государствах стали развитие образования, организации науки, здравоохранения и регулирование социальных проблем. А интеллектуальные технологии, расширившие грани возможностей человека, превратили науку в опасное оружие, которое он называл оформившейся силой, но силой, лишенной внутреннего единства. Война же сравнивалась с «работным домом» техники, изменившим роль науки, сделав ее первой из «новых» войн [2, с. 194]. Таким образом, Д. Бэллом еще в сер. XX в. были проанализированы существенные изменения в социуме сформировавшие новый формат войны и мышления.

Внедрение информационных технологий позволяет контролировать все подсистемы общества, что и происходит в современном мире. Массовая вовлеченность людей в глобальную сеть интернет делает человека уязвимым не только по отношению к методам манипуляции, но и для контроля за их частной жизнью, в том числе и за государственными деятелями. Ярким примером стал нашумевший скандал, разразившийся еще в 2013 г., связанный с утечкой информации из АНБ США и разоблачительными заявлениями Э. Сноудена. Согласно материалам, предоставленным Э. Сноуденом журналисту Г. Гринвальду и его коллегам, разведывательные службы штатов еще с 1985 г. использовали программу ООСИ FAIRVIEW, предоставлявшую уникальный доступ к телекоммуникационным данным и IP-адресам, с 2009 г. программу OAKSTAR, с 2010 г. программу BLARNEY главным образом основанную на многолетнем сотрудничестве с компанией IT&T. В список стран, попадающих в зону действия программы, входили Бразилия, Франция, Германия, Греция, Израиль, Италия, Япония, Мексика, Южная Корея и Венесуэла, а также ЕС и ООН. [3, с. 132–134] Этот факт лишь доказывает то, что глобальная сеть, изначально способствовавшая расширению коммуникационных возможностей государств, со временем стала источником «тревог» за сохранность информации и осознанием необходимости ее защиты. Современные информационные достижения создают «благоприятную почву» для ведения ИВ. Так, современные методы противостояния включают в себя, помимо вышеописанных методов контроля, целый арсенал наиболее распространенных методов воздействия на сознание человека, такие как астротурфинг, методы многократных повторов (пропаганда), отвлечение на «внешние факторы» и т.д.

Э. Тоффлер анализируя подмену реальности, приходит к выводу о том, что информационная перегрузка, особенно негативного характера, провоцирует человека уходить в виртуальную реальность, делая его мировоззрение хаотичным, непостоянным. А с учетом методов ведения ИВ в современном социуме сознание таких людей становится крайне уязвимым в внешнему воздействию. Воздействие на «жертву» происходит преимущественно через СМИ, а формирование «виртуальной реальности» расширяет возможности подсознательного внушения определенных установок объекту воздействия. Так, например, во многих компьютерных играх, производителями которых являются в основном европейские и американские создатели (например, Spes Ops: The Line, F.E.A.R и т.д.), преступниками и террористами выступают фигуры по внешним признакам похожие на арабов, таким образом, посредством видеогр формируя негативный образ того или иного объекта. И сколько бы не говорили об информационных угрозах со стороны США, мировоззрение молодого поколения формируется под воздействием американских СМИ.

В концепции сетевого общества М. Кастельса ведение ИВ заключается в возможностях государства быть вовлеченным в целые корпорации, регулирующие распределение ресурсов современной эпохи и возможности влиять на социально-экономические процессы менее развитых государств. Различное время доступа к технологической силе для людей, стран, регионов является критическим источником неравенства в современном мире. Своеобразная вершина этого процесса заключается в угрозе исключения национальных и даже континентальных экономик (н., Африки) из мировой информационной системы, а соответственно и из мировой системы разделения труда. Вклад в развитие науки и информационных технологий способствует возможности побороться за лидирующую позицию на международной арене, а, следовательно, диктовать условия менее благополучным регионам.

Анализируя негативные и положительные аспекты клипового мышления и ИВ, можно с уверенностью утверждать, что нет однозначной оценки как в концепциях ИО, так и в исследованиях современных аналитиков. Так, например, анализируя клиповое мышление российские аналитики в области ИВ (Цыганков В. В., Бородин В. А., Шишкин Б.), ввели термин «трехмерные люди», отражающий особенности нового формата мышления. Исследователи характеризуют распространение таких черт общества, пока в основном в европейских государствах, как формирование «трехмерных людей», ориентированных на развлечения, бизнес и потребление, становящихся идеальными биороботами-исполнителями. Поэтому подчинение ценностей экономической целесообразности с одинаковой степенью гарантирует

экономическое процветание и гибель постмодернистской христианской цивилизации [1, с. 37]. Если рассматривать человека в данном ключе, то он готов на многое закрывать глаза, лишь бы была возможность заработать на свои потребности, что ведет к «узости взглядов» и способствует облегчению применения методов манипулирования. А потребительское отношение к жизни формируется посредством СМИ, в том числе шоу-бизнесом, ассоциируемым человеком с ярким и знаменательным образом. Улучшению воздействия методов ИВ способствует и информационная перегрузка, в рамках которой человеку сложно ориентироваться в правдивости поступающей информации. Однако, несмотря на все преимущества, экспоненциальный рост научных открытий привел к увеличению информационного пространства, соответственно увеличив нагрузку на сознание человека. Безусловно, новый вид мышления (клиповый) выражается в лабильности использования информации, восприятию мира через яркие образы, короткие новости и видеоролики, способствующие предотвращению перегрузки. Клиповое мышление предполагает поиск быстрого пути решения проблем в критических ситуациях, действуя интуитивно, в то время как на уровне понятийного мышления необходим тщательный анализ каждого блока информации, имеющей к проблеме хоть малейшее отношение, впоследствии занимая больше времени. Так, Сигаль Тедар (полковник, командующий подразделения Армии обороны Израиля по обучению выживания в экстренных ситуациях) считает, что клиповому мышлению можно и нужно научить людей, обладающих понятийным мышлением, поскольку именно

в экстренной ситуации позволяет выжить. Однако к негативным аспектам можно отнести ослабление критического мышления в сложностях углубленного изучения какой-либо социально-политической проблемы и т.д. В отличие от понятийного мышления, клиповое уступает способностью проводить критический анализ серьезной социально-политической и экономической проблемы, в связи с получением поверхностных знаний. И клиповое мышление может быть использовано как метод борьбы с ИВ (используя возможность переработки огромного объема информации, и, следовательно, находить опровержения передаваемым источникам СМИ), так и благоприятной почвой для ее ведения.

Что же касается ИВ, то несмотря на все негативные аспекты, она стала альтернативой войне «горячей». Безусловно, нанося вред противнику в разных областях деятельности, она при этом не «уносит» человеческие жизни. Также, ведение ИВ способствует развитию методов противостояния ей, совершенствуя как технические науки, так и гуманитарные.

Итак, проанализировав ряд концепций и трудов, посвященных информационному обществу, можно смело делать выводы о том, что информационная война и клиповое мышление стали ее феноменами, обусловленными друг другом. А основные характеристики и свойства информационной войны, клипового мышления были заложены еще в ряде фундаментальных концепций информационного общества, к которым обращаются современные исследователи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарин С. Н. Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганков. — М. Академический проспект, 2007. — 382с.
2. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования: перев. с англ./Д.Бэлл, под ред. В. Л. Иноземцева: М.: Академия 1999. — 783с.
3. Гринвальд Г. Негде спрятаться. Эдвард Сноуден и зоркий глаз Дядюшки Сэма. — ООО Издательство «Питер» СПб.: Питер, 2015—320с.
4. Тоффлер Э. Метамарфозы власти: пер.с англ./Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ» 2003. — 669с. — (Philosophy)
5. Тоффлер Э. Революционное богатство: пер.с англ./Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ» 200 г. — 576с. — (Philosophy)
6. Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004—781с. — (Philosophy)
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер.с англ. под научной ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

© Аюрова Аида Майрамбековна (aidavtomske@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИИ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

THE IMPACT OF INFORMATION ON HUMAN CONSCIOUSNESS IN CONTEMPORARY SOCIO-CULTURAL REALITY

**O. Zhucova
V. Zhucov**

Summary. The work addresses the problem of human existence in the modern information society. It reveals approaches to the consideration of the relationship between society and a person and the consequences of the impact of information on a person. Special attention is paid to the problem of communication as one of the main parameters of the socio-cultural reality.

Keywords: information society, man, sociocultural area, culture, value, criticism.

Жукова Ольга Ивановна

Д.ф.н., профессор, Кемеровский государственный университет г. Кемерово

Жуков Владимир Дмитриевич

*К.ф.н., доцент, Кемеровский государственный медицинский университет
oizh@list.ru*

Аннотация. В работе затрагивается проблема существования человека в современном информационном обществе. Раскрываются подходы к рассмотрению взаимоотношений общества и человека и последствия воздействия информации на личность. Особое внимание уделяется проблеме коммуникации, как одного из главных параметров социокультурной реальности.

Ключевые слова: информационное общество, человек, социокультурная реальность, культура, ценности, критика.

В гуманитарном знании современное общество имеет различные характеристики и обозначения. Его называют постиндустриальным, надиндустриальным, электронным, программируемым, обществом риска, цивилизацией третьей волны, обществом пост-модерна. Безусловно, подобные имманентные характеристики вполне объективно отражают современный социум и то социокультурное пространство, в котором находится человек.[1] Но, как нам представляется, наиболее точным отражением социума является его обозначение в качестве информационного. Именно информация в ее различных формах (от примитивно-упрощенной до сложно — интеллектуальной) пронизывает все структуры социокультурного мира. В этом контексте, общество предстает как фабрика смыслов (З. Бауман) [2], и эти смыслы порождены информационным воздействием в сфере культуры.

Понимание роли информации в социуме и ее влияние на сознание человека по-разному осмысливается философским знанием. В этом контексте можно выделить две противоположные тенденции: толерантно-оптимистическую и критическую. Первая позиция, выражающая умеренный оптимизм (Ж. Лиотар, Ж. Деррида, П. Козловски)[3] подчеркивает, что значение информации не столько в том, что говорится, сколько в том, что может быть сказано и какие выводы из этого делает человек. Отсюда, информация предстает в качестве меры возможности выбора, что ведет к определенному освобождению человека. Человек все в большей степени на-

чинает воспринимать себя творцом своего субъективно индивидуального пространства. Происходит осознание того, что мир культуры, в котором бытийствует человек, является совокупностью образующих его случайных дискурсов и словарей. Поэтому вряд ли человек будет со стоицизмом и смирением воспринимать все, что происходит в его личной судьбе. Другое преимущество информационного общества заключается в осознании случайного и мифологического характера ведущих универсалистских ценностей, приводящих человека к принятию своей личной ответственности за многие социокультурные реалии. Это в конечном итоге делает личность более критичной, внимательной, объективной к различного рода культурным процессам, с которыми она сталкивается.

В свое время К. Ясперс [4], анализируя причины современной ему социально-политической ситуации приведшей к тоталитаризму, одну из главных причин усматривал в некритическом отношении к идее прогресса, выражающейся в убежденности людей в правильности, логичности информации, преподносимой как самоочевидная и объективная истина. Данная идеология основывалась на признании неизбежности движения по восходящей линии и, как следствие, приводила к своеобразному снятию с человека ответственности за социальные изменения.

Сторонники этого подхода полагают, что признание человеком релятивности и исторической изменчиво-

сти различных ценностных параметров, во многом детерминированные информационными воздействиями, делают человека более ответственным за свое социальное бытие, заставляют его осознавать свое личное, социальное деятельное соучастие в качестве логичного и необходимого.

Достаточно критическую позицию в отношении информационного воздействия на личность высказывают многие современные мыслители: З. Бауман, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Ю. Хабермас [5] и др. Ими отмечается, что обратной стороной беспредельной открытости и многоплановости информационного культурного поля, является отсутствие каких-либо элементарных границ, которое приводит к вседозволенности и нарушению личностно-свободного пространства, отсутствию какого-либо твердого основания для мировоззрения человека в нынешних условиях. Признание информационной реальности в качестве разветвленной, многомерной, безграничной, не может не вселять чувство потерянности и смятения перед лицом нескончаемого культурного релятивизма. Безмерные потоки информации, с которыми сталкивается человек в самых разных реалиях своего бытия, порождают в его сознании потерю смыслового основания, интеллектуальный диссонанс, не позволяющий разграничивать «подлинное» от «неподлинного», «фельетонную культуру» от «аутентичной культуры».

Как мы видим, влияние информации на личность исследуется многими теоретиками. К числу таких мыслителей, не потерявших свою актуальность, можно отнести и Э. Фромма, который в своих текстах («Бегство от свободы», «Здоровое общество», «Иметь ли быть» и др.) показывает зависимость человека от информационных установок общества и тех «иллюзий индивидуальности», которые представляются ему как естественно-личностными, а на самом деле являются детерминированными социокультурными предпочтениями и различными способами навязываемыми индивиду.

Фромм обосновывает следующую мысль: фактически любая сфера культуры пронизана информационным воздействием. Так, например, в рекламе, подчеркивает мыслитель, методы, которые в ней используются, в основе своей иррациональны, они не имеют ничего общего с подлинной сущностью предметов, «они усыпляют и убивают критические способности покупателя, как опиум или прямой гипноз... По сути дела, эти методы усыпления способности к критическому мышлению гораздо опаснее для нашей демократии, чем открытые нападки на нее; в смысле же воздействия на человеческую личность они гораздо безнравственнее непристойной литературы, издание которой наказуемо» [6. с. 114]

Все сказанное, по мнению Э. Фромма, имеет отношение не только к сфере обыденно-практической культуры, но и к культуре политической. Методы информационного воздействия, используемые в политической сфере, усиливают чувство ничтожности избирателя, так же как методы рекламы воздействуют на потенциального покупателя. Повторение лозунгов, акцентирование таких факторов, которые не являются существенными, — все это притупляет и нивелирует критические способности. «Ясное и рациональное обращение к его мышлению — это скорее исключение, нежели правило в политической пропаганде, даже в демократических странах. Сталкиваясь с размерами и мощью партий в том виде, как это изображено в их политической пропаганде, отдельный избиратель не может не чувствовать себя крошечным и ничего не значащим» [6. С.115]

Подобную критическую оценку информационного воздействия на человека мы встречаем и в работе более близкого по времени нам мыслителя Д. Соммера «Мораль XXI века» [7] Здесь культурное бытие рассматривается как источник дезинформации, переворачивающий сам смысл объективного понимания реальности. В книге автор показывает, что общество, в котором информация подменяется дезинформацией, превращает людей в примитивных ограниченных индивидов, а не культурных людей. Мышление человека все более запутывается и затуманивается, вместо того, чтобы просветляться. Мозг людей получает различные антиномичные послания, которые усиливают состояние деструктивности и не дают возможности объективно, непредвзято оценить тот или иной объект. Различные информационные структуры борются за сознание людей, и человеку ничего не остается, кроме как ментально принадлежать тому или иному продукту, идеологии, политической партии, но никогда не принадлежать самому себе.

Результат подобного воздействия оказывается амбивалентным: с одной стороны, налицо скептицизм и цинизм в отношении всего, с чем сталкивается индивид, с другой — наивное доверие ко всему, что говорится и предлагается. Подобное сочетание цинизма и наивности весьма типично для современного человека, результатом которого становится боязнь собственного мышления, ответственных самостоятельных решений и привычка скорее быть ведомым, чем самому вести.

На подобную тенденцию, происходящую с человеком в обществе, обращали внимание многие мыслители прошлого. С. Киркегор [8] описывал индивида, потерявшего самого себя, раздираемого мучительными сомнениями, находящегося в состоянии чувства потерянности и одиночества. Ф. Ницше наглядно показал приближающийся нигилизм, который поглотит европейское самосознание и станет нормой поведения человека [9]. Тема потеря-

ности и бессилия человека найдет свое воплощение в творчестве Ф. Кафки.

Анализируя воздействия информации на сознание человека, мы видим, что для человека, который получает информацию со всех сторон, все становится проблематичным и в то же время совершенно безразличным. Информация переполняет мышление, создавая принципиальную угрозу человеческому существованию. В этом контексте у человека должна была выработаться привычка в результате длительного многолетнего опыта уметь «работать» с поступающей для него информацией, сохраняя при этом свою психосоматическую целостность, не впадая в духовную дезориентацию. Это предполагало умение перманентного чередования главного и второстепенного, непрерывного изменения значимости сообщений, которые первоначально требуют максимальной сосредоточенности, а уже в следующий момент утрачивают свою актуальность и перестают быть объектом первоначального интереса. Причины подобного безудержного тяготения к информации, видятся в том (П. Слотердайт [10], У. Эко [11], и др.; и нам их позиция представляется наиболее близкой), что с начала Нового времени цивилизация оказалась в плену отношения к новостной информации. Эпоха Просвещения все больше и больше желала превратить мир культуры в полностью зависимый от новостей и информационных справок. И подобное осуществлялось с помощью двух взаимодополняющих феноменов — энциклопедии и газеты, позволяющих удовлетворить любознательность жадных до познания и до действительности индивидов. В конечном итоге, в процессе накопления разнопорядковых знаний, который длился не одно столетие, цивилизация была направлена вектором информационного потока, который сначала в XIX веке, а окончательно в XX, с безраздельным господством средств массовой информации, превращается в неудержимое течение, которое быстрее начинает нести человека, чем человек управляет им.

Как нам представляется, один из важных параметров, характеризующий и обозначающий сущность информационной сферы, раскрывает себя в проблеме коммуникации. Тотальное вторжение коммуникационных средств в жизнь человека и безграничное приближение к нему всех социокультурных событий самыми различными средствами коммуникационного воздействия (от телевидения до различных вариантов, предлагаемых интернет-пространством) приводит к утрате человеком своих индивидуальных качеств. То, что Бодрийар [12] расценивал, как утрату человеком способности воплощать свои личностные качества. Мы считаем, что вследствие бесконечного приближения средств коммуникации к отдельному человеку разрушается тайна, глубина его личной жизни, все выносится на поверхность,

приводя к полной прозрачности действующих лиц, в конечном счете, делая их «бестелесными». Все это лишает социальную жизнь параметра личностного выражения, проявления, при котором человек теряет выразительную способность, неповторимую индивидуальность и становится лишь передатчиком непрерывного потока информации, а в итоге приводит к опошлению, упрощению социокультурного бытия, в котором нет больше тайны коммуникационного выражения и проявления.

Обозначенная проблема не является новой для современного общества. У нее, так сказать, долгие, исторические социокультурные корни. Вот уже более столетия она варьируется в своих формах бытия и видения. Поэтому, для того, чтобы понять ее своеобразие, стоит обратиться к генезису проблемы, поскольку ее нынешняя актуальность напрямую связана с ее глобальными социокультурными установками.

Нам думается, что проблема социальной коммуникации в России, в Европе и в международных отношениях уже оформилась к середине двадцатого века. Не случайно она оказалась в центре внимания самых различных представителей духовной культуры. О ней заговорили в философии (например, в русской, как мы полагаем, чрезвычайно ярко о ней, с оттенком болезненности высказался Л. Шестов [13], когда говорил «о распаде связи времен» еще в своей «Философии трагедии»), в области сначала психологии, а затем и в философии (здесь имеется ввиду К. Ясперс с идеей коммуникации), в области художественной литературы (Ф. Кафка, Ю. Борген), в кинематографе (Ф. Феллини). Вариативный список можно было бы продолжать и далее. Уже сама полифоничность сфер осознания проблем коммуникации говорит сама за себя. Здесь уже не важно, в какой компоненте духовной культуры это происходит. Важно то, что это происходит в той или иной степени, но происходит всюду. А происходит это всюду, потому что это происходит во всех клеточках социокультурного бытия человека, начиная с межличностных отношений, кончая глобальными межгосударственными связями.

В свое время Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» [14] попытался выразить специфику этико-культурных связей человеческого общества, раскрывая основной смысл человеческого бытия через доминирование в личности стремления утвердить себя за счет другого. Утвердить любым образом: от морально-безобразного (Тоцкий и др.) — до убийства (Парфен Рогожин). Здесь не просто распадается «связь времен». Здесь распадается человеческая коммуникация, основанная на природных и нравственных связях. Обособленные эгоистические индивиды видят смысл жизни в доминировании только своего личностного бытия, когда бытие другого становится лишь средством для достижения этих целей.

Налицо картина перевернувшегося общества. Картина, где человеческая норма (князь Мышкин) представляется сумасшествием, патологией, а реальная практическая патология — духовной нормой. По сути дела, в конце уже позапрошлого века русский писатель раскрыл модель общества с поломавшейся, изувеченной человеческой коммуникацией.

Здесь следует отметить, что совсем скоро после выхода «Идиота» в свет начинается уже на исторической арене человечества свершаться нечто подобное: не только отдельные личности будут утверждать себя за счет других, а целые народы, государства будут стремиться господствовать за счет других народов и государств. Например, Германия, которая для немцев будет «превыше всего». В этой связи, сегодняшний государственный эгоизм вообще воспринимается как нечто априори присущее любому современному социуму: современная политическая коммуникация фактически превратилась в игру государственных, эгоистических интересов (США сегодня).

В этом контексте нынешняя философическая конструкция не является совершенно новой. Но она заостряет внимание на сложностях выбора интеллектуально нравственной позиции личности в море полифонизма текущей информации. И в этом ее значимость. Здесь вполне возможно задаться вопросом: «Информационное общество усиливает упомянутые отрицательные тенденции сложившейся коммуникации или противо-

стоит им?» Как нам представляется, онтологическая специфика коммуникации в информационном обществе неизменно порождает антиномичные противоречия. С одной стороны, коммуникация охватывает всю сферу практической деятельности человека в мире социума, в том смысле, что сама практика — это глобальная коммуникация, учреждающая пространство культуры и, стало быть, общественные отношения. Именно человек осваивает мир, именно благодаря ему мир реальности превращается в мир культуры. Свободный доступ к колоссальным объемам информации расширяет возможности его интеллекта, сферы познания, облегчая получение необходимой гносеологической информации, получение которой ранее предполагало значительные временные и пространственные затраты. С другой стороны, постепенно разрушаются традиционные связи, непосредственно личностные взаимоотношения индивида с другими людьми значительно уменьшаются, а увеличиваются контакты виртуальной, формальной коммуникации, в процессе которой человек обезличивается и теряет свою неповторимую индивидуальность, становясь мозаичным, файловым индивидом. Соответственно, определяющей проблемой информационного общества становится поиск нового способа взаимодействия личностного и социального в процессе коммуникации. Современное информационное общество еще находится в стадии своего развития и становления, поэтому процесс поиска новых смыслов и новых идеальных конструкций так же находится в процессе становления и определения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова О. И. Современное общество и место в нем человека. / О. И. Жукова // Вестник Томского государственного университета. № 300(1) 2007— с. 47–53.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман — М.: Логос, 2002. — 390 с.
3. Козловски П. Культура постмодерна / П. Козловски; пер с нем. — М.: Республика 1997. — 240 с.
4. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории; пер. с нем. — М.: Политиздат 1991. С. 288–420
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). — М.: Наука, 1992. — 176 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм — М.: Прогресс, с 269
7. Соммер Дарио Салас. Мораль XXI века / Дарио Салас Соммер — М.: Научная книга 2007с 442
8. Киркегор С. Страх и трепет. / С. Киркегор — М.: Республика, 1993 с. 383
9. Ницше Ф. Собр. Соч. в 2 т. Т. 1./Ф. Ницше; пер. С нем.-М.: Мысль, 1990 — с. 735
10. Слотердайк П. Критика цинического разума /П. Слотердайк; пер. с нем —Екатеринбург: У-Фактория, М.:2008. — с. 796
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию /Э. Эко — ТОО ТК «Петрополис», 1998. — с. 432
12. Бодрийяр Ж. Система вещей /Ж. Бодрийяр — М.: Рудомино, 1995. — с. 172
13. Шестов Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) /Л. Шестов — М.: Париж- «ИМКА-ПРЕСС». с. 245
14. Достоевский Ф. Полное собр. соч. В 30 т. Т. 8 /Ф. Достоевский — Ленинград «Наука» 1973 с. 509

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЧИСТОГО ИСКУССТВА

MODERN PHILOSOPHY IN THE THEORY AND PRACTICE OF PURE ART

Mu Ke

Summary. This article discusses the possible relationship between contemporary art and philosophy, their synthesis and points of contact. Some philosophical schools and the reflection of their ideas in contemporary art and its understanding and perception are also examined.

Keywords: art; philosophy; pure art; modern philosophy; connections; contemporary art.

Mu Ke

Аспирант, Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова
Ke.mu@yahoo.com

Аннотация. В данной статье рассматривается возможная взаимосвязь современного искусства и философии, их синтез и точки соприкосновения. Также рассмотрены некоторые философские школы и отражение их идей в современном искусстве и его понимании и восприятии.

Ключевые слова: искусство; философия; чистое искусство; современная философия; взаимосвязи; современное искусство.

Не существует единого мнения о том, связаны ли между собой искусство и философия. Некоторым кажется, что эти явления полярно отличаются друг от друга: в философии царит логика и рациональность, а в искусстве — эмоциональность и экспрессия. Однако, с другой стороны, искусство и философия тесно связаны друг с другом. Оба этих явления есть средство выражения внутреннего мира человека, его мыслей. Через призму философии и искусства человек выражает собственные переживания, неким образом перерабатывает происходящие с ним события и, в конечном счете, саму историю. Так, философия и искусство выражают настроения целого общества в тот или иной промежуток времени, помещенного в те или иные обстоятельства. С этой точки зрения искусство и философия являются своеобразным зеркалом умов, людского самосознания. Разве что философия оперирует изречениями, текстами, а искусство — формой и образом. Настоящее глубокое искусство всегда несет в себе некое философское наполнение, пытается донести мысль до зрителя. Без этой глубины искусство кажется чересчур декоративным, пустым. Философия в свою очередь не может не реагировать на искусство, так как каждое произведение — это событие, яркое явление проявления общественной мысли, которое безусловно интересно анализировать.

Прежде чем проследить взаимосвязи между современной философией и чистым искусством, следует более подробно остановиться на каждом из этих понятий.

Если мы обратимся к энциклопедическому словарю, то найдем следующее истолкование термина «чистое искусство»: комплекс миросозерцательных установок,

творческих принципов, эстетических представлений и вкусовых предпочтений, опирающихся на идеи самоценного искусства, его свободы от социальных запросов, общественных нужд, дисциплинарных назиданий морального, идеологического, политического характера и прочих нормативных факторов. Таким образом, мы видим, что чистое искусство по своему определению есть максимально свободное выражение чувств человека, создающего некий образ. Художник, скульптор, архитектор — у всех них нет четкой цели в процессе творчества, они ничем себя не ограничивают и творят только ради самого акта творения.

Как законченная эстетическая концепция «чистое искусство» появилось в XIX веке во Франции. Само собой, это явление прослеживалось в искусстве и ранее, но лишь эпизодически. Некоторые тезисы данной эстетической концепции подлежали рассмотрению в работах Г.Э. Лесси («Лаокоон»), И. Канта («Критика способности суждения»), Ф. Шилле («Письма об эстетическом воспитании»), Т. Готье. В основном данные философы приходят к единой точке зрения на то, что, следуя принципам чистого искусства, художник целиком отрекается от приземленной будничной суеты общества.

Под современной философией мы понимаем философские идеи и течения XX–XXI веков. Возникшие к середине XX века новые течения в философии неразрывно связаны с промышленным прогрессом, сменой настроений общества, историческими событиями, потрясшими весь мир. Новые идеи были реакцией на политику тоталитаризма, ставшей распространенной в ряде стран Европы. После тотального контроля и отсутствия личной жизни, свободы творчества и выбора, страха перед

всевидящим жестким правительством, люди будто оказываются в новом мире. Итогом этого стал новый поиск ответа на вопрос о месте человека в обществе и в мире.

Так, на середину XX века приходится расцвет экзистенциализма, яркими представителями которого являются Альбер Камю, Жан-Поль Сартр и Карл Ясперс. Концепции этих философов, конечно, различны, однако их объединяет выявление проблемы специфики человеческой реальности, вопрос понимания человеком самого себя и своего положения в мире. Одним из самых актуальных философских течений в XX веке становится герменевтика. С точки зрения герменевтики, единственно ценным и доступным является мир человеческого общения. Язык образует в нем культурные ценности и истолковывает все составляющие культуры. Этим герменевтика перекликается с аналитической философией, которая своей целью ставила поиск идеального языка, абсолютного средства понимания социума как целого, так и его частей — отдельных личностей. Все эти течения являются своего рода реакцией на события XX века, когда жизнь людей полностью контролировалась государством, когда войны настраивали друг против друга целые нации, а материальные ценности подменили духовные. Люди стали стремиться к свободе, единению и поиску своего места в жизни. Да и в принципе к жизни ради жизни.

Мы же сегодня живем в обществе постмодернизма, где главной ценностью является информация, а поиски идеалов признаны бессмысленными, так как совершенства и абсолюта не существует, а технический прогресс вовсе не решает социальные проблемы. Целью постмодернизма является борьба с любыми проявлениями диктатуры, освобождение литературы, искусства и науки от всяческих стандартов. Постмодернизм отвергает ценности классической философии и отрицает важность и обязательность некой высшей цели. Все в постмодернистской теории свободно, ничего никому не должны, и лишь от каждого отдельного индивида зависит его положение в мире. Именно философия постмодернизма более всего перекликается с концепцией чистого искусства.

Современное искусство в полной мере откликается на философию постмодернизма. Оно начало формироваться со времен окончания Второй мировой войны и продолжает этот процесс до сегодняшнего дня. Современное искусство включает в себя невероятно большой диапазон различных техник, который объясняется не только техническим прогрессом, но и процессом познания человека самого себя, своего самоопределения и места в обществе и мире. Темы произведений современного искусства также весьма обширны, так как любое творение откликается на совершенно любые проявления деятельности человека. Современное искусство

зачастую не стремится быть однозначно понятным или стать средством донесения какой-либо конкретной мысли или идеи. Оно как никогда свободно от контроля государства, норм морали, этики или чьих-то убеждений. Однако работы многих современных художников все чаще начинают остро реагировать на проблемы социума, стараются привлечь на них внимание зрителя. Некоторые художники освещают проблемы внешней и внутренней политики государств, преподносят в неприглядном виде поведение общества потребления, высмеивают общественные пороки. В таких случаях искусство вновь обретает цель ненарочито привлечь внимание общества на существующие в нем проблемы, чтобы, вероятно, побудить людей начать что-то менять.

Вернемся все же к искусству во имя искусства. Среди множества разнообразных течений в искусстве сегодняшнего дня, выделяется одно направление, которое в оригинале так и называется — Art for art. В этом направлении в основном работают европейские и американские художники, используя разнообразные технические и стилевые решения. Объединяет их общая идеология, строящаяся на самоценности предмета искусства, который есть результат самовыражения и чистого творчества. Сторонники этого направления расценивают произведение искусства как свободный от личности его автора законченный и самодостаточный результат творчества. Они отвергают влияние важности имени художника на ценность произведения, так как оно по определению уже самоценно. Таким образом, направление Art for art базируется на принципе анонимности, неразглашения имен авторов произведений. Сторонники этого направления не разглашают свои реальные имена, скрывая их за псевдонимами, следовательно, давать оценку их творчеству можно непосредственно по их работам. Так современная философия находит свое отражение на практике — люди создают произведения искусства не ради славы, успеха, достижения целей морализаторства, воспитания или пропаганды. Они создают свои работы, чтобы попросту творить, а также с целью преодолеть некую элитарность искусства и постараться вернуть ему прежнюю чисто эстетическую функцию.

Как термин «Art for art» появился после выставки современного искусства в Монако в 2016 году. Но следует помнить, что само течение образовалось в современном искусстве значительно раньше. К этому направлению можно отнести следующих художников: Гарри Карлсон, Джон Атвуд, Берта Делизи, Элис Циммерман, Патрик Дюшан и некоторых других. Течение Art for art близко к таким направлениям современного искусства, как стрит-арт, видео-арт, перформанс.

Одним из ярких представителей чистого искусства на сегодняшний день является художник Бэнкси, кото-

рый абсолютно следует принципу анонимности, оставляя при этом свои замечательные стрит-арт работы почти по всему миру. Творчество Бэнкси направлено против политики, войны, капитализма и морализаторства. Оно высмеивает современные ценности общества, относится к ним с грустной иронией, а иногда — со злым сарказмом.

Невероятно трудно четко разграничить философию и искусство — два способа осознания человеком своего места в мире. Интуиция свойственна и философии, и искусству, однако в философии это будет интуиция разума, а в искусстве — интуиция эмоций и чувств. Также искусство и философия безусловно связаны между собой, так как достаточное количество философских трудов так или иначе ссылаются на произведения изобразительного искусства, чтобы проиллюстрировать те или иные примеры образов мысли и действий людей. Искусство, безусловно, также испытывает необходимость в философии, которая служит средством осмысления не только частных работ, но и целых методов художественных практик, которые применяют те или иные художники.

С этой точки зрения мы можем расценивать искусство как практику для философии, а философию, в свою очередь, как теоретическую базу искусства.

Искусство и философия — взаимодополняющие дисциплины, которые дополняют друг друга и способствуют процессу самопознания и самосознания человека. Особенно ярко мы можем наблюдать за их “совместной работой” в периоды истории, связанные с изменением общего культурного фона социума. Так, например, переход от классической культуры к такому направлению как модерн был сопряжен со значительным влиянием, которое на общество оказывали новые радикальные философские идеи и художественные образы. То же самое происходит и сейчас. Общество постепенно начинает осознавать свои внутренние проблемы, обращать на них внимание, давать анализ своим действиям. Это сопровождается провокационными произведениями современного искусства, создатели которых не боятся иронизировать и как можно более нарочито выставлять пороки общества напоказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин. В. А. Эстетика. Энциклопедический словарь. СПб., 2005.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965.
3. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
4. Рыков А. В. Происхождение и философские основы современного искусства. СПб., 2009.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого. М., 1953.
6. Яскевич Я. С. Вязовкин В. С., Гафаров Х. Основы философии. Минск, 2011.

© Му Кэ (Ke.mu@yahoo.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова

ЭЛЕМЕНТЫ ОНТОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ: «ДЕМОН СОКРАТА», «ДЕМОН ЛАПЛАСА», «ДЕМОН МАКСВЕЛЛА», «ДЕМОН ГЕГЕЛЯ» И ИХ ИНВАРИАНТЫ, КАК ПРИЗНАКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОДНО-, ДВУХМЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ (ЭЛЕМЕНТЫ РЕГРЕССА ЛИЧНОСТИ)

Николов Никита Олегович

*Доктор философии, ГБУ ДПО «Челябинский институт
переподготовки и повышения квалификации работников
образования»
nikolov_1989@mail.ru*

**PERSONALITY ONTOLOGY ELEMENTS:
“DEMON OF SOCRATES”, “DEMON
OF LAPLACE”, “DEMON
OF MAXWELL”, “DEMON OF HEGEL”
AND THEIR INVARIANTS, AS EVIDENCE
OF FORMATION OF ONE-,
TWO-DIMENSIONAL MODELS
OF PERSONAL BEING (ELEMENTS
OF PERSONALITY REGRESSION)**

N. Nikolov

Summary. It is found that the application of the concepts “demon” to the person around the world indicates the belonging of the person and / or location of the surrounding world, part of the universe, the form of the universe to a one-, two-dimensional model (limited, degradative). The concept of “demon G. F. Hegel” is introduced. It embodies in his works an absolute spirit. A new concept is also a non-trivial innovation: demon of Buddha, since there is a regressive basis for mixing the being of the soul and spirit into a single semantic and physical conglomerate, allowing the presence in the personality of spirit-deities, demons in the philosophical system of Buddhism. These “agents” of nonexistence are trying to replace the missing perimeters (locations of letters-symbols) of soul body. We understand the soul as the letter emanation of the word in our methodological approach. Its general form is seen in the form of a three-dimensional dodecahedral structure of 12 faces (ц, ж, е, щ, я, ю, и, й, ё, ь, ъ, ы) and 3 faces in 4 dimensions (letter “л”, letter “а” is glagolitic, letter “с” is glagolitic). This description of the soul takes into account the work of Plato (first-class Universe), the work of V. V. Nalimov about the unified nature of the physical and semantic field, as well as the work of A. A. Sviridov with the theory of the alphabet plans of the languages of the world. Moreover, 12 facets, including those formed by mobile octahedra (the «fiery based body of the soul»), the total number of which is 8 units are included. This model of the soul, together with the body and spirit of the individual, is a three-dimensional model of personal being. If there is lack of the semiosphere in the linguistic plans, even one of the facets of the soul (the geometry of the 12 letter individuals considered above), the structure of the soul collapses to its center of gravity (see the selected methodology that takes into account the theory of the superuniform field of V. V. Nalimov). The process of collapse (collapse of the volume of the soul) aligns the personality qualitatively and quantitatively within

Аннотация. Обнаружено, что применение по отношению к личности, окружающему миру понятий «демон» указывает на принадлежность личности и/или локации окружающего мира, части Вселенной, вида Вселенной к одно-, двухмерной модели (ограниченной, деградиционной). Вводится понятие «демон Г. Ф. Гегеля», который в его работах олицетворяет собой абсолютный дух. Нетривиальным нововведением является и новое понятие «демон Будды», так как в философской системе буддизма имеется регрессивное основание для смешения бытия души и духа в единый семантический и физический конгломерат, допуская присутствие в личности духо-божеств, демонов. Данные «агенты» небытия пытаются заместить недостающие периметры (локации букв-символов) тела души. В нашем методологическом подходе душу мы понимаем, как буквенную эманацию слова. Её общая форма усматривается в виде трёхмерной додэкаэдрической структуры из 12 граней (ц, ж, е, щ, я, ю, и, й, ё, ь, ъ, ы) и 3 граней — в 4 измерении (буква «л», буква «а»-глаголическая, буква «с»-глаголическая). Данное описание души учитывает работы Платона (первотела Вселенной), работы В. В. Налимова о единой природе физического и семантического поля, а также работы А. А. Свиридова с теорией азбучных планов языков мира. Причём 12 граней, в том числе формируются подвижными октаэдрами («огненное первотело души»), общее количество которых 8 единиц. Данная модель души совместно с телом и духом личности составляет трёхмерную модель личностного бытия. При отсутствии в языковых планах той или иной семиосферы даже одной из граней души (геометрий 12 буквенных индивидов, рассмотренных выше) структура души коллапсирует к своему центру тяжести (см. выбранную методологию, учитывающую теорию сверхъединного поля В. В. Налимова). Процесс коллапса (схлопывания объёма души) выравнивает личность качественно и количественно в пределах моделей одно-, двухмерного бытия Вселенной. В рамках данных моделей личность герметично замкнута на в-себе-бытие и не защищена от наращивания в себе массива даймониев=демонов Сократа, Максвелла, Лапласа, Гегеля и т.д. (см. структуру мандал буддизма, самозамкнутую модель Космоса Платона, христианский концепт конца 17–18 вв.: «Лабиринт духовный», также имеющий традицию быть изображённым с 11 «дорожками-уровнями» и с одним входом, без выхода).

Ключевые слова: «демон Будды», «демон Сократа», «демон Лапласа», «демон Максвелла», «демон Г. Ф. Гегеля», одно-, двухмерные модели личностного бытия.

the models of one-, two-dimensional existence of the universe. Within the framework of these models, the personality is hermetically sealed to the self-being and is not protected from building up an array of daimonies = demons of Socrates, Maxwell, Laplace, Hegel, etc. (see the structure of the mandalas of Buddhism, the self-enclosed model of the Space of Plato, the Christian concept of the end of 17–18 centuries: “spiritual labyrinth”, also having the tradition of being depicted with 11 “level tracks” and one entrance, without exit).

Keywords: “demon of Buddha”, “demon of Socrates”, “demon of Laplace”, “demon of Maxwell”, “demon of G. F. Hegel”, one-, two-dimensional models of personal being.

Раскрывая замысел работы, уточним, что трансцендентные объекты вида «демон» выбраны по категориям, описывающих сущность одно-, двухмерных моделей бытия Вселенной и им конгруэнтных моделей личностного бытия. При этом понятие конгруэнтности рассматривается в рамках гуманитарной сферы исследований работ К. Роджерса и используемых им категорий «конгруэнтность-неконгруэнтность». Данные категории отражают соответствие или не соответствие «Я-концепции» человека своим реальным переживаниям. В работе понятие «демон», как часть субъекта физико-химических экспериментов осмысливается относительно понятия «система»: системы бытия мира, личности. То есть, в некоторых случаях (демон Лапласа, Максвелла) данный субъект будет интерпретирован в рамках онтологии как признак самозамкнутых и ограниченных и на физическом уровне систем, и в мире идеалистических систем (самозамкнутых на-в-себе-бытие объективаций абсолютного духа). Ранее на примере модели Космоса древнегреческого мыслителя Платона показывался универсальный пример одно-, двухмерных (самозамкнутых на-в-себе бытие) моделей мира, порождающих в свою очередь одно-, двухмерные модели личностного бытия. Подобные модели (одно-, двухмерные) для мира идеальных вещей мы вслед за работами А. А. Свиридова будем называть парадуховными.

Относительно понятия «Демон Сократа» или «Даймоний Сократа» (греч. δαιμονιον — «божественное») [17, S. 12.] высказывались многие учёные (Ксенофон, Платон, Цицерон, Плутарх, Апулей, Г. Ф. Гегель, К. Маркс). Их суждения относительно данного феномена достаточно схожи. Достаточно общей его характеристикой являются определения — «интуитивное прозрение», «совесть», «божественный голос». И никто из них не попытался уточнить, что это прямой признак наличия в языковой личности Сократа одно-, двухмерной модели личностного бытия, отрицающей душу и возвеличивающей абсолютный дух.

Попытаемся рассмотреть это явление с позиции семантики слова «δαίμονιον» в рамках текстуальности дренегреческого языка. В рамках моремфы «δαίμον-» (δαίμονικός, δαίμόνοον τό, δαίμόνιος, δαίμονι-ώδης) мы встречаем следующие варианты языкового бытия, которые могли завладеть Сократом: божество, бес, злой гений и т.д. [3, С. 338–339]. Используя понятия квантовой механики это явление можно пояснить, как «суперпозиция» (в данном случае двухмерного, парадуховного объекта), характеризующееся смешанным, двойственным состоянием объекта — неопределённой вероятностью. По итогу в рамках языковой материи текста древнегреческого языка невозможно точно определить, кем является объект в данное время — бесом или божеством. Относительно данной реалии языкового мышления, рефлексии мысли достаточно определённо высказался М. Ямпольский, что это показатель раздвоения личности (диссоциативное расстройство идентичности) [15]. Одним из вариантов подобного расстройства в американской психиатрической науке признавали и факты одержимости человека бесами, духами [16].

Получается, что цепочка сменяющих друг друга «масок» «Даймона-демона» Сократа это проявление абсолютного духа, перемешивающего до неразличения в рамках языковой материи речи древнегреческого языка онтологию «души» и «духа».

Демон Лапласа, в своей имманенции — это мысленный эксперимент; в своей трансценденции — это абсолютный дух. Относительно одно-, двухмерных моделей бытия Вселенной он олицетворяет принцип конечности Вселенной, её тупиковости. Объясняется это самой сутью данной сущности, т.к. она выходит из небытия только в рамках одно-, двухмерных моделяей бытия Вселенной, управляемых телами Абсолюта (тела Платона, все разновидности символов семиотических систем 19 европейских языков, символов иероглифов китайского, японского, корейского языков и иврита). Ранее установ-

ливался факт описания космологической моделью Платона конечной Вселенной, Вселенной-войда.

Демон Максвелла в своей имманенции — этом мысленный эксперимент; в своей трансценденции — демон абсолютного духа. В этом определении учитывается семантика греческого языка: греч. *daimon*, от *daio* — жечь, сжигать [13].

В первом случае (демон Лапласа) мы использовали определение понятия «демон», согласно Историческому словарю галлицизмов русского языка и латинско-русского словаря И.Х. Дворецкого [4, С. 285; 6], так как в этом определении сходится феноменология семантического и онтического «склеивания» бытия духа и души, божественного и ктонического, что характерно для феноменологии абсолютного духа.

Во втором случае (демон Максвелла) мы использовали семантику греческого языка, так как смысловое выражение демона в системе мысленного эксперимента Максвелла граничит с управлением уровнем энтропии. В замкнутых системах, к которым мы вслед за работами А.А. Свиридова относим одно-, двухмерные алфавитные системы, одно-, двухмерные галактические системы, одно-двухмерные атемпоральные модели бытия Вселенной, при наличии демона Максвелла энтропия по окончании эксперимента не возрастает, а наоборот убывает. При этом система переходит на принцип организации материи — симметричную равновесность своих элементов. В рамках философии идеализма этот физический эффект подобен имманентному и трансцендентному лику абсолюта, который через свою саморефлексию и движение к абсолютному духу вынужден проходить состояния Ничто-бытия (очень ёмко этот процесс описал ранее Г.Ф. Гегель [1]). Таким образом, дух буквально сжигает, изнуряет себя своей пустотой без феноменологии души.

Приступая к описанию «демона Г.Ф. Гегеля» скажем, что этот термин применяется впервые и вводится для описания трансцендентальной сферы духа абсолютного. Имеется ввиду, что в данном случае совпадение семантической и онтической составляющей феноменологии демона-духа подобно феноменологии демона Максвелла. Демон Г.Ф. Гегеля — абсолютный дух в своём становлении — «Идея-Природа-Дух» убивает, сжигает, поглощает душу. Душа в рамках семантики слова «geist» (нем.), а точнее её буквенный периметр в рамках немецкого языка служит сырьём для выстраивания дефляционного бытия духа абсолютного. По факту научные работы по феноменологии духа с 1805 по 2018 г. «деликатно» умалчивали данное обстоятельство. До 1954 г. (введение в науку гипотезы Сепира — Уорфа) факт лингвистического детерминизма не воспринимался сколько-нибудь значительно. Однако вплоть до 1999 г. (создание теории азбучных планов) системно разложить мысленный акт

различения бытия духа и бытия души в рамках буквенных периметров того или иного языка не удавалось никому. Предложенная А.А. Свиридовым методология трёхуровневости языков мира и её онтологические следствия сегодня чётко показывает [12], что гений Г.Ф. Гегеля — «демон Гегеля» это конечно гений, но в рамках категорий особенного и единичного. Более того, его теория подтверждает правоту Г.Ф. Гегеля об абсолютном бытии духа, но только в рамках мышления немецкой языковой личности и одновременно указывает, что явление духа — это:

- 1) это числовая эманация цифры, отражающей бытие самосознаний интеллекта, ума;
- 2) объект трансценденций интеллекта, ума в рамках в-себе-бытия;
- 3) переходный агент идеализма для познания архетипов сознания души, выстроенной в рамках периметров букв-символов (13 архетипов души: ц — ж, е, щ, я, ю, и, й, ё, ь, ы, ь + л).

Своё бытие через многомерный интертекст «текст в тексте текста» данная матрица души в свою очередь раскрывает посредством кумуляционного принципа. К примеру, кумулятивный принцип изложения текста ранее использовался древнегреческим поэтом Гомером для показа стремления Одиссея (обобщённый образ человека) найти себя в кажущейся для читателя непоследовательной цепочке событий, и найти свою душу, своё предназначение. Данного понимания ассиметрично-выстроенной поэмы «Одиссея» придерживался Элиаде Мирча.

Описывая онтологию понятия «демон Будды» обратимся к идеалистическим первотелам, складывающимся и личностное бытие, и бытие мира. В рамках двухмерной культуры буддизма первоэлементы стихий стали основанием для порождения огромного количества духов, демонов, местных божеств. То есть в рамках буддизма тела данных трансцендентных объектов сложены из первотел абсолютного духа. Однако этим мы показываем, что феноменология души обрушивается в рамках буддизма и заменяется огромным количеством демонов-духов, так как первотела в рамках философии буддизма опираются даже не на структурность своего алфавитного плана, а опираются на феноменологию стихий, являющихся следствием онтологии буквы-символа, первотекста бытия от бога-души.

То есть материальный и идеальный субстрат личности, складываясь из четырёх основных элементов (махабхута (санскр. महाभूत, mahā-bhūta IAST, «первоэлемент»)) [10], образуя первый скандх — рупу (форму) из тел абсолютного духа приходит по итогу к архетипическому образу пустоты. Иначе к Ничто бытия — к пятому основанию личности Будда Вайрочана, также Махавайрочана (санскр. वैरोचन, Vairocana IAST, тиб. ལྷན་པར་སྤྲུང་མཛེད།, «Будда Великое Сияющее Солнце»).

По итогу в рамках «личностного роста» в буддизме содержатся признаки её деградации. Одним из таких признаков является факт нагромождённости трансцендентной формы сознания носителя философии буддизма феноменологией духо-божеств — демонов. При этом демоны и «высшие божества буддизма» не различают себя друг от друга, так как заявленная «мера различения» в виде пятого основания личности Будда Вайрочана не разводит на уровне сознания — отличие духа от души, абсолютного духа от божественной души. Вследствие этого число демонов данной культурной традиции вырастает до 84000 видов, получающих своё бытие, своё описание.

Стоит отметить интересный факт, что сознание человека принципиально может состоять из знаний меры различения и знаний меры различия. Однако подвижность, живость сознания, полностью зависящее от меры различения [14], в философии буддизма по итогу отсутствует. Имеющееся бытие первоэлементов духа-абсолюта, обращающихся в сферических и самозамкнутых космо-моделях бытия буддизма приводит к норме образования штаммов демонов-духов, внедряемых через языковое мышление тибетского языка и пали (потомок древнеиндийского языка) в одно-, двухмерную модель личностного бытия.

Сиддхатха Готама (основатель религии буддизма), в рамках языкового мышления санскрита, который в свою очередь считается близким по фонетической составляющей русскому языку и имеющий 36 фонем, не смог вывести формулу трёхмерной модели личностного бытия. Первотела души в рамках гласных фонем большей своей частью отсутствовали в языке санскрита (13 букв-символов, встречающихся на данный момент только в русском языке), поэтому свободные места структуры души стали заполняться штаммами демонов-духов, формируя основания одно-, двухмерной модели личностного бытия. Поэтому закономерно в рамках нашего методологического подхода говорить по аналогии с «даймонием-демоном Сократа» и о феномене «демона Будды».

Подобный феномен сегодня весьма негативно проявляется, к примеру, в Японии. Современные авторы недвусмысленно отмечают «норму» для культуры Японии в виде образов «женщины-демона», отмечая явную спекуляцию наделяния женщин дьявольской сущностью в буддизме и синтоизме [8]. Собственно Япония не учитывает таким образом опыт средневековой Европы, которая через одно-, двухмерную культуру христианства почти уничтожила элементы эстетики прекрасного в габитуальных чертах женщин стран Европы уже в современном мире. Также применение подобных «культурных», религиозных «норм» подвело страны Европы

на законодательно-латентное отношение к её биологическому вымиранию в виде конституционных норм однополых браков.

Оценивая онтологию даймония-демона Будды, стоит отметить, что в рамках риторики христианских религиозных трактатов с подачи Иеронима Стридонского Иисус впервые был уравниён через образ «рассветной звезды» (Отк. 22:16; 2Пет. 1:19) с Сатаной. Именно Иероним Стридонский обобщил понятие «утренней звезды», Люцифера и Сатаны. То есть, один из апологетов христианства практически добровольно на долгие годы ввёл понятие демона Иисуса из Навина.

Современные исследования, пытающиеся раскрыть онтическую специфику понятия «демон», цитируя труды Апулея, Дж. Льюиса только погружают онтологию смешения ктонического и божественного — в эстетику прекрасного (показывая порой его неким «героем» [11]). То есть придают феноменологии, и онтологии демона даже некой необходимости присутствия в личности, в мире [9]. Данная тенденция, вобщем-то, фиксирует широкую укоренённость философии, культуры одно-, двухмерности, которую справедливо критиковали Г. Маркузе, Н. Бехтерева, а сегодня А. А. Свиридов. Также данная тенденция указывает на тотальную идеализацию онтологии одно-, двухмерной модели личностного бытия, которая допускает своё бытие без души, но с заменой личности «гениями-демонами духа».

Таким образом, подводя итог физическим, идеалистическим феноменам «демона-даймония» справедливо будет отметить его деградационную сущность, показывающая принципиальную конечность либо модели личностного бытия (одно-, двухмерной), либо модели бытия Вселенной (одно-, двухмерной).

Феномен личностного демона нами относим к одной из разновидностей духа-абсолютного, который в рамках в-себе-бытия не имея доступа к знаниям меры различения (в буддизме этому уровню лишь внешне относится Будда Вайрочана) не может оживить геномом первотел души (структурой души) её сознание.

Так, к примеру, о внутреннем мире демона поэт М. Ю. Лермонтов в формате баллады (восточной повести «Демон») отмечал его восприимчивость к улавливанию голоса души,
*«Немой души его пустыню
 Наполнил благодатный звук — »* [7, С. 378].

Однако по сути это демонстрация семантического вакуума онтологии текстов души, весьма разреженной концентрация её смыслов в рамках структуры сознания демона личностного бытия.

Обобщая понятие демона личностного бытия через –
 1) литературную прозу — «Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!» [7, С. 506] (М. Ю. Лермонтов о демоне),
 2) народную прозу, конгруэнтную литературной — «Ни богу свечка, ни чёрту кочерга», «ни рыба, ни мясо (ни кафтан, ни ряса)» [2, С. 226, 412]),

3) семантические данные об онтологии демона личностного бытия (одновременно и дух, и бог, и дьявол) [4, С. 285].
 – его сущность, при относительно «сглаженной»/воспетой философией двухмерности феноменологии, можно описать понятием М. Хайдеггера — «ничтожность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. Ф. Лекции по истории философии, кн. 2. — В кн.: Гегель, Сочинения, т. 10. — М., Партиздат, 1932. — С. 66.
2. Даль В. Пословицы русского народа. Том 1. — М.: Художественная литература, 1989. — 431 с.
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий; в 2-х томах, Т. 1. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958 г. — 1043 с.
4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50~<000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., «Русский язык», 1976. — С. 285
5. Домахина Н. М. Эстетика демонического в русской художественной культуре XIX — начала XX веков: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Н. М. Домахина. — Санкт-Петербург, 2007. — 199 с.
6. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва: ЭТС, 2010. — 5140 с.
7. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4-х томах: Том 2. Поэмы, 2-е изд., испр. и доп. — Подгот. текста, примеч. А. Н. Михайловой и др. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. — С. 378.
8. Мунипов А. Ю. Тема Смерти в японской массовой культуре: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / А. Ю. Мунипов. — Москва, 2002. — 192 с.
9. Орлова Е. В. Нерелективные формы познания в контексте творчества Даниила Андреева: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Е. В. Орлова. — Архангельск, 2003. — 209 с.
10. Розенберг О. О. Атомистика и «великие элементы» («махабхута») // Проблемы буддийской философии. — Петроград: Издание Факультета Восточных языков Петроградского университета, 1918
11. Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.03 / А. А. Плотникова. — М.: Изд-во «Индрик», 2004. — 768 с.
12. Свиридов А. А. Русский фундаментализм. Азбука масштабных перемен: собрание сочинений. Т. 11: Родословие к человеку Книга РОДЪА. — Москва; Челябинск: Искра-Профи, 2012. — С. 188.
13. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А. Н. Чудинов. — СПб.: Издание книгопродавца В. И. Губинского, Типография С. Н. Худекова, 1894. — 1004 с.
14. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
15. Ямпольский М. Б. Демон и лабиринт: диаграммы, деформации, мимесис // Новое литературное обозрение. — 1996. — Т. 7. — С. 82–116.
16. Betty S. The Growing Evidence for Demonic Possession: What Should Psychiatry's Response be? // Journal of religion and health. — 2005. — Т. 44. — №. 1. — С. 13–30.
17. Edgar Zilsel. Die Entstehung des Geniebegriffes: Ein Beitrag zur Ideengeschichte der Antike und des Frühkapitalismus. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1972. — S. 12. (нем.)

© Николов Никита Олегович (nikolov_1989@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

ONTOLOGICAL IDEAS OF THEORETICAL PHYSICS

**M. Openkov
N. Tetenkov**

Summary. The article considers the goals and objectives of theoretical physics, as well as the possibility of creating a language to describe physical reality. Quantum computer science claims that quantum computer will allow to create such a language, and this will lead to a revision of the fundamental aspects of quantum mechanics. We are faced with a dilemma: for a quantum computer will be built, or it turns out that quantum mechanics is incomplete, which will lead to a revision of views on physical reality.

Keywords: theoretical physics, physical reality, quantum mechanics, quantum computer.

Опёнков Михаил Юрьевич

*Д.ф.н., профессор, Северный (Арктический)
федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
kotobarz@gmail.com*

Тетенков Николай Борисович

*К.ф.н., доцент, Северный Арктический федеральный
университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
tanibo@yandex.ru*

Аннотация. Статья рассматривает цели и задачи теоретической физики, а также возможность создания языка, позволяющего описать физическую реальность. Квантовая информатика утверждает, что квантовый компьютер позволит создать такой язык, и это приведёт к пересмотру фундаментальных аспектов квантовой механики. Мы оказываемся перед дилеммой: либо квантовый компьютер будет построен, либо окажется, что квантовая механика неполна, что приведет к пересмотру взглядов на физическую реальность.

Ключевые слова: теоретическая физика, физическая реальность, квантовая механика, квантовый компьютер.

В начале двадцатого века теоретическая физика, входившая в философский факультет, выделяется из него в качестве самостоятельной науки.

Задачи, которые теоретическая физика поставила перед собой в качестве самостоятельная наука можно определить, как 1) индуктивная: открывать фундаментальные законы конкретных областей физической реальности, исходя из результатов частных опытов; 2) дедуктивная: исходя из фундаментальных законов, попытаться описать поведение физических систем и предсказать результаты конкретных экспериментов.

Одной из основных особенностей теоретической физики является высокая степень использования ею математики, тем не менее теоретическая физика не является разделом математики, так как математика ограничена только требованиями логической определенности и непротиворечивости, а физика приходится беспокоиться о соответствии вводимых понятий физическому объекту, а не об удобстве рассмотрения или логической стройности.

Исходя уже из этих предпосылок, можно сказать, что теоретическая физика, будучи по методу точной наукой, тем не менее по преимуществу естественная наука по предмету и целям исследования.

Для теоретической физики математика — это вспомогательное средство, от которого не следует ждать большей точности, чем точность исходных предпосылок. Так

как объект исследования сложен, теоретическая физика конструирует модели, в которых сохраняются только его основные характеристики и которые абстрагируются от не существенных для рассматриваемого явления деталей: так в физике используются абстрактные понятия «абсолютно черное тело», «несжимаемая жидкость», «материальная точка» и т.д.

Существуют и другие точки зрения по этому вопросу: так академик В. И. Арнольд считал, что математика — это часть теоретической физики, где эксперименты дешевы, а математика для него — часть физики, то есть экспериментальная наука [1].

Поль Дирак утверждал, что физик никогда не должен опираться на физическую интуицию, так как интуиция — имя для предвзятых мнений. Для Дирака, правильный путь заключается в том, чтобы взять математическую теорию и последовательно развивать ее к возможно наиболее важным моделям, а сами физические законы должны обладать математической красотой.

Грядущие изменения будут настолько значительными, что способностей человеческого ума может оказаться недостаточно для открытия новых идей. Именно такие идеи совершенно необходимы для того, чтобы, исходя из опытных результатов, попытаться сразу же сформулировать их в математических терминах.

Самый эффективный метод — это использование всех ресурсов чистой математики для усовершенство-

вания и обобщения математического формализма, образующего настоящую основу теоретической физики. Лишь добившись успеха в этом направлении, следует стремиться истолковать новые математические аспекты теории в терминах физических сущностей [2].

В качестве примера различия между физическим и математическим подходами можно привести поучительную историю из отечественной науки. Академик Я.Б. Зельдович выпустил книгу «Высшая математика для начинающих физиков и техников». В своей книге Зельдович определял производную функции как *«величину отношения приращения функции к приращению аргумента в предположении, что последнее мало»*. Известный алгебраист, академик Л.С. Понтрягин, был возмущен полным исключением понятий теории пределов и значительной части логического обоснования математического анализа. Ответ Зельдовича состоял в том, что физиков всегда интересуют конечные приращения, а не абстрактно-математический предел. Делать приращения аргумента в пределах планковских масштабов величин — это явное превышение точности модели. Структура физического пространства / времени на столь малых интервалах не соответствует математической теории действительных чисел в силу квантовых феноменов. В любом реальном применении теории следует учитывать то, меньше чего не следует делать приращения, чтобы результаты теории соответствовали эксперименту [3].

Апелляция к интуиции также является одной из особенностей теоретической физики, так как подбор модели — это чаще всего не логическое, а интуитивное действие, что и определяет значение интуитивного мышления в теоретической физике.

Особое место в теоретической физике занимает приближенное рассмотрение. Математические вычисления для физических предсказаний очень сложны, и речь может идти лишь об их приближенном решении. Проверить оправданность приближения не всегда удается, так как для этого требовалось бы обладать точным решением. Кроме того, при чрезмерном увеличении точности рассматриваемые величины вообще могут исчезнуть.

Значит, существование подобных величин или функциональных зависимостей имеет приближенный характер.

Находясь на переднем крае своей науки, физики-теоретики не стремятся сразу описывать какую-либо опытную реальность, но действуют методом свободного мысленного эксперимента. Это напоминает философию «как если бы...» (als ob...).

Результатом таких поисков является построение теоретических моделей, которые сначала достаточно да-

леко от того, что физики готовы признать реальностью, примером может послужить судьба теоремы Янга-Миллса (1954).

Идея Янга и Миллса заключалась в том, что вращение изотопического спина соответствует превращению нейтрона в протон и обратно, но при отсутствии электромагнитного поля это вращение никак не влияет на характер взаимодействия, и только включение этого поля позволяет различить нейтрон и протон. Значит, сильное взаимодействие инвариантно относительно изотопических вращений.

В первоначальном варианте теория Янга-Миллса не могла быть привязана к физической реальности и выглядела лишь интересной математической игрушкой. Физики стали развивать высказанную идею и выстраивали новые теоретические схемы, хотя физическая значимость таких теорий оставалась непонятой до конца 1960-х годов. Позже была экспериментально подтверждаемая проекция, и теория Янга-Миллса стала основой стандартной модели физической реальности.

Стандартная модель — это конкретная реализация квантовой теории поля, которая описывает известные элементарные частицы, наблюдаемые экспериментально, и на данный момент нет серьезных разночтений между результатами эксперимента и предсказаниями стандартной модели.

Квантовая теория поля, как и механика, не обладает предсказательной силой, она является конструктом, и пока не указаны значения параметров, массу частиц и т.д. предсказательной силы быть не может [4].

Плодотворность теории Янга-Миллса состояла в методе построения моделей, но гносеологический аспект выражения не избавляет от вопроса об онтологическом значении этого метода. Янг и Миллс открыли не новую реальность, а новую онтологическую структуру. Поскольку они были физиками, то эту структуру они исследовали на примере модельно понятой физической реальности. Упрощенная модель реальности оказалась недееспособной, но лежащая в ее основе онтологическая структура доказала свою фундаментальную значимость для современной физики. Без различения физической реальности и физической онтологии было бы весьма затруднительно выразить соответствие теории Янга-Миллса самой природе вещей.

На переднем крае своих исследований современная теоретическая физика занята не столько физической реальностью, сколько построениями теоретически возможных онтологий, которым затем подыскивают реальные частицы, поля и струны, а также другие объекты [5].

Шестидесятые годы XX века были десятилетием тайн в физике элементарных частиц, так как открытия новых частиц следовали одно за другим. В связи с этим возникли две философии элементарности, которые по-разному трактовали происходящее: 1) Джеффри Чу (Беркли) разработал так называемую «философию бутстрапа» или «шнуровочную философию». Чу был сторонником «ядерной демократии»: каждая частица вправе считаться элементарной, и нет во всем ансамбле более фундаментальных частиц и менее фундаментальных. 2) Альтернативой «шнуровочной» модели стала кварковая модель.

По словам Шелдона Глэшоу, при определении элементарности каждый раз познание двигается по логическому сходному пути:

1. открывается или выводится новый уровень реальности, появляются кандидаты в основные «первокирпичики материи»;
2. развивается теоретическая система, необходимая для понимания природы частиц, она появляется как «физика элементарных частиц» своего времени;
3. начинается взрывоподобное открытие ансамбля, якобы элементарных частиц. Кажется, что их слишком много, чтобы считать их воистину элементарными;
4. среди элементарных частиц обнаруживается правильная модель. Частицы группируются в системы или таблицы, показывают систематические разновидности физических и химических свойств;
5. эксперименты указывают на существование более глубокой структуры. Те частицы, которые ранее казались элементарными, ведут себя как сложные системы, образованные еще более простыми составляющими. Когда исследователи обнаруживают существование этих гипотетических составляющих, то на следующем уровне осуществляется возвращение к первому этапу («вечное возвращение»).

Трех разновидностей кварков (u , s , d) оказалось достаточно, чтобы объяснить существование сотен адронов, которые все еще открывали.

В кварковой модели сильнее всего смущал тот факт, что она превосходно работала. Количественные успехи, достигнутые при описании деталей структуры адронов, намного превзошли то, что ожидали от такой «наивной» картины.

Сам кварк обнаружен не был, тогда теоретики предложили новую модель, чтобы не отказываться от такой эффективной и элегантной теории: была высказана мысль, что кварки принципиально не наблюдаемы и не суще-

ствуют в свободном состоянии. Мезон, образованный кварком и антикварком, можно считать подобием магнита. Если разрезать магнит на две половины, то получатся два двухполюсных магнита. Аналогично любая попытка расщепления мезона приводит к созданию нового кварка и антикварка, вместо разделения кварков возникают два мезона [6].

В конце 70-х годов XX века ни один из адронов не рассматривался уже в качестве элементарной частицы. В физическом сообществе и в широких кругах, знакомых с популярной литературой, установился единодушный взгляд:

1. все адроны составлены из кварков, которые удерживаются вместе глюонами; динамика кварк-глюонных взаимодействий понята и математически сформулирована в квантовой хромодинамике (КХД);
2. сильное взаимодействие между адронами является как бы остатком «сверхсильного взаимодействия» между кварками и глюонами. Достаточно здесь вспомнить «асимптотическую свободу кварков»: не могут быть слишком близко друг к другу, но, чем дальше расстояние, тем сильнее взаимное притяжение.

Центральным моментом здесь является онтологический статус ненаблюдаемых теоретических сущностей: кварков и глюонов. Существуют ли они объективно в физическом мире? Если это так, то можем ли мы иметь о них истинное знание и каким образом?

По законам жанра на сцене появляются «реалисты» и «антиреалисты».

Реалисты уверены в объективном существовании ненаблюдаемых сущностей, так как они дают возможность получить успешное объяснение и давать верные предсказания. Исторические изменения научного знания являются прогрессивными по своей природе. Такие изменения означают аккумуляцию истинного знания об объективном мире, состоящего из наблюдаемых и ненаблюдаемых сущностей, структурированных определенным образом. Необходимость принятия ненаблюдаемых сущностей вытекает из гипотетико-дедуктивной методологии, лежащей в основе человеческих устремлений.

Антиреалисты указывают на двусмысленный статус ненаблюдаемой сущности и видят в ненаблюдаемых сущностях просто удобные фикции. Они игнорируют указания на успех объяснения и предсказания, считая данный успех слишком наивным.

Выдвигаются два аргумента, чтобы удалить понятие ненаблюдаемых сущностей из фундамента теоретических

наук. Логический аргумент основывается на понятии недоопределенности. В общем случае ни теоретические термины, ни ненаблюдаемые сущности не могут быть определены однозначно на основе эмпирических данных. Тезис недоопределенности допускает существование множества конфликтующих теоретических онтологий, тем самым аннулируется вопрос о том, какую онтологию следует принять в качестве истинной. При данном наборе эмпирических данных мы можем конструировать более, чем одну теорию, и каждая из них базируется на некоторых ненаблюдаемых сущностях. Эти сущности и рассматриваются как основная онтология теории, принятая для объяснения и предсказания, а сами теории совместимы с опытными данными. Гипотетические (ненаблюдаемые) сущности разных теорий конфликтуют между собой, они не могут быть все вместе истинными в отношении реальности. Таким образом, логически необходимая связь между ненаблюдаемыми сущностями и опытными данными затруднительна. Основание для заключения о реальности ненаблюдаемых сущностей, исходя из опытных данных, снимается, и вопрос об онтологическом статусе ненаблюдаемых сущностей не может быть решен. Он принимается как условный, а не объективный.

Второй исторический или социологический аргумент основывается на понятии научной революции Томаса Куна. Смена парадигм, по мнению антиреалистов, полностью устраняет принятие некоей теоретической онтологии как онтологии реального мира. Такая трактовка исходит из релятивизма и радикального конструктивизма, но что возможно в идеологических фикциях «социальных наук», невозможно в фундаментальных науках. Кроме того, невозможно абсолютизировать историческую изменчивость знания, так как ставится под сомнение объективная и абсолютная истины, а вслед за ней научное познание лишается всякого смысла.

Структурный реализм был впервые сформулирован Анри Пуанкаре, а затем продуман Бертраном Расселом и Эрнстом Кассирером. Структура здесь понимается как система устойчивых отношений множества элементов или как система саморегулирующегося целого. Такая структура познаваема и определима единственным способом (оговорка: с точностью до изоморфизма ввиду ее изменчивой природы), и значит объективна.

Структурный реализм имеет оттенок феноменализма, где акцентировано внимание на структуре. Между тем, в адронной физике получает распространение алгебраический подход, который связан с понятием алгебры токов. Ток в квантовой теории поля есть математическое выражение, описывающее превращение одной частицы в другую или рождение пары частица/античастица. Алгебраический подход указывает на кварковый уровень реальности, что представляется в терминах глубокой

структуры и наводит на мысль о составной, кварковой модели адронов. С другой стороны, речь идет о переносчиках взаимодействий между ними — о глюонах.

Для структурализма в любых областях, за исключением математики, серьезной проблемой является то, что структура имеет отношение к реальному миру только тогда, когда она интерпретируется посредством выявления специфики элементов, ее составляющих. Поскольку структура может быть интерпретирована различными способами, то здесь опять появляется проблема недоопределенности.

В связи с этим возникли три версии структурного реализма:

1) Эпистемический структурный реализм, который характеризуется агностицизмом в отношении ненаблюдаемых сущностей. Область надежного научного знания ограничивается структурными аспектами реальности, которые реализуются в математических структурах. Соответственно, здесь не возникает необходимости ставить вопрос о природе элементов структуры.

Такое понимание структурности знания коррелирует с пессимистическим индуктивным аргументом. В нем история науки определяется как процесс, в котором аккумулируется структурное знание, при этом научное познание объявляется непрерывным и прогрессивным, Сочетание такого структурализма с индуктивным аргументом в отношении ненаблюдаемых сущностей делает его неотличимым от антиреализма.

2) Онтологический структурный реализм, который радикален в отношении метафизики и семантики. Для него реальны только структуры, которые принимаются в качестве единственных онтологических объектов, но не объекты. Тезис о непрерывности и прогрессе в историческом развитии науки, таким образом удается защитить вопреки куновскому утверждению об онтологической дискретности, но дается дорогой ценой, так как само понятие ненаблюдаемой сущности элиминируется из научного дискурса.

3) Конструктивный структурный реализм, который опирается на два основных допущения: 1) физический мир состоит из сущностей, которые структурированы и/или включены в большие структуры; 2) к сущностям любого вида можно приближаться через их внутренние и внешние свойства и отношения, которые познаваемы. Центральная идея состоит в том, что реальность ненаблюдаемой сущности может быть выведена из реальности ее структуры. В метафизическом плане это означает, что конструктивная версия отличается от онтологической тем, что фундаментальный характер дискурса сущности сохраняется, а в плане эпистемологии подчерки-

ваются исторический характер конструирования этой фундаментальной онтологии из нашего структурного знания реальности. Фундаментальная онтология такого типа (онтология мира) имеет открытый характер и подвержена пересмотру с прогрессом науки.

Конструктивная версия проливает свет на то, что же действительно было достигнуто при формулировании КХД. Это не просто открытие новых частиц или сил, это открытие более глубокого уровня реальности, новый вид сущности, новая категория существования. Конструктивная версия может помочь историкам науки понять, что данное открытие было сделано благодаря структурному подходу.

Тут существенны четыре шага: понятие ненаблюдаемых сущностей (кварки, глюоны) было гипотетически сконструировано в результате давления со стороны накапливаемого структурного знания о феноменах (различные образцы свойств симметрии в данной области).

Реальность некоторый черт этих сущностей была установлена экспериментально. Речь идет о глубоко неупругом рассеянии электронов на протонах, выполненных на линейном ускорителе Стэнфордского центра. Интерпретация этого эксперимента привела к представлению о точечно-подобных ингредиентах адронов, обладающих асимптотической свободой (кварках).

Попытка согласовать различные экспериментальные и теоретические положения.

Специфические предсказания теории. Хотя кварки и глюоны не похожи на классические частицы с хорошо определенными спином и массой, однако их предсказанные свойства хорошо согласовались с тем, что наблюдалось в экспериментах на ускорителях, поэтому их физическая реальность не подвергалась сомнению.

Наблюдая совпадение опытных данных и кварковой модели в случае КХД, мы обнаруживаем путь, на котором признается реальность кварков. Они выступают как единственные кандидаты на роль фундаментальных частиц на этом этапе развития физики, хотя предсказание кварков первоначально определялось особенностями математических структур, таких как алгебры Ли.

Согласно структуралистскому пониманию сущностей, соответствие ненаблюдаемого (кварков и глюонов) реальности может быть только частичным, зависит от объема имеющихся знаний, и пока на этом основании понятие кварка подтверждается.

Квантовая теория поля (КТП), как специальный вариант квантовой механики, при реалистической интерпре-

тации ее формализма наследует те же трудности, связанные с измерением и «спутанными состояниями». Кварки не локализируются, в отличие от лептонов, в том смысле, что их свойства не отделяются от свойств конфигурационного пространства. Необходимым условием такого отделения является единичный электрический заряд, но кварки не подчиняются классическим правилам, ввиду наличия у них дробных зарядов (цвета). Между кварками также невозможно зафиксировать пространственное расстояние.

То, чему нас учит квантовая физика: мы можем получить некоторое вероятностное знание о феноменальной реальности или ее проявлениях, а также получить некоторое знание о реальности самой по себе, но последнее возможно только в контексте классической физики.

Структурное знание есть эпистемический доступ к ненаблюдаемым сущностям. Реальность этих сущностей обеспечивается объективным знанием структур и структурных отношений. Дверь прямого доступа к ненаблюдаемым сущностям закрыта. Объективное знание о лежащей в основании онтологии достигается путем исторического переговорного процесса между эмпирическими исследователями, теоретическими резонерами и метафизическими интерпретаторами [7].

Объективно существующая реальность, как подчеркивал Эйнштейн, в течение столетий была целью научного исследования. Наука выявляла элементы объективной реальности с помощью наблюдений, экспериментов, измерений. На основании этого создавалось по возможности полное описание изучаемой реальности. В начале XX века физики столкнулись с не преодоленной до сих пор проблемой в описании атомного мира. Полученные результаты наблюдений и экспериментов не позволяли создать полное и непротиворечивое описание процессов, происходящих в этом мире, а принцип дополнительности Бора фактически постулировал безнадежность любых попыток создать такое описание. Квантовая механика возникла и развивалась не как описание реальности, а как описание результатов наблюдений Копенгагенская интерпретация фактически зафиксировала этот статус квантовой теории [8].

Квантовая механика занимает уникальное место в истории науки. Она выдержала выполненные до сих пор проверки. Кульминацией этих проверок стала высочайшая точность, когда-либо достигнутая при проверке теории экспериментом — выполненное в 1987 году измерение магнитного момента электрона. Однако ее основы часто ставились под сомнение из-за огромных трудностей согласования квантовой физики с законами классической физики, управляющими макроскопическими телами. Если квантовая механика является

полной теорией природы, то почему она неприменима к повседневной жизни? В XXI веке проблема, состоящая в том, почему мир является квантовым, вновь вернулась на передний край физики. Нынешний прогресс нанотехнологий, благодаря которому компоненты компьютеров и носителей информации миниатюризированы до атомных масштабов, выводят нас на границы действия квантовой механики. Многие квантовые эффекты ставят предел миниатюризации, но открываются новые возможности, такие как квантовая обработка информации. Она дает огромный стимул к разработке устройств, которые не только могут затмить производительность имеющихся систем, но и могут подвести к границам применимости квантовой теории.

С точки зрения физики, новая область квантовой информатики предлагает очень полезный язык для пересмотра фундаментальных аспектов квантовой механики [9].

Квантовое вычисление — это нечто большее, чем более быстрая и миниатюрная технология реализации машин Тьюринга. Квантовый компьютер — это машина, реализующая уникальные квантово-механические эффекты, в особенности, интерференцию, что необходимо для выполнения совершенно новых вычислений, которые невозможно выполнить ни на одном классическом компьютере. Квантовое вычисление — это принципиально новый способ использования природы.

Классический компьютер универсален при наличии достаточного времени. С другой стороны, универсальность вычислений была бы бесполезна для генов, независимо от количества содержащейся в них информации, если бы ее передача не была легко обрабатываемой задачей. Скажем, если бы один репродуктивный цикл занимал бы миллиард лет.

Сам факт существования сложных организмов и непрерывного ряда постоянно совершенствующихся изобретений и научных теорий говорит о том, какого рода универсальность вычислений существует в реальности. Задача открытия каждой теории при наличии предыдущей легко решается с помощью вычислений при наличии уже известных законов и уже имеющейся технологии. Структура реальности должна быть многоуровневой для более легкого доступа к самой себе. Если рассматривать саму эволюцию как вычисление, то это говорит нам, что существовало достаточно много жизнеспособных организмов, закодированных ДНК. Это позволило эволюционно вычислить организмы с высокой степенью адаптации, используя ресурсы, предоставленные предками с низкой степенью адаптации.

Дэвид Дойч утверждает, что в физической реальности существует постижимое самоподобие, выраженное

в принципе Тьюринга: можно построить генератор виртуальной реальности (компьютер), репертуар которого включает любую физически возможную среду. Отдельный физический объект, который можно построить, способен имитировать все варианты поведения и реакции любого другого физически возможного объекта или процесса, что делает реальность постижимой и возможной эволюцию живых организмов.

Законы физики гарантируют, что соответствующие эволюционные процессы, такие, как жизнь и мышление, не являются трудоемкими, не требуют слишком много дополнительных ресурсов, чтобы произойти в реальности. Законы физики не только позволяют существование жизни и мышления, но требуют от них эффективности.

Универсальные генераторы виртуальной реальности не только возможны, их можно построить так, что они не потребуют нереально больших ресурсов для передачи простых аспектов реальности. Это и есть принцип универсальности Дойча.

Теория хаоса касается ограничений получения предсказаний, проистекающей из факта внутренней неустойчивости всех классических систем. Неустойчивость не имеет ничего общего с тенденцией буйного поведения или распада, она связана с чрезмерной чувствительностью к начальным условиям.

Допустим, нам известно начальное состояние комплекта бильярдных шаров, катящихся по столу. Эта физическая система подчиняется законам классической физики в хорошем приближении. Если это так, то мы можем предсказывать ее будущее поведение, например, попадет ли шар в данную лузу, однако разница между реальной траекторией и предсказанной траекторией, вычисленной из слегка неточных данных, стремится расти экспоненциально и нерегулярно во времени, что и называют хаотическим поведением. Через некоторое время первоначальное состояние, содержащее небольшую погрешность, уже не сможет быть ключом к поведению системы.

Движение планет, классическая предсказуемость в миниатюре, — нетипичная классическая система. Чтобы предсказать поведение классической системы через небольшой промежуток времени, необходимо определить начальное состояние этой системы с невозможно высокой точностью, поэтому говорят, что взмах крыла бабочки в одном полушарии может вызвать ураган в другом полушарии. Неспособность дать точный прогноз глобальной динамики погоды на планете приписывают невозможности учесть каждую бабочку.

Дойч проводит различие между непредсказуемостью и трудностью обработки. Для него непредсказуемость

не имеет ничего общего с имеющимися вычислительными ресурсами. Классические системы непредсказуемы в силу их чувствительности к начальным условиям. Квантовые системы не обладают такой чувствительностью, но в различных вселенных ведут себя по-разному, поэтому в большинстве вселенных кажутся случайными. В обоих случаях никакой объем вычислений не уменьшит непредсказуемость.

Трудность обработки — проблема вычислительных ресурсов, она относится к ситуации потенциальной осуществимости. Мы могли бы сделать предсказание абсолютно точным, располагай мы неограниченными временем и ресурсами, однако каждая реальная научная задача финальна, выполняется за конечное число шагов, иначе она нерешаема. По мнению Дойча, допущение мультиверсума делает квантовые системы не просто вероятностными, но предсказуемыми.

Квантовые компьютеры используют квантовую странность, чтобы выполнять задачи, слишком сложные для обычных компьютеров. Квантовый бит, или кубит, может находиться в состоянии 0 и 1 в одно и то же время, тогда как классический бит может содержать только 0 или 1. Квантовый компьютер может выполнять миллионы вычислений одновременно и обрабатывать информацию, хранящуюся в отдельных атомах, электронах и фотонах.

Квантовый компьютер — это демократия в мире обработки информации: каждый атом, электрон или фотон равным образом участвуют в процессах хранения и обработки информации, и эта фундаментальная демократия информации не ограничена квантовыми компьютерами. Все физические системы в основе своей являются квантово-механическими, и все физические системы записывают, содержат и обрабатывают информацию [10].

Мир построен из элементарных частиц, и каждый элементарный фрагмент физической системы запечатлевает часть информации: одна частица — один бит. Взаимодействуя между собой, эти фрагменты постепенно преобразуют и обрабатывают информацию, бит за битом. Каждое столкновение элементарных частиц действует как простая логическая операция. Чтобы осознать любую физическую систему с точки зрения ее битов, нужно хорошо понимать механизм, посредством которого каждый элемент этой системы записывает и обрабатывает информацию. Если мы выясним, как это делает квантовый компьютер, то узнаем также, как это делает физическая система.

Идею такого компьютера в начале 1980-х годов предложили Пол Бенев, Ричард Фейнман, Дэвид Дойч и другие. В то время квантовые компьютеры были чисто абстрактной концепцией. Никто не знал, как можно их создать. В начале 90-х стало ясно, как это можно сделать с использованием существующих экспериментальных методов.

Есть множество веских причин, чтобы создать квантовый компьютер: во-первых, квантовые технологии управления материей на уровне атомов в последние годы получили развитие. Сейчас есть достаточно стабильные лазеры, довольно точные методы производства и быстрая электроника, что позволяет выполнять вычисления на уровне атомов. Во-вторых, что нужно научиться создавать квантовые компьютеры, если мы хотим, чтобы наши компьютеры были более быстрыми и мощными.

Либо полномасштабный квантовый компьютер будет построен, либо окажется, что квантовая механика неполна, а это приведет к новому пересмотру взглядов на физическую реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд В. И. Экспериментальная математика. М.: ФАЗИС, 2005, С. 3.
2. Лошак Ж. Геометризация физики. М., -Ижевск: НИИЦ "Регулярная и хаотическая динамика", 2005, С. 210–212.
3. Арнольд В. И. Что такое математика? М.: Изд-во МЦНМО, 2008, С. 4–6.
4. Дымарский А. Теория всего // портал postnauka. Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/84105>.
5. Жаров С. Н. Бытие и реальность в современном естественнонаучном познании // Проблема реальности в современном естествознании. М.: Канон+ РООИ "Реабилитация", 2015, С. 16–19.
6. Глэшоу Ш. Л. Очарование физики. Ижевск: НИЦ "Регулярная и хаотическая динамика", 2002, С. 156–157.
7. Тиан Ю Цао Структурный реализм и концептуальные вопросы квантовой хромодинамики // Эпистемология и философия науки, 2008, т. XVII, № 3.
8. Гринштейн Дж., Зайонц А. Квантовый вызов. Современные исследования оснований квантовой механики. Долгопрудный: Издательский Дом "Интеллект", 2008. С. 17–18.
9. Монро К. Р. Что квантовые компьютеры могут рассказать о квантовой механике? // Наука и предельная реальность: квантовая теория, космология и сложность. М. -Ижевск: НИИЦ "Регулярная и хаотическая динамика", Институт компьютерных исследований, 2013. С. 299.
10. Ллойд С. Программируя Вселенную: Квантовый компьютер и будущее науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 18.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ МОРАЛЬНОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP OF THE MORAL AND LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES AND OFFICIALS

G. Prokhorova

Summary. The problem of the moral responsibility of the state in all branches of government and their officials is relevant throughout the history of mankind. The consequence of the state structures avoiding moral responsibility is the loss of their expediency and, accordingly, economic and political bankruptcy.

Keywords: moral responsibility, conscience, state, public service, legislation.

Прохорова Галина Александровна

*К.ф.н., доцент, ЧОО ВО Ассоциация «Тульский Университет (ТИЭИ)», г. Тула
prohorovagala@mail.ru*

Аннотация. Проблема моральной ответственности государства в лице органов всех ветвей государственной власти и их должностных лиц является актуальной на протяжении всей истории человечества. Следствием уклонения государственных структур от моральной ответственности является утрата их целесообразности и, соответственно, экономическое и политическое банкротство.

Ключевые слова: моральная ответственность, совесть, государство, государственная служба, законодательство.

Как категория этики и моральное понятие, характеризующее личность с точки зрения выполнения ею нравственных требований, моральная ответственность выражается в соответствии деятельности личности ее долгу, выражающемуся в осознанном или подсознательном принятии обязательств перед собой и перед обществом, способности и готовности отвечать перед собой, перед другими людьми, коллективом, обществом за свои поступки, за последствия своих действий в случае отклонения от установленных норм [10].

Действующим началом моральной ответственности выступают совесть, чувство долга или неформальный суд людей в форме выражения общественного мнения, осуждения и даже обструкции и остракизма. Моральная ответственность может обеспечиваться и кодифицированными требованиями различного рода нормативных документов (этических кодексов, кодексов чести, правил поведения, уставов, судов офицерской чести) и разработанными в соответствии с ними механизмами контроля за неукоснительным соблюдением этих требований.

Основным субъектом моральной ответственности выступает государство в лице органов всех ветвей государственной власти и их должностных лиц. Морально ответственным является то государство, которое удовлетворяет социальные ожидания граждан в социально оправданном употреблении власти. «Управляйте народом с достоинством, и люди будут почтительны,— писал две с половиной тысячи лет назад Конфуций,— От-

носитесь к народу по-доброму, и люди будут трудиться с усердием. Возвышайте добродетельных и наставляйте неученых, и люди будут доверять вам».

Всякое незаконное или безнравственное действие или бездействие органов государственной власти и их должностных лиц предполагает неотвратимость наступления или юридической ответственности в соответствии с действующим законодательством; или моральной ответственности в форме общественного осуждения, недоверия, неуважения.

Как справедливо подмечено, следствием уклонения государственных структур от моральной ответственности является утрата их целесообразности и, соответственно, экономическое и политическое банкротство: «... тот, кто не считается с ожиданиями общества в части соблюдения норм этичного поведения ... проигрывает в перспективе» [8].

Моральная ответственность государства на наш взгляд подразумевает: ответственность органов государственной власти: 1) перед гражданином за полноту реализации его конституционных прав и свобод, обеспечение достойной жизни и безопасности, социального порядка; 2) перед обществом за качество, выполнение и социальные последствия принимаемых решений, направленных на повышение качества жизни населения и удовлетворение его социальных ожиданий; 3) перед государственными служащими, которая реализуется

в обязанности разработки и защиты правовых основ их деятельности и механизмов, обеспечивающих их правовую и социальную защиту, в создании условий, способствующих формированию и поддержке положительной мотивации к добросовестному, честному и бескорыстному служению общественному и государственному долгу; в совершенствовании системы профессионального образования, повышения квалификации и переподготовки кадров, предусматривающей полноценное и качественное этическое образование и воспитание государственных служащих на основе высоких стандартов этического поведения, законодательно закрепленных в правовых актах.

Особое внимание следует уделить нравственно-правовым основам государственной службы. В связи с этим, социальную ответственность государственного служащего можно определить как совокупность правового, социального и морально-правового отношений его к обществу и государству, государственным органам и государственной службе как организации, к своей профессиональной среде, которые определяют его поведение, возлагают на него обязательства по выполнению его служебного долга и предусматривают его способность предвидеть результаты управленческих действий, поступков и готовность отвечать за их последствия, обеспечивая социальную стабильность в обществе.

Многоплановость понятия ответственности гражданского служащего обуславливает ее структуру, включающую: представление государственного служащего о своей роли и месте в структуре государства и общества, о том, что он реализует «волю народа посредством исполнения полномочий государства в системе государственных органов, решающих задачи в интересах граждан» [5]; осознание необходимости действовать в соответствии с принятыми этическими требованиями и нормами, сознательное и добровольное принятие на себя морального обязательства полностью подчинить свою деятельность задачам реализации миссии гражданской службы — служению обществу и государству; способность предвидеть социальные последствия своих решений, действий и поступков; готовность нести ответственность за все свои не только противоправные, но и неэтичные действия; стремление к максимальной саморегуляции и самоконтроль [10].

Можно выделить ряд факторов, влияющих на состояние и уровень моральной ответственности гражданских служащих: во-первых, специфика правового статуса гражданского служащего: исполняя миссию общественного служения, предначертанную Российской Конституцией, он порой оказывается в ситуации морального выбора между обязательным для исполнения распоряжением руководства и тем, что подсказывают ему чув-

ство гражданского долга и совесть; будучи зависимым от благосклонности начальства, он нередко предпочитает лучше поступиться своими моральными принципами, чем портить отношения с руководством; во-вторых, общее падение нравственности в обществе, членом которого является гражданский служащий, а также недостаточное воспитание и низкая правовая и этическая культура чиновников; в-третьих, разрушительная деятельность средств массовой информации, внедряющих в сознание слушателей, телезрителей мысль о том, что можно хорошо жить и не работая, нужно любыми средствами стремиться получать «все и сегодня»; в-четвертых, неразработанность или бездействие правовых механизмов ответственности.

Относительно роли социальной, в частности моральной, ответственности в сфере властеотношений среди представителей правовой науки нет единой точки зрения, хотя большинство ученых признают ее самостоятельный характер [3]. С некоторой долей скептицизма высказываются по данному вопросу А.В. Малько и В.А. Затонский. Иные виды социальной ответственности (кроме юридической), — рассуждают ученые, — конечно же, оказывают влияние на функционирование публичной власти, но вряд ли они могут серьезно способствовать повышению эффективности системы государственности. Признание в отношении государственной власти только моральной ответственности равнозначно отсутствию всякой ответственности, означает легитимацию безответственности властных структур. В такой стране как Россия, моральная ответственность публичной власти не способна действительно корректировать ее деятельность, обеспечивать ее соответствие нормам действующего законодательства и высшим общечеловеческим ценностям [4].

Представляется, что роль моральной ответственности недооценивать нельзя, тем более в российском обществе, где мораль всегда «шагала» впереди права. Формирование ответственности человека в философской и юридической литературе связывают с процессом субъективации объективного, т.е. ответственность трактуется как понятие, отражающее исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью и обществом. Регулятором ответственного поведения личности являются совесть, справедливость, должностное и т.д. [4]. Эти моральные категории, по сути, выполняют функцию социального контроля, самоограничивают личность в своих поступках. Они являются и источниками внутренней — моральной — ответственности личности.

Рассуждая о моральной ответственности, А.В. Прокофьев затрагивает деликатную и вместе с тем сложнейшую проблему совмещения моральной безкорри-

ненности индивида, общего блага и блага Другого. Речь, по сути, идет о выявлении критерия, позволяющего определить основание и степень нравственной ответственности индивида [6].

Следует согласиться с А.Г. Атаманчуком, который подчеркивает, что без введения самой повышенной нравственной ответственности в государственном управлении трудно надеяться на качественные сдвиги в отношении ответственности вообще. В тоже время, следует согласиться с тем, что преувеличивать регулятивную роль моральной и иных видов неюридической ответственности необоснованно [8, С. 116]. Очевидно, что ни политическая, ни моральная, ни иные виды социальной ответственности «в одиночку», в отрыве друг от друга не могут обеспечить законность и правопорядок в обществе.

В известном смысле «в морали человек ответствен только за самого себя» [2]. Однако, поскольку мораль, по выражению Е. А. Лукашевой, «разлита по всем сферам деятельности» и практически все поступки подвергаются моральной оценке, «вторичные виды ответственности — групповая, гражданская, правовая — в конечном счете, зависят от морально-нравственного основания в человеке и обществе» [1].

Таким образом: моральная ответственность является фундаментом юридической. Моральная ответственность представляет собой своего рода матрицу, на которой формируется здание ответственности юридической. Вместе с тем моральная и юридическая ответственности представляют собой разные уровни социальной ответственности. При всей их несводимости друг к другу, они призваны, в соответствии с принципом справедливости и гуманизма, привносить в жизнь человека, общества, государства определенный порядок и гармонию [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В. М. Свобода и ответственность: опыт нравственно-философского осмысления («Круглый стол»: «Свобода и ответственность») // Государство и право. 2007. № 3.
2. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 1998.
3. Лукашева Е. А. К вопросу о правопонимании. Основные концепции права и государства в современной России: По материалам «Круглого стола» // Государство и право. 2003. № 5.
4. Малько А. В. Затонский В. А. Ответственность публичной власти как способ повышения российской государственности // Актуальные проблемы юридической науки: сборник научных трудов. Вып. 1. Тольятти: ТГУ, 2007.
5. Нелидов Н., Турчинов Д., Романов В., Атаманчук Г. Какой быть государственной службе? // Государственная служба. 2001. № 1.
6. Прокофьев А. В. Долженствование и возможность // Вопросы философии. 2003. № 6.
7. Соколов Н. Я. Социальная ответственность юриста («Круглый стол»: «Свобода и ответственность») // Государство и право. 2007. № 3.
8. Спивак В. А. Корпоративная культура. Спб., 2001.
9. Цыбулевская О. И. Мораль. Право. Власть / Под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2004.
10. Шувалова Н. Н. Служебное поведение государственного гражданского служащего: моральные основы. Ростов н/Д. 2006.

© Прохорова Галина Александровна (prohorovagala@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНКУРЕНЦИЯ И КОНФЛИКТ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

RIVALRY AND CONFLICT AS THE REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITIVENESS

D. Semenov

Summary. The article is devoted to the socio-philosophical analysis of competition and conflict as an implementation of the competitiveness principle. According to the author, competition can be understood as rivalry according to the rules, the purpose of which is to increase the resource capabilities of the “winners” at the expense of the “losers”. The most important component of competition is the availability of a regulatory framework that regulates the behavior of competitors. The presence of this regulatory framework is the main difference between competition and another type of competitiveness — conflict.

Keywords: competition, conflict, competitiveness, violence, sociocultural evolution.

Семенов Дмитрий Владимирович

*К.ф.н., доцент, Нижегородский государственный
лингвистический университет
ds7771@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу конкуренции и конфликта как реализации принципа состязательности. По мнению автора, под конкуренцией можно понимать — состязание по правилам, целью которого является увеличение ресурсных возможностей «победителей» за счет «проигравших». Важнейшая составляющая конкуренции — это наличие нормативной базы, регулирующей поведение участников состязания. Именно наличие этой базы, является главным отличием конкуренции от другого вида состязательности — конфликта.

Ключевые слова: конкуренция, конфликт, состязательность, насилие, социокультурная эволюция.

Наиболее распространенной формой реализации принципа состязательности в человеческом обществе является конкуренция. Необходимость выявления философских оснований понятия «конкуренция» предполагает его отделение от социологических, психологических, политических и экономических коннотаций, которые затрудняют задачу поиска сущности этого явления.

В рамках сравнительной методологии социально-философского исследования под конкуренцией можно понимать — состязание по правилам, целью которого является увеличение ресурсных возможностей «победителей» за счет «проигравших». Основная задача любого типа конкуренции — увеличение дистанции между «победителем» и «побежденным», выводящее «победителя» на качественно новый уровень бытия.

Важнейшая составляющая конкуренции — это наличие нормативной базы, регулирующей поведение участников состязания. Именно наличие этой базы, является главным отличием конкуренции от другого вида состязательности — конфликта, т.е. от «... состояния противостояния, борьбы между отдельными индивидами и группами людей, пронизывающего все области общественных отношений и сферы человеческой деятельности» [1, с. 301]. Правила осуществления конкуренции имеют конвенциональную природу и основаны на добровольном соглашении участников процесса состязания.

При этом происходит кодификация равенства участников состязания, их ресурсных возможностей, а также закрепление прав на достигнутый результат и признание этого проигравшей стороной. Необходимо отметить, что нормативная база конкуренции вырабатывается в сугубо светской среде, тем не менее, она всегда нуждается в сакрализации, обретении высшего авторитета с помощью совершения определенных обрядов и ритуалов.

Правила конкуренции являются альтернативой состоянию «войны всех против всех». Их наличие в обществе является свидетельством ненасильственного характера разрешения социальных противоречий. Само появление кодифицированной нормы, регулирующей процесс состязательности, свидетельствует о сублимации насилия [2, с. 14–16], его переводе в социально-приемлемые рамки. Таким образом, состязательность есть производное состояние насилия, которое в свою очередь является социальной проекцией агрессивности свойственной всем живым существам [3, с. 19]. Под агрессивностью понимают стремление любой особи к экспансии, расширению своих ресурсных возможностей путем их присвоения из окружающей среды. Цель экспансии — удовлетворение базовых потребностей любого существа в выживании и продлении собственного бытия. Это является проявлением фундаментального единства общефилософских и социально-биологических оснований состязательности как базового принципа эволюции.

Каким образом диалектика тождественного и иного как общеприродный принцип, соотносится с объективным, естественно-природным и социальным содержанием состязательности и форм ее осуществления — конкуренции и конфликта? Эта связь может быть прослежена следующим образом: самоидентичность — есть остановка, отсутствие развития, прекращение экспансии. Применительно к индивиду, самоидентичность является синонимом смерти, энтропии и гибельности собственного бытия. Все живые существа, стремятся к выживанию и продлению собственного бытия. Продление собственного бытия происходит за счет расширения своих ресурсов, через их присвоение из внешней среды, проявлением этого процесса является агрессивность. Проекцией агрессивности в обществе выступает насилие, с помощью которого индивиды расширяют свое жизненное пространство и удовлетворяют свои потребности за счет присвоения ресурсов других.

Цель данного процесса заключается в выживании и продлении собственного бытия. Необходимость сублимации насилия также продиктована потребностью в самосохранении индивидов. В результате их антагонизм приобретает ненасильственные формы, происходит выработка и фиксация норм его осуществления, возникает состязательность, как принцип социокультурной эволюции. Состязательность, проявляющаяся через конкуренцию и конфликт, обеспечивает индивиду возможность расширения своих ресурсных возможностей. «Под состязательностью мы понимаем процесс выявления (присвоения) субъектом исключительных свойств и способностей, совокупность которых меняет формы и способы его бытия в социуме таким образом, что вновь обретенный статус признается остальными участниками процесса как общественно значимый и ценный; таким образом, итог любого состязательного процесса — изменение общественного статуса состязающегося» [4, с. 27].

Важно отметить, что состязательность не элиминирует насилие. В живой социальной практике они диалектически взаимодействуют и сосуществуют в разных пропорциях. Превращение насильственного антагонизма в состязание (конкуренцию) происходит тогда, когда само насилие приобретает символическую форму. Кодификация правил состязания (конкуренции) сопряжена с выработкой некоего ритуала, имеющего непреложный, сакральный характер.

Технология этого процесса описана, в частности, в книге современного французского философа, Р. Жирара «Насилие и священное» [5]. В основе этого процесса — компенсация (замещение) очевидных, реальных манифестаций насилия его символическо-метафорическими игровыми аналогами. Состязание (конкуренция), таким образом, есть своего рода подражание открытой на-

сильственной схватке, имитация последней, вызванная к жизни вынужденной мерой. Темперирование и сублимация агрессии есть условие выживания человеческого сообщества и превращение его в социум. Проблема трансформации наиболее одиозных и первобытных форм насилия, политико-правовые, социально-приемлемые и культурные формы состязательности рассматриваются, в частности, в рамках так называемого социогенного подхода к истолкованию феномена насилия. «Жажда насилия, стоит ей проснуться, приводит к определенным физиологическим изменениям, готовящим человека к схватке. Эта расположенность к насилию длится известное время. Ее нельзя считать простым рефлексом, который прекращается, как только прекратится воздействие стимула» [5, с. 8].

Поскольку экспансия — расширение ресурсных возможностей с целью наилучшей адаптации к внешней среде ради обеспечения наилучших условий выживания — отличает живую материю от мертвой, проявлением этого стремления является установка на все возрастающее доминирование. Насилие в этом смысле можно считать тождественным самому человеческому бытию, в особенности на тех этапах его эволюции, когда мы не имеем еще сколь-нибудь развитых культурных форм регуляции человеческой агрессивности. Жирар делает вывод, что та форма человеческого бытия, которая традиционно ассоциируется с культурой, является прямым следствием трансформации насилия как естественного природного дикого состояния в докультурную эпоху.

Переход от дикого состояния — варварства — к развитым формам общественной жизни стал возможным в результате канализации насилия и его видоизменения в такие фиксированные и социально-приемлемые формы и проявления, которые обеспечили снижение коэффициента агрессивности каждого из участников социального процесса и, вместе с тем, стабилизировали сам социум как определенного рода систему. Преодоление одиозных форм агрессивности связано с табуированием последней. Для того чтобы это табуирование стало возможным, необходимо, чтобы дикое и неконтролируемое состояние антагонизма в наиболее очевидных его проявлениях оказалось замещено превращенной формой антагонистического столкновения участников первобытной общины, ненасильственной разновидностью антагонизма. Для этого необходимо, чтобы конфликт, в его наиболее кровавом выражении, превратился в конкуренцию. В результате реализации этого процесса первобытная стихия всеобщего уничтожения должна была смениться состязательностью как видоизмененной и ненасильственной формой взаимодействия субъектов социального процесса. Должно было произойти снижение напряженности, связанное с агрессивными импульсами

в развивавшемся социуме и, как следствие, снижение потенциала неприятия друг друга.

Важно иметь в виду то обстоятельство, что «война всех против всех», бесконтрольное проявление человеческой агрессивности на ранних фазах антропосоциогенеза могли быть и, по-видимому, были угрозой существованию самого человеческого рода. Поэтому канализация насилия, превращение его в систему политико-правовых регуляторов человеческого поведения может быть объяснено в контексте выживания человека как биологического вида, как естественное и необходимое усилие по наилучшей адаптации человека к внешней среде. Бесконтрольное, хаотическое насилие на ранних этапах эволюции человека и его постепенно превращения в социальное существо могло быть реальной угрозой существованию самой популяции. Стало быть, исходя из общебиологической закономерности адаптации как базового механизма всего живого, можно констатировать, что постепенная выработка приемлемых и несопряженных с откровенной агрессивностью форм антагонизма в рамках антропосоциогенеза было прямым ответом на вызов самой природы и тех потребностей, которые были сопряжены с необходимостью выживания в ней.

В этой связи возникает проблема необходимости объяснения того, почему насилие как форма человеческого бытия в докультурную эпоху обнаруживает тенденцию к бесконтрольному саморепродуцированию. Жирар дает на этот счет, с нашей точки зрения, вполне убедительный и исчерпывающий ответ. Он указывает на то, что фундаментальное свойство человека — это способность к подражанию (т.е. мимезису), наряду с другими двумя базовыми характеристиками человеческого бытия, а именно, склонности к социализации и мультипликации (репродукции).

Миметическая способность человека оказывается фундаментальным свойством для всей его культурной эволюции. Всеобщее подражание, в особенности в условиях, когда отсутствуют иные формы культурной манифестации индивида, оказывается той средой, в которой первобытное прото-сознание чувствует себя наиболее комфортно. В этом смысле миметическая способность первобытного человека содержит в себе как положительные, так и отрицательные следствия. К числу первых можно отнести способность к фиксации, усвоению и воспроизведению определенного рода навыков первобытной хозяйственной и прото-социальной деятельности, что, в конечном итоге, фиксируется в виде культурной традиции и усваивается следующими поколениями, постепенно превращаясь в более или менее устойчивую систему культурных стереотипов. Как справедливо замечает Р. Жирар: «Если бы наши желания не были ми-

метичными, они навсегда бы зафиксировались на predeterminedных объектах, они были бы особой формой инстинкта. Люди не в большей степени могли изменять свои желания, чем коровы на лугу. Без миметического желания не было бы ни свободы, ни человечности. Миметическое желание — благое по своей сути» [6, с. 22].

Говоря об отрицательных сторонах миметической способности человека, можно говорить о том, что агрессивность в своих кричащих, вопиющих и очевидных актах, связанных, прежде всего, с убийством соплеменника или представителя враждебного племени, оказывает столь яркое впечатление на зрителей и участников, что воспроизведение этого акта превращается в насущную необходимость, что, в конечном итоге, ведет к спиралевидному, экспонентному возрастанию насилия в первобытном племени.

Интенсивность этого процесса, бесконтрольный рост числа убийств и иных актов самодеструкции в контексте первобытного родового строя и оказывается той угрозой существованию самого биологического вида *Homo Sapiens*, преодоление которой должно было быть сопряжено с выработкой превращенных форм агрессивности, в конечном итоге, ведущих к возникновению феномена состязательности.

Состязательность как принцип социокультурной эволюции, лежащий в основании этого процесса, может быть понята как вынужденный и необходимый способ преодоления тех деструктивных потенциалов человеческой природы, которые, не будучи трансформированы в свои превращенные формы, способны были бы привести родовое сообщество к самоистреблению. Сама культура в более широком контексте, и состязательность как принцип социокультурной эволюции, могут быть поняты как результат стремления человека к самосохранению. Это своего рода следствие выработки тех механизмов адаптации к выживанию в природной среде, которые были условием сохранения самого биологического вида *Homo Sapiens*.

Возникает ненасильственный антагонизм — конкуренция, основанная на принципе состязательности как трансформированном, исходном, агрессивном импульсе, свойственном всей живой материи. Поскольку любая, в том числе и социальная система существует лишь до тех пор, пока находится в состоянии экспансии, целью которой является присвоение ресурсов, необходимых для ее сохранения и выживания, прекращение этого процесса ведет к возникновению статического состояния как следствия постепенной деградации структурно-образующих элементов социальной системы. В результате чего насилие, прежде пребывавшее в приемлемых формах конкурентно-состязательного взаимодействия участни-

ков социального процесса, вновь оказывается редуцированным к своим наиболее кровавым проявлениям, выходит на передний план социальной жизни и приобретает бесконтрольный характер, который сопоставим с тем, что наблюдался в докультурную эпоху.

Особый интерес вызывает отмеченная Жираром необходимость сакрализации политико-правовых, моральных и иных норм регуляции, обеспечивающих социуму как системе известную устойчивость. Наделение избыточным ценностно-смысловым содержанием того или иного аспекта социокультурной реальности, возведение его в ранг священного имеет, с точки зрения французского философа решающее значение для придания устойчивости той системе регуляторов социального поведения, которое обеспечивает наличие ненасильственных форм

антагонизма и, прежде всего, конкуренции. Сакральное кодифицирует такие нормы, препятствует рецидивам диких форм насилия, выступает в качестве своеобразного предохранителя против сползания общества к «войне всех против всех», тотальной дезинтеграции.

Необходимость нивелирования импульсов агрессивности продолжает сохранять свою актуальность и сейчас, в связи с тем, что современная социокультурная ситуация указывает нам на хрупкость ненасильственных форм состязательности и тенденцию перехода к открытым и нетерпимым формам соперничества индивидов в обществе. Сплошь и рядом они перерастают в конфликт, очень часто идущий на смену конкуренции и отрицающий ее, внося массовый деструктивный элемент и тая в себе угрозу существованию самого социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслов А. Г. Конфликт социальный / А. Г. Здравомыслов // Новая философская энциклопедия в 4 т. — М., 2010. — Т. 2. — С. 301–303.
2. Гусейнов А. А. Насилие / А. А. Гусейнов // Новая философская энциклопедия в 4 т. — М., 2010. — Т. 3 — С. 14–16.
3. Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки / В. И. Красиков — М., 2009. — 200 с.
4. Цуркан А. А. Спорт как модус состязательности / А. А. Цуркан. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014.-204 с.
5. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. — Изд., 2-е. — М., 2010. — 448 с.
6. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния / Р. Жирар. — М., 2015. — 202 с.

© Семенов Дмитрий Владимирович (ds771@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский государственный лингвистический университет

НАШИ АВТОРЫ

Artashkina T. — Far Eastern Federal University (FEFU) (Vladivostok)
tam.artand@gmail.com

Astashova E. — Academy Of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow; inspector of the Department of analysis and planning staff of the Department of internal Affairs on the Moscow underground GU MVD of Russia in Moscow
evg.rein@yandex.ru

Ayurova A. — Post-graduate student, National research Tomsk Polytechnic University
aidavtomske@mail.ru

Beskova T. — Professor, Saratov State Law Academy
tatbeskova@yandex.ru

Demchenko G. — Postgraduate, Kemerovo State University of Culture
kemzvon@mail.ru

Eliseeva N. — Candidate of psychological sciences, director, GBU RS (Y) «Center for social and psychological support of family and youth»
psycentr-ykt@yandex.ru

Kadyrov R. — Pacific State Medical University (Vladivostok)
rusl-kad@yandex.ru

Kapustina T. — Pacific State Medical University (Vladivostok)
12_archetypesplus@mail.ru

Khaibulina E. — Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics
msgosh12@yandex.ru

Khokholova S. — Methodist, GBU RS (Y) «Center for social and psychological support of family and youth»
mao-centr@yandex.ru

Kuteynikov A. — PhD in Psychology, Associate Professor, The North-West Institute of Management - Russian Academy of National Economy and Public Administration Saint Petersburg, Russia
alex_kutejnikov@mail.ru

Lutskan I. — Candidate of medical sciences, minister, Ministry of youth Affairs and family policy of the Republic of Sakha (Yakutia)
minmol@sakha.gov.ru

Medvedeva V. — Pacific State Medical University (Vladivostok)
vlada_kyubi@mail.ru

OUR AUTHORS

Morozova A. — The sports psychologist, independent researcher

Mu Ke — Graduate student, Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov
Ke.mu@yahoo.com

Nikolov N. — State Budgetary Educational Institution of Continuing Professional Education Chelyabinsk Institute of Personnel Development and Continuing Education
nikolov_1989@mail.ru

Openkov M. — Doctor of philosophy, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
kotobarz@gmail.com

Parfentyev V. — Sports psychologist, independent researcher

Prokhorova G. — Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Educational Organization of Higher Education – Association «TULA UNIVERSITY (TIEI)» Tula
prohorovagala@mail.ru

Pyshnova S. — Associate Professor, Russian University friendship of peoples
pyshnova59@mail.ru

Semenov D. — PhD in philosophy, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University
ds7771@bk.ru

Shemet I. — Doctor of psychological Sciences, Professor, AGAIN «National Institute named after Catherine the great»
irashemet@yandex.ru

Shemet S. — Sports psychologist, applicant, Moscow state pedagogical University

Tetenkov N. — Candidate of philosophy, docent, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
tenibo@yandex.ru

Volkov V. — Saint-Petersburg State University
vitv@rambler.ru

Wang Yifei — Far Eastern Federal University (FEFU) (Vladivostok)
wangyifei@mail.ru

Zhucova O. — Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Kemerovo State University

Zhucov V. — PhD in philosophy, Kemerovo State Medical University
oizh@list.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

